

ԵՇՇՄԵՐՄԻՈՂ ՈՐՐՄԱ

18+

Александр Лазков

Бессмертная партия

«Автор»

2026

Лазков А. А.

Бессмертная партия / А. А. Лазков — «Автор», 2026

Лондон, 1851 год. Викторианская Англия, город контрастов: роскошь аристократических особняков соседствует с грязью и нищетой Ист-Энда, а прогресс промышленной революции — с удушающим смогом и социальным неравенством. Джулиан Элмвуд, младший сын баронета, отказался от светской жизни ради работы сыщиком. Одно из дел приводит его к загадочной молодой вдове, графине Элеоноре Сент-Клер. Холодная, как мрамор, она скрывает под маской траурного величия острый ум и раненую душу. Их союз — это опасная игра, где ставки высоки как никогда: репутация, честь и, возможно, любовь. Смогут ли они противостоять врагам, плетущим интриги в тени, и найти друг в друге не только союзников, но и родственные души? «Бессмертная партия» — это захватывающий исторический детектив, полный тайн, интриг и запретных чувств, действие которого разворачивается на фоне мрачного и величественного Лондона.

© Лазков А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Богатая вдова и сын баронета	5
Глава 2 Чернила шантажа и яд горечи	18
Глава 3 Призрачный чай Востока	47
Глава 4 Рождественский подарок леди Изабеллы	87
Глава 5 Танцующая тень и потерянный кролик	128

Александр Лазков

Бессмертная партия

Глава 1 Богатая вдова и сын баронета

Лондон. 18 сентября 1851 год.

Сердце Викторианской Англии, бьющееся в ритме пара и стали, подобно сложному «сладкому наполеону», представляло собой пирог из резких контрастов: ослепительного промышленного прогресса, глубоких социальных пропастей и пестрого культурного разнообразия, лишь слегка прикрытых лоском имперского величия.

Столица, опьяненная мощью Промышленной революции, росла с неистовой, почти пугающей скоростью. Там, где ещё вчера были поля, сегодня поднимались кирпичные громады фабрик, их бесчисленные трубы, словно адские курильницы, непрестанно извергали густой, серо—желтый дым. Доки на Темзе кишели судами со всего света, их мачты образовывали мертвый лес над мутными водами. Земля содрогалась под тяжестью паровых молотов и гудела от нескончаемого грохота строительства. Особенно яростно кипела работа у возводимого гиганта — вокзала Кингс—Кросс. Леса, словно паутина, окутали его растущие арки и башни, сотни каменщиков и плотников трудились не покладая рук, чтобы успеть к намеченному сроку (официально открыт 14 октября 1852 года). Городской ландшафт перекраивался на глазах, железные дороги, словно стальные змеи, прорезали кварталы, навсегда меняя лицо столицы и само восприятие времени и расстояния.

Но прогресс имел свою удушливую цену. Знаменитый лондонский смог, «Большой дым», был не просто туманом — это была физическая субстанция. Угольные печи бесчисленных очагов и топки фабрик насыщали воздух едкой копотью и сернистым запахом. Туман, смешиваясь с сажей, превращал день в сумерки, окрашивая все в грязные тона. Солнце светило тусклым медяком сквозь эту вечную пелену. Дышать было тяжело, одежда мгновенно пропитывалась запахом гари, а здания покрывались липким черным налетом. Этот смог был не просто атмосферой, — он был символом эпохи — прогрессивной, но грязной, могущественной, но опасной для здоровья.

Контрасты Лондона били в глаза. Роскошь Вест—Энда — сияющие витрины магазинов на Риджент—стрит, безупречные парки, сверкающие лакированные экипажи, запряженные породистыми лошадьми, изысканные наряды дам и джентльменов — казалась миражом, когда взгляд обращался на Ист—Энд. Там, в лабиринтах переполненных трущоб вроде Спиталфилдс или Уайтчепела, царили вопиющая нищета и антисанитария. В тесных дворах—колодцах воздух стоял спертый, смешанный с запахами нечистот и гниющего мусора. Вода из колонок была часто загрязнена, болезни косили детей. Жизнь здесь была борьбой за выживание.

И все же, словно вопреки всему — смогу, нищете, тяжелому труду — уличная жизнь Лондона пульсировала с невероятной энергией. Улицы превращались в гигантские, непрерывные базары, где царил свой особый, шумный хаос. Продавцы горячего печеного картофеля, хранящего тепло в ярко раскрашенных жестяных коробках, предлагали свой товар. Мальчишки с бочонками зазывали на стаканчик имбирного пива: «*Пенни за кружку!*». Их голоса сливались с криками разносчиков: «*Мясные пирожки! Горячие пирожки!*», продающих, в придачу, странноватое «*рисовое молоко*» — густой, сладкий, мутный отвар из разбавленного молока, относительно дешевый напиток для бедноты.

Воздух был коктейлем из запахов: аппетитного аромата свежей выпечки и жареного мяса, сладковатой ванили, едкого имбиря, перебиваемого смрадом конского навоза, гниющей органики и вездесущей угольной пыли.

Азарт витал в самом воздухе. Торговцы пирожками не просто продавали еду — они превращали покупку в игру: *«Попробуй удачу, джентльмен! Монетка на кон! Выиграл — пирожок твой, даром! Проиграл — пенс платишь, но пирожок не получаешь!»* — завлекали они прохожих, подбрасывая монету. Вокруг таких импровизированных игорных точек всегда собиралась кучка зевак, подбадривающих смельчаков. Этот миг азарта, возможность получить что-то даром в мире, где каждый пенни был на счету, придавал уличной суете особый, нервный, порою отчаянный пыл.

Это был Лондон в разгар своей мощи и противоречий: город, строящий будущее на рельсах пара, задыхающийся в своем собственном дыму и кипящий неукротимой, шумной, часто жестокой жизнью на своих древних, переполненных улицах.

Лондонский туман, ещё не сгустившийся, а лишь томно обволакивающий Флит—стрит, расступился перед стремительной фигурой.

Джулиан Элмвуд. Молодой человек, чья густая шевелюра цвета темного шоколада была намеренно растрепана — будто он только что в задумчивости провел сквозь нее пальцами, бросая вызов безупречным викторианским проборам.

Слегка прищуренные глаза, серо—голубые, как лондонское небо перед грозой, смотрели на мир с насмешливой проницательностью.

Весь его облик — от легкой, почти пружинящей походки до отсутствия мрачных траурных аксессуаров — был тщательно продуманным, элегантным бунтом против душливой чопорности эпохи.

Сейчас этот бунт был облачен в безупречный костюм сланцево—серого оттенка, сидевший так, будто сросся с владельцем. Под пиджаком мерцал шелковый жилет с затейливым, но строгим геометрическим принтом. В прорези жилетного кармана поблескивала серебряная цепочка карманных часов — единственное, но весомое украшение.

На левой скуле, словно запятая в предложении его жизни, красовался тонкий, едва заметный шрам, добавлявший лицу загадочности. Никаких траурных булавок или мрачных перстней — только энергия и очаровательная дерзость.

Его легкая, танцующая походка несла его к цели: сыскному агентству «Контора Веббера: Консультанты по деликатным вопросам». Небольшая табличка на Флит—стрит, 17, указывала на третий этаж — царство организованного хаоса и гениальных прорывов, где работники чувствовали себя не служащими, а скорее членами неформального, талантливое братства.

Вот уже показалась скромная латунная вывеска: силуэт сыщика, замершего под стилизованной луной. Из распахнутых окон нижнего этажа доносился ритмичный грохот и лязг — это бушевала типография «Гриффин», чей неутомимый пульс бился прямо под ногами конторы Веббера.

Знакомый скрип деревянных ступеней, впитавших запахи типографской краски и пота носильщиков. Вечно распахнутая дверь на втором этаже выпустившая волну теплого воздуха, насыщенного знакомым, почти родным коктейлем: терпкий запах свежей газетной бумаги, металлический привкус свинцового сплава, сладковатый дух разогретого клея и вездесущая пыль.

— Доброе утро, мистер Хопкинс! — звонко, перекрывая шум машин, бросил Джулиан.

Джек «Кегельбан» Хопкинс, старший печатник «Гриффина» и по совместительству исполин с руками, напоминавшими дубовые окорока. Обернулся на слова приветствия. Правый рукав его рубахи был закатан до локтя, открывая татуировки, рассказывающие истории лучше бульварных романов. Поверх одежды — вечный кожаный фартук, щедро украшенный брызгами черной типографской краски и загадочными пятнами алого, о происхождении которых никто не решался спросить. Он пытался сдуть прилипшие к его великолепной рыжей бороде клочки бумаги — вечные спутники печатника.

— Доброе, Джули! — прогремел его голос, легко заглушая лязг соседней печатной машины «Уиппл». Трудно было поверить, что этот колосс, чья речь напоминала обвал камней, по ночам выводил изящным почерком сентиментальные романы под псевдонимом «Леди Агата Коленкор», пряча рукописи в потайном отделении ящика со шрифтом «Гротеск». — Элмвуд! Вчера печатал некролог баронессы Фэрфакс, а сегодня она у «Ритца» чай попивает да сплетничает! Вот вам и деликатные вопросы — подкину работы вашей конторе! — Он хитро подмигнул.

— Отлично! — улыбнулся Джулиан. — Я ещё зайду позже, заберу бракованные оттиски, как обычно. — Эти листы с кляксами, перевернутыми буквами и полосами были для него не мусором, а бесценным материалом для шифров и черновых заметок — дешево, сердито и анонимно.

Тут из—за угла, где хранились стопки свежотпечатанных листов, метнулась тень. Эллен Брайт, рисовальщица заголовков и грозный корректор «Гриффина», женщина хрупкого сложения, но негибаемого духа. На слегка крючковатом носу сидели очки с густо—синими стеклами — щит для глаз, невыносимо страдавших от яркого света. Над левым виском, вопреки возрасту, выбивался упрямый завиток совершенно седых волос. *«Да, — мелькнуло в голове у Джулиана. — Тот уровень стресса, что она испытывает, пытаясь привить грамотность нашим местным работничкам, любого заставит поседеть раньше срока».*

Она шустро неслась куда—то в своем практичном платье неопределенного цвета — нечто среднее между промокашкой и пасмурным небом, с серо—голубым отливом. Глубокие карманы, как всегда, были набиты карандашами всех твердостей и ластиками.

— О—ох! М—мистер Э—элмвуд! Простите! Н—не заметила! — её заикание, всегда усиливавшееся от волнения или спешки, резко контрастировало с железной уверенностью, с которой она могла часами спорить о тонкостях пунктуации или этимологии, превращаясь в настоящего грамматического Цербера. Джулиан не знал никого, кто бы так виртуозно владел всеми диалектами Лондона — от грубого жаргона докеров Ист—Энда до изысканных оборотов светских гостиных.

— Ничего страшного! И я рад вас видеть, мисс Брайт! — Его ответ сопровождала ослепительная белозубая улыбка, способная растопить любой лед.

— О—очередной граф о—объявил в «Таймс» о помолвке д—дочери... — Эллен нервно поправила очки, — но в—место «радость» н—напечатали «гадость»! Б—бедняжка леди Элинор, теперь её т—так кличут в свете. И е—ещё, М—мистер Э—элмвуд... — голос её дрожал от негодования, — это н—не слыханно! В «Морнинг Пост» в з—заметке про то к—колье, ч—что ваша контора раскрыла... Все глаголы в п—прошедшем времени перепутаны! Прямо катастрофа! —

— Ужасно, мисс Брайт, совершенно вас понимаю, — Джулиан изобразил на лице подobaющую случаю глубокую скорбь и приложил руку к сердцу, хотя в глазах искрилось веселье. Он ценил её фанатичную преданность языку.

— С—свежую криминальную х—хронику я у—уже отнесла н—на ваш стол. Там п—про тот инцидент с почтовой каретой. —

— Мисс Брайт, — Джулиан наклонился чуть ближе, лучезарно улыбаясь, — а вам говорили сегодня, что вы самая прекрасная и остроумная женщина во всем Сити? —

— Б—будет в—вам глупости молоть! — Она смущенно отмахнулась, но легкий румянец все же проступил на её щеках под синими стеклами.

В этот момент под самой рукой Джулиана, словно выпущенный из пращи, промчался вихрь. Томми О'Лири, он же «Шустрик» — универсальный мальчик на побегушках типографии. Лет четырнадцати, весь в веснушках, он узнавался за версту по огненной копне непослушных рыжих волос и кепке с козырьком, съехавшей набекрень. На его поясе, как сабля, гордо висел свисток — оружие на случай погони за воришками, стащившими пачку свежих газет.

Но настоящим сокровищем этого мальчика была невероятная осведомленность. Томми был ходячей, дышащей энциклопедией лондонских слухов, сплетен и подноготной: он знал, какой лорд тихо спускает фамильное серебро в ломбарде на Хоунсдитч, где в эту минуту прячутся картежники, сбежавшие от долгов, и почему вчера плакала жена пастора из Сент—Брайд. Его информированности мог бы позавидовать иной инспектор из Скотланд—Ярда. — Простите, мистер Элмвуд! Не задержусь! — крикнул Томми на бегу, уже исчезая в дверях.

Типография «Гриффин» была не просто местом работы. Это был живой нервный узел Лондона. Сюда, в этот шумный, пропахший краской и бумагой хаос, новости стекались раньше, чем в самые оперативные редакции. Джек Хопкинс видел заказы на фальшивые афиши и объявления, читая между строк. Элен Брайт вылавливала сенсации и компромат, замаскированные в светской хронике и некрологах. Томми ОЛири ловил шепот улиц, рынков и темных переулков. Они были глазами, ушами и неофициальной информационной сетью Джулиана Элмвуда. Без них он был бы как мастер без инструментов. С ними же — он мог разгадать любой секрет, спрятанный в каменных джунглях викторианской столицы.

И вот заветный третий этаж. Молодого сыщика встречала внушительная черная дверь, больше похожая на портал в иное измерение, чем на вход в офис. На ней висел маленький, но звенящий колокольчик и лаконичная табличка: *«Для курьеров и отчаяния»*. Ирония витала в самом воздухе лестничной клетки.

Открыв дверь, Джулиан встретил знакомый, вечный хаос — его естественная среда обитания. Пыль, осевшая на решетчатых окнах, превращала стекла в матовые экраны, на которых едва угадывались силуэты бесконечных картотек и призрак вечно коптящей газовой лампы, отбрасывавшей дрожащие тени.

Приемная была попыткой навести подобие порядка, быстро сметаемым жизнью конторы. Слегка потертые бархатные кресла — свидетели тысяч нервных ожиданий — стояли напротив скромного мраморного столика. На нем, как сакральный артефакт, покоилась подшивка «Полицейской хроники», зачитанная до дыр. Главным украшением стены была гигантская карта Лондона, превращенная в поле битвы преступлений. Цветные булавки отмечали точки интереса: черные — дерзкие кражи, белые — запутанные супружеские измены (самые щекотливые дела конторы), синие — тонкие нити шантажа. Карта жила, дышала, обрастая новыми отметками ежедневно.

За ширмой, увешанной бисерной занавеской, обосновалась Мэри — секретарша, бывшая актриса мелодрам. её пальцы порхали над клавишами «Ремингтона» с такой же страстью, с какой она, когда—то играла Дездемону. Сейчас она оформляла нового клиента — тучного джентльмена в дорогом, но мятом костюме. Джулиан не стал вглядываться, уловив лишь обрывок шепота, полного паники: *«Ради Бога, только анонимно!»*

Мэри метнула на клиента взгляд, в котором смешались профессиональное терпение и глубокая скука. Затем, не меняя выражения лица, она взяла в рот изящную курительную трубку (вечный атрибут её образа) и отпустила сквозь бисерную занавеску язвительный комментарий, адресованный уже скорее воздуху, чем кому—то конкретному:

— Анонимно, говорите? Милейший, в этой конторе даже мухи подписывают контракты о неразглашении. Расслабьтесь, ваша тайна умрет красиво...

Джулиан прошел дальше, в Главный зал — сердце конторы, где царил творческий беспорядок. Просторное помещение было заставлено шестью массивными дубовыми столами, похожими на острова в океане бумаг. Они тонули под вулканами досье, архипелагами книг, затерянными лупами и ансамблями чашек с давно остывшим, забытым чаем.

По правой стороне зала тянулись книжные шкафы—великаны, исполнявшие роль архива. Стеллажи кряхтели и прогибались под весом папок с говорящими названиями: «Скандалы 1840—х: Падения и Взлеты», «Мошенники—аристократы: Лисы в Павлиных Перьях»,

«Пропавшие наследники: Тени Богатства». Достать что-то с верхней полки было подвигом, равным восхождению на Монблан.

Слева красовалась знаменитая «Доска позора». На ней, как трофеи, висели рисунки самых неуловимых мошенников Лондона. Забавно, что некоторые портреты украшали художественно подрисованные усы, баки или даже рожки — плоды ночного вдохновения Джулиана. Он до сих пор помнил, как Веббер, обнаружив «улучшенный» портрет известного карманника, чуть не прибил его этим же рисунком к доске. *«Элмвуд, это не художественная школа!»* — гремел он тогда, но в глазах мелькало едва уловимое потепление. Штраф в виде чистки всех луп спас Джулиана от более суровой кары.

Завершал эту композицию контролируемого хаоса кабинет самого Шерлока Веббера. Бывший инспектор Скотленд—Ярда, 60 лет, любитель крепкого портвейна и цитат из Библии (особенно из Ветхого Завета, с духом справедливого возмездия). Его личное пространство дышало простотой и характером: старая лампа «Роза ветров» (подарок от моряка—клиента), чучело ворона по кличке «Свидетель» (следствие одного запутанного дела о наследстве), и сейф, мастерски замаскированный под массивный фолиант Библии с двойным дном. Воздух здесь был густым коктейлем из запахов дубленой кожи (любимый плащ шефа), крепких гаванских сигар и терпкого чернильного ореха.

Лаборатория, где работал Джулиан, была личным царством науки и иногда — безумия. Здесь стоял его стол, заваленный ретортами, пробирками и колбами с подозрительно мутными, шипящими или флуоресцирующими жидкостями. На соседнем столе, как алтарь точности, располагались: мощный микроскоп «Карл Цейсс», спектроскоп для анализа образцов и полный набор для почвоведческой экспертизы.

На стене, вместо дипломов, красовалась его гордость — коллекция отмычек, аккуратно разложенная на бархате, как драгоценности. А под ней висела схема с загадочным заголовком: *«Как отличить поддельный рубин от настоящего с помощью спаржи и медного купороса»* — результат одного особенно удачного (или неудачного?) эксперимента.

Однако самым загадочным объектом был небольшой металлический шкафчик с грозной надписью на дверце: *«Не открывать! Эксперимент 12. Биоломинесценция. Опасно!»* Там, в полной темноте и влажности, Джулиан пытался культивировать собственный штамм светящихся грибов для тайной маркировки предметов. Результаты пока были... непредсказуемыми. В качестве дополнения от лаборатории отходила «Тёмная комната», пахнущая уксусом и фиксажем, — царство фотографии, где улики обретали видимую форму.

Оглядевшись, Джулиан отметил, что из постоянной «Семьи чудаков» Веббера сегодня присутствовали лишь двое: сам шеф и доктор Ливия Пендлтон — философ с глубокими познаниями в психологии и невропатолог с ледяным взглядом, обладающий страстью к изучению почерка и мельчайших признаков истерии у лжецов. Шутить с ней было равносильно игре в русскую рулетку. Говорили, что в её изящном лорнете, который она никогда не выпускала из рук, был спрятан миниатюрный дротик с парализующим ядом. Джулиан предпочитал верить слухам и держался от доктора Пендлтон на почтительном расстоянии.

— Доброе утро, шеф! Есть новое дело?! — бодро отрапортовал Джулиан, его энергия казалась несовместимой с унылым лондонским утром за окном.

Мистер Веббер поднял на него пронзительный взгляд из—под густых бровей, похожий на луч прожектора.

— Для тебя, Элмвуд, *всегда* найдется дело. Не дашь скучать ни себе, ни нам. — Шеф откашлялся. — Сегодня утром поступило прошение от мистера Арчибальда Фэрнсворта, банкира из Сити. Утверждает, что его шантажируют, используя... любовные письма весьма пикантного содержания. Займись. Клиент щедр, можешь содрать с него за уничтожение улик не только гиней, но и пачку акций его проклятого банка. Детали у Мэри. —

— Понял, шеф! Приступаю немедленно! — Джулиан уже мысленно представлял, какие реагенты могут помочь проанализировать чернила или бумагу писем.

— А, чуть не забыл. — Веббер потянулся к стопке корреспонденции. — Тебе пришло письмо. Конверт дорогой, печать фамильная... Кажется, что—то важное. —

Лучезарная улыбка Джулиана мгновенно померкла, сменившись настороженностью. Письмо в контору ему могли написать лишь два человека на свете: отец или старший брат. И ни один из этих вариантов не сулил ничего хорошего.

Джулиан Элмвуд был вторым сыном сэра Генри Элмвуда — баронета с обширным, но скучным поместьем в Суррее. По жестоким законам первородства, все титулы, земли и капиталы в свое время перейдут к старшему брату Джеймсу — образцу викторианской респектабельности и скуки. Джулиану же досталась скромная рента в 300 фунтов в год и, что гораздо ценнее, полная свобода от семейных обязанностей и ожиданий. Отец, сэр Генри, никогда не скрывал своего презрительного непонимания к «игрищам» младшего сына. Первая крупная ссора грянула, когда Джулиан, к ужасу отца, выбрал в Оксфорде классическую филологию и химию — сочетание, абсолютно бесполезное для политической карьеры в высших кругах. Работа в респектабельном (по меркам детективного бизнеса) агентстве Веббера, иногда обслуживающем саму *знать*, которую сэр Генри уважал, слегка остудила пыл баронета, но не принесла понимания. Джулиан оставался «черной овцой», пусть и в элегантном костюме.

Характер Джулиана также был вечной головной болью для сэра Генри и предметом обожания (и легкого отчаяния) у коллег.

Его расслабленная харизма, граничащая с беспечностью, ленивая, чуть вызывающая ухмылка, вечно вылетающий неуместный каламбур или абсурдная аналогия могли свести с ума. Но именно эта легкость, умение разговорить кого угодно — от запуганной горничной до надменного лорда — делала его незаменимым. Особенно если в руках Джулиана оказывалась кружка доброго эля — тогда успех в «беседе» был гарантирован почти наверняка.

Коллеги прощали ему его чудачества, потому что под этой показной несерьезностью скрывался острый ум и редкая наблюдательность. Он замечал мельчайшие детали — несоответствие пуговицы на камзоле, микроскопическое пятнышко на перчатке, едва уловимый акцент. Но главное — он интерпретировал их нешаблонно, с присущей ему долей научной дотошности и дерзкого воображения. Он видел связи там, где другие видели лишь хаос — как в своей лаборатории, так и в лабиринтах лондонских преступлений.

Лаборатория внезапно показалась Джулиану слишком тихой. Даже привычное тихое шипение какого—то эксперимента в углу и мерцание голубоватого света из шкафчика 12 не могли заглушить гул тревоги, поднявшийся в его груди при виде фамильной печати. Письмо лежало на столе поверх схемы ручного механизма, как незваный гость, нарушивший гармонию научного хаоса.

— Что ж, — вздохнул он, и звук собственного голоса, прозвучавший слишком громко во внезапной тишине, заставил его вздрогнуть. — Как бы мне ни хотелось бросить эту вещь в ту самую реторту... письмо надо прочесть. —

Он отодвинул колбу с мутной жидкостью цвета запекшейся крови (остатки вчерашнего анализа ткани) и начал беспорядочно копаться в завалах на столе. Его движения, обычно такие точные и уверенные, стали резкими, нервными: *«Под стопкой записей по токсикологии? Нет. Запихнул его под микроскоп, чтобы не видеть? Тоже нет...»*

Шелест бумаги под пальцами казался неистовым, почти злым. Наконец, из—под чертежа усовершенствованной отмычки он выдернул изящный письменный нож с ручкой из слоновой кости — подарок от матери на совершеннолетие, ироничный символ мира, в котором он так и не нашел своего места.

Лезвие блеснуло холодным светом под лампой. Джулиан повертел нож в руках, будто взвешивая, стоит ли вскрывать конверт или пустить его на перфорацию для новых опытов. С

горечью он провел острием под плотным клапаном. Звук рвущегося сургуча — такой знакомый с детства, всегда предвещавший либо скучные нотации, либо нелепые приказы — отозвался в тишине громче выстрела.

Письмо было написано четким, безличным почерком секретаря сэра Генри, но каждое слово дышало холодом отцовской воли:

«Дорогой Джулиан, Сэр Генри Элмвуд поручил мне уведомить вас, что он и мистер Джеймс Элмвуд будут не в состоянии посетить благотворительный вечер мистера Арчибалда Фэрнсворта, назначенный на пятницу сего месяца. Непредвиденные обстоятельства в управлении помещьем требуют их безотлагательного присутствия в Суррее. Сэр Генри, однако, считает необходимым подчеркнуть важность поддержания связей с мистером Фэрнсвортом, чей банк оказывает существенные услуги ряду наших арендаторов и партнеров. Учитывая сложившееся положение, сэр Генри полагает, что ваше присутствие на вечере будет наиболее логичным и целесообразным решением. Вам надлежит явиться в особняк Фэрнсвортов на Гросвенор—сквер ровно к восьми часам вечера в соответствующем случаю костюме. Проявите должное внимание к хозяевам и постарайтесь не допустить эксцентричных выходов, могущих бросить тень на репутацию семьи. Искренне ваш, Э. Уилер, секретарь сэра Генри Элмвуда»

Джулиан медленно опустил лист. Холодная волна раздражения смешалась с горькой усмешкой. *«Непредвиденные обстоятельства в поместье?»* — скорее всего, отец просто счел мероприятие банкира ниже своего достоинства или Джеймс придумал что-то «более важное». А работа Джулиана вновь стала чем-то посредственным. До такой степени, что можно послать «черную овцу» представлять славное имя Элмвудов на вечере у человека, которого, возможно, шантажируют.

«Проявите должное внимание... без эксцентричных выходов...» — эти слова жгли как щелочь. Они звучали как приговор его личности, его единственному оружию — умению быть не таким, как все. Шеф хотел, чтобы он «содрал с банкира побольше акций», а отец требовал вести себя как послушный манекен в смокинге. Ирония ситуации была густой, как лондонский смог.

Он бросил письмо на стол. Оно легло рядом с бракованным оттиском из типографии «Гриффин», где перевернутая буква превращала «благотворительность» во что-то невообразимо похабное. *«Какая прекрасная метафора, —* подумал Джулиан с язвительной горечью.
— Весь этот вечер будет одним большим бракованным оттиском...»

Лабораторная тишина снова сомкнулась вокруг, но теперь она была иной — тяжелой, звенящей от невысказанного протеста и неизбежности. Да, письмо было прочитано. Игра началась. Теперь ему предстояло решить, какую роль играть: почтительного сына баронета, хладнокровного агента Веббера, или же... Джулиана Элмвуда, который найдет способ быть всеми ими сразу и при этом не задохнуться от лицемерия.

Он потянулся к пробирке с чем-то искрящимся — нужно было срочно придумать новый эксперимент, чтобы заглушить гул мыслей. Или хотя бы ядовитый привкус отцовского поведения.

Пока в лаборатории Джулиана Элмвуда клокотали реактивы и горчило отцовское письмо, в богатых кварталах Лондона медленно пробуждалась жизнь. Солнце, бледное и нерешительное, пыталось пробиться сквозь привычную дымку, скользя по крышам Белгравии. Здесь, на Белгрейв—сквер, 44, возвышался особняк, чье имя нащёптывали с опаской и любопытством — «Чёрная Магнолия». Каждый его камень, отполированный временем и тайной, дышал холодным величием и обещанием скрытых драм.

Тёмный экипаж замер у подъезда. Атмосфера медленно загустела в мрачном ожидании своей госпожи. Графиня вернулась домой. Ступив на гравий японского сада, она направилась

к дому. Здесь не было цветущей пышности — только тщательно подобранные валуны, покрытые бархатистыми мхами изумрудных и пепельных оттенков. Морщинистый гравий скрипел под её ногами с леденящим душу звуком, словно перекатывались крошечные кости. В центре этого медитативного хаоса возвышалась окаменевшая магнолия. Древние ветви, густо покрытые чёрным лишайником, дали дому его зловещее имя, и тишина, нарушаемая лишь ветром, окутала всё вокруг.

С каждым шагом она становилась всё ближе, полностью утопая в мрачном убранстве особняка. Внешний вид строения был воплощением ледяной неприступности. Строгий неоклассический стиль придавал ему форму единого белого блока из портлендского камня, лишённого каких-либо излишеств. Колонны коринфского ордера поддерживали портик, а утончённая лепнина и статуи подчёркивали аскетичную чистоту. Он напоминал греческий храм, посвящённый богине молчания и забытых клятв.

Отражения терялись в затемнённых стёклах окон — технологической новинке 1840-х годов, добавлявшей мрачной загадочности. Днём они были зеркальными, отражая мир с холодным безразличием, а ночью изнутри мерцали тусклым желтоватым светом, словно недремлющие глаза совы, отслеживающей добычу.

Вот перед ней входная дверь из чёрного дуба — тяжёлая и неподатливая, украшенная бронзовыми накладками в виде закрученных спиралей. Медный дверной молоток был отлит в форме головы Горгоны; её каменный взгляд, казалось, замораживал кровь в жилах.

Открыл дворецкий Гривз. С привычным безмолвием он возник внезапно, будто вырос из древесных панелей. Будучи бывшим полковым сержантом, Гривз перенёс армейскую выправку и дисциплину в стены роскошного поместья, доведя их до абсолюта. Мрачности добавляло его лицо — неподвижное и жёсткое, напоминающее ритуальную маску самурая. Он передвигался бесшумно: его шагов не было слышно даже на скрипучих половицах. Взгляд Гривза, холодный и оценивающий, видел всё, но ничего не выдавал. В складке безупречного рукава ливреи таился изящный стилет — элегантное напоминание о том, что под маской невозмутимого слуги скрывается телохранитель, для которого защита графини и её владений — священный долг.

Едва кивнув, госпожа вошла в дом. Интерьер был продолжением театра теней, разыгрываемого фасадом. Первым её встретил гулкий холл. Холод стен проникал сквозь ткань одежды. Мраморные полы в шахматную клетку вели к двум полукруглым лестницам. В стену, где сходились лестницы, были встроены огромные часы. Тонкие ажурные стрелки стояли на без тринадцати десять (21:47). В свете ходили слухи, что это точное время кончины прежнего графа. Под циферблатом, в глубокой нише, стояла статуя Артемиды — греческой богини охоты. Каменный взгляд девы был устремлён в пустоту, но лук оставался на боевой изготовке.

Сразу из холла открывался путь в бальный зал. Круглый, как цирковая арена или склеп, он поражал своей пустотой. По стенам, повторяя изгиб, шли огромные зеркала в роскошных рамках из червлёного золота; их блистательные отражения были задрапированы чёрным бархатом. Единственным предметом в этом царстве пустоты был чёрный матовый рояль Bechstein, похожий на гроб.

По левую сторону находилась просторная гардеробная, куда Гривз заботливо повесил пальто госпожи. Девушка одним непринуждённым жестом отпустила дворецкого и в одиночестве направилась на второй этаж.

По правую сторону от неё располагалась Голубая гостиная для приёма гостей. Стены, обитые бархатом цвета грозового неба перед ливнем, поглощали свет. Взгляд поражала роскошь и строгость мебели. Особенно внимание привлекала стеклянная витрина с коллекцией парфюмированных флаконов с Ближнего Востока, сделанных из стекла и алебаstra.

Звук шагов графини отражался многократным, нарастающим эхом, как капли воды в бездонном колодце. Поднимаясь по лестнице, она сделала глубокий вдох. Запахи в доме были не менее выразительны, чем визуальные образы: холодный воск полированных поверхностей,

горьковатый аромат сушёной полыни, разложенной по углам для защиты от моли, и едва уловимая, но узнаваемая горькая сладость миндаля — вечный спутник цианистых соединений, с которыми хозяйка дома экспериментировала в подвальной лаборатории.

«Чёрная Магнолия» не была просто домом — это была материализованная тайна, холодный каменный организм, чьи стены помнили каждый шёпот, каждую ложь, прозвучавшую в просторных залах, и терпеливо ждали того, кто осмелится вскрыть его секреты, заплатив за знание сполна. Даже в солнечный полдень здесь царил полумрак. Свечи горели только в личном кабинете хозяйки, а лампы скрывались под абажурами из чёрного шёлка, отбрасывающими призрачные пятна света.

Второй этаж был безраздельным владением нынешней хозяйки. В левом крыле — кабинет графини, её истинное святилище. Стены, обитые глубоким тёмно—зелёным сафьяном, создавали ощущение погружения на дно океана. В полукруглой зоне, напротив затемнённых окон, стоял массивный готический письменный стол, испещрённый потайными ящичками и механизмами. На его полированной поверхности царил идеальный порядок: несколько толстых журналов учёта доходов от угольных шахт, подставка для перьев, чернильница и — как мрачное *memento mori* — засохшая ветка белены.

Слева — камин, пара кресел и высокий шахматный столик. Справа — книжные шкафы от пола до потолка, ломящиеся от томов, тематика которых считалась крайне нестандартной для светской дамы. Например, фундаментальный «Трактат о ядах» Матье Орфили, «Логика» Джорджа Буля, сухие, пугающе детализированные отчёты патологоанатомов.

Вторую часть кабинета занимала библиотека почившего графа, которую леди оставила наглухо запертой. Замочная скважина, словно глаз циклопа, позволяла лишь мельком увидеть такие же высокие книжные шкафы и внушительный сейф, стоявшие в темноте. Оттуда же, сквозь щель под дверью, струился призрачный запах — смесь выдержанного коньяка и горького миндаля, оставшаяся с того самого рокового вечера.

Графиня зашла в кабинет, едва взглянув на закрытую дверь. Строгий взгляд обратился к пустому камину, на полке которого стояла портретная миниатюра. С этого небольшого полотна на неё смотрели трое. Первой была маленькая девочка лет семи с удивительными изумрудными глазами. Единственная дочь супружеской четы Вэнхольм, которая когда—то и предположить не могла, что однажды получит высокий титул и станет самой загадочной вдовой Лондона.

— А может, и знала... — Элеонора Вэнхольм была девушкой, чья юность протекала в контрасте глубоких теней и редких лучей света. Её мир был соткан из звенящей тишины библиотеки Вэнхольмов, где пыль веков оседала на фолиантах, а единственными звуками были шелест страниц и тиканье маятника огромных напольных часов. Здесь она дышала свободно — пока душу не опалял холодный мрамор материнского неодобрения.

Следующим героем миниатюры была леди средних лет с тусклыми волосами и острым взглядом. Дражайшая матушка — Изабелла Вэнхольм. Женщина до крайности честолюбивая, подобная ледяному вихрю амбиций. Каждое движение дочери, каждое проявленное любопытство, каждый взгляд, задержавшийся на отцовских книгах дольше положенного, встречались с едва заметным, но пронзительным, как булавка, комментарием.

Элеонора рано поняла, что для этой привередливой женщины она никогда не станет дочерью. Для леди Изабеллы она была драгоценной и в то же время несовершенной куклой, которую можно выгодно продать на брачном рынке. Любознательность и живой ум — опасный изъян, угроза приличиям и грандиозному плану родовой аристократки.

Отчаянно пытаясь доказать матери свою ценность, она смирилась с поражением. Так Элеонора закрыла своё сердце, выстроив единственно допустимый щит против этого ледяного ветра — свою безупречную сдержанность. Она научилась говорить тихо, так, чтобы слова возникали из воздуха. Двигаться плавно, словно невесомая тень. И главное — надевать маску

непроницаемого лица, за которой можно было спрятать целую вселенную мыслей, боли и презрения.

Последним героем на портрете оставался сэр Эдгар Вэнхольм — единственный островок тепла в жизни девушки. Отец Элеоноры был эрудитом, человеком редкой интеллектуальной глубины и столь же редкой практической беспомощности в светских делах. Его мир — раскопки на Ближнем Востоке и в Малой Азии, расшифровка таинственных загадок прошлого и лекции перед сонмом важных коллег в Королевском обществе. Мир подлинной страсти.

В глазах дочери он видел не просто красоту, которую так ценила мать, а родственный огонёк интеллекта. Единственная дочь стала для него «Маленькой Афиной». Эдгар передавал ей знания и учил видеть мир с самых удивительных сторон. Вместе они изучали древнегреческий и латынь, читали исследования в области археологии и истории. Иногда по вечерам они рассматривали зарисовки Эдгара с раскопок, где в слоях почвы скрывались монеты, древние вазы, статуэтки, подлинность которых определялась в мельчайших нюансах. Бесспорно, вечерние чтения Ричарда Ч. Тренча «О словах и их истории» стали одними из самых дорогих воспоминаний её детства. Отец был её единственным союзником. Однако ни одной радости не суждено длиться вечно.

Мать настаивала на безупречном вышивании и игре на фортепиано. Сквозь нелюбовь Элеоноре пришлось освоить эти навыки с холодным совершенством. Днём она — примерная аристократка, готовящаяся к конкурсу невест. Ночью же Элеонора погружалась в отцовские книги: логика как карта для навигации в хаосе человеческих поступков, история как учебник повторяющихся ошибок и мотивов, естественные и точные науки как система понимания мира через детали.

Так ум, отточенный в библиотечной тишине, стал острее скальпеля. Наблюдательность превратилась в инстинкт выживания. Отныне каждый перед ней был подобен открытой книге. Элеонора подмечала малейшую дрожь в уголке губ тёти Августы, что предвещала зловредную сплетню. Неуверенный жест молодого виконта, поправляющего галстук, возвещал о проигрыше в картах. Слишком яркий, неестественный румянец на щеках матери — верный признак предстоящего визита надоедливой, но богатой поклонницы. Не могли скрыться от зоркого глаза даже слуги. Грязь специфического оттенка на сапоге садовника указывала не на клумбы, а на таверну у реки. Пропавшая серебряная ложка «находилась» благодаря мимолётному, полному жадности взгляду новой горничной на китайскую вазу. Девушка видела этот спектакль светских визитов и служебных проказ. Возможно, в какой-то степени это её забавляло. Пока однажды по семейным делам не пробежала тревога.

Направляясь в библиотеку, она подслушала разговор отца с управляющим: непомерно растущие долги и неэффективность ведения хозяйства, которую мать игнорировала в погоне за видимым благополучием и состоятельностью — Элеонора молчала, размышляя, как бы помочь, не подозревая о скором несчастье. Внезапная смерть сэра Эдгара перевернула всё. Его уход стал личной трагедией девушки. Элеонора навсегда сохранила в сердце день похорон, когда, стоя рядом с бездыханным телом, она сжимала в руке подаренную им камею с Афиной — украшение, символизирующее мудрость и скрытую силу. До боли вбиваясь ногтями в ладонь, она прощалась с единственным ярким пятном своего мрачного, монохромного мира.

Иллюзия благополучия, так тщательно поддерживаемая леди Изабеллой, рухнула. Долги выплыли наружу. И в этот самый миг Элеонора, даже не вошедшая в высший свет, обладательница невероятной красоты и скандально ничтожного приданого, превратилась из перспективной невесты в обузу.

Граф Монтегю (58 лет) возник как мрачное решение. Когда-то его заинтересовала работа сэра Эдгара по изучению древнего ассирийского города Дур—Шаррукин («Крепость Саргона»), с которой тот выступал в Арундэл—хаусе в 1843 году. Кроме того, отец привёз

из крепости внушительную коллекцию ценных артефактов. Тогда же, во время лекции, граф впервые встретил Элеонору.

Элеоноре было всего одиннадцать, когда она впервые привлекла внимание графа Монтегю. Искушённый в делах и людях, он мгновенно оценил выгоду, которую мог принести союз со старинным родом Вэнхольмов. Девушка обладала не только аристократической кровью, но и живым умом, что делало её в будущем идеальной партией для укрепления его влияния. Владелец угольных шахт и роскошных особняков привык просчитывать ходы наперёд, и в тот день он принял решение — когда Элеонора достигнет нужного возраста, он добьётся её руки любыми средствами.

Леди Изабелла медлить не стала. Породниться с графской семьёй в их плачевном положении было истинным спасительным якорем. Особого выбора у Элеоноры не было. Протест был бы сметён материнской волей и общественным давлением. Однако в «согласии» не промелькнуло и тени покорности — только ледяной, аналитический расчёт. Брак виделся тюрьмой, но тюрьмой с единственным выходом из материнского дома и — главное — ключом к невообразимым ресурсам и независимости.

Спустя несколько месяцев, в феврале 1850 года, в возрасте 19 лет, Элеонора стала леди Сент—Клер, графиней Монтегю. Брак продлился ровно 97 дней. Граф скончался в своём кабинете от внезапной остановки сердца. Так с мая того же года в Лондоне появилась самая богатая вдова с годовым доходом в 200 000 фунтов — целое состояние, дающее колоссальную свободу.

Однако за трагичной смертью мужа и несметным богатством пришла зависть. За спиной у девушки шептались, что в смерти графа повинен его собственный необузданный гнев, спровоцированный ледяным сердцем молодой супруги. Зазвучали негласные прозвища: «Чёрный паук», плетущий невидимые сети; «Мраморная сирена» — холодная и прекрасная, опасная для тех, кто поддастся её чарам или перейдёт дорогу; «Чёрный лебедь», столь одинокий в своей судьбе.

Смахнув печаль воспоминаний, Элеонора села за рабочий стол. Ей предстояло составить несколько смет по подготовке шахт к осенним ливням. Слабый свет, пробивавшийся сквозь тяжёлые бархатные шторы, выхватывал лишь серебряные уголки письменного стола и бледные, сосредоточенные руки графини. От воспоминаний не осталось и следа: она полностью погрузилась в отчёты о работе йоркширских шахт. Цифры и колонки расходов — новая арена сражений, которую приходилось изучать с холодной яростью хищника, отслеживающего неэффективность или попытки обмана. Тишину нарушал лишь скрип пера.

Дверь бесшумно открылась. В кабинет тенью прошла Кора — личная горничная молодой графини. Француженка лет пятидесяти с лицом, отполированным годами сдержанности, она двигалась по дому как тень. Немая не от рождения, а по трагической случайности, Кора превратила свой недуг в оружие наблюдательности. Её острый взгляд читал слова на губах хозяйки быстрее, чем те успевали оформиться в звук. Общение их происходило краткими, чёткими записками на крошечных листках — этими драгоценными квадратиками Кору щедро снабжала сама госпожа. Они были не просто бумажками, а ключами к доверию. Кора знала всё: от предпочтений в чае до глубоких тайн, запертых в кабинете хозяйки. Она была не слугой, а хранителем, единственным существом в мире, перед которым леди Элеонора позволяла маске величия отступить.

Горничная остановилась на почтительном расстоянии, ожидая. Элеонора не подняла головы сразу — завершала мысленное сопоставление цифр из двух разных отчётов. Когда немая горничная сделала ещё шаг вперёд, достаточно близко, чтобы войти в поле зрения хозяйки, та прервалась. Перо замерло над бумагой. Холодные, пронзительные изумрудные глаза поднялись, устремившись на Кору.

— Что—то случилось? — голос Элеоноры был тихим, как шелест шёлка, и в нём звучала привычная властность. Вопрос не требовал лишних слов или объяснений. Кора, встре-

тив взгляд, лишь чуть склонила голову в знак подтверждения. Она приблизилась и поставила перед Элеонорой серебряный поднос прямоугольной формы — предмет безупречной чистоты, отражавший тусклый свет. На нём с геометрической точностью лежало письмо.

Графиня взяла конверт тонкими пальцами. Качество бумаги, штемпель, почерк адресата — всё было мгновенно проанализировано ещё до вскрытия. Письмо прислал Арчибальд Фэрнсворт. Банкир, чьи финансовые сети опутали половину лондонского Сити, а влияние простиралось далеко за пределы банковских сводов.

Разломив сургучную печать с привычной точностью, Элеонора быстро пробежала глазами текст. Это было приглашение на благотворительный вечер. Однако ключевым было не это.

Мистер Фэрнсворт — человек, который не просто знал покойного графа Монтегю, а напрямую с ним работал. Возможно, даже знал о тех делах, которые Элеонора только начала разбирать. Сама же она с банкиром не пересекалась — старая гвардия деловых партнёров мужа предпочитала держать молодую вдову на расстоянии. Теперь появилась возможность обзавестись знакомством с одним из самых влиятельных банкиров Лондона... Это была брешь в стене, окружавшей молодую вдову, что могла привести к новым, весьма интересным последствиям. В изумрудных глазах мелькнул холодный огонёк расчёта. Она отложила приглашение на стол. Взгляд скользнул по отчётам, а затем вернулся к Коре, всё ещё стоящей в ожидании. Решение было принято за секунду, следом взвешены риски и потенциальные выгоды.

— Кора, подготовь всё. Вечером у меня важное мероприятие. — Фраза была произнесена ровно, без лишних интонаций, но в ней звучала непререкаемая уверенность. «Всё» — это был целый кодекс для немой горничной: чёрное платье, накидка, карета и прочие аксессуары.

Кора приняла приказ. Её лицо демонстрировало лишь тень понимания — лёгкий кивок. Никаких лишних жестов, никаких вопросов. Она повернулась с той же бесшумной грацией и покинула кабинет, оставив графиню наедине с отчётом о добыче угля и новым, куда более интригующим вызовом вечера.

Будуар графини, расположенный в правом крыле особняка, представлял собой неожиданный контраст — оазис света в царстве теней. Преобладали цвета слоновой кости и серебра. На изящном туалетном столике стояли флаконы причудливых форм с аккуратными самодельными бирками. Графиня частенько увлекалась созданием уникальных духов. На текущем аромате, стоявшем на видном месте, значилось: «Морозный полдень». Это сочетание ледяной свежести мяты с оттенком замшелой коры и металлической остротой отражало сложную женскую натуру.

Гардеробная впечатляла разнообразием и качеством. Здесь висело около тридцати платьев, каждое из которых было произведением портновского искусства. Среди них были кринолиновые платья, модные в ту эпоху, создававшие эффект куполообразного силуэта. Графиня обладала природной худобой и изяществом, поэтому не носила громоздкие кольца длиной пять—шесть метров, отдавая предпочтение более компактным — полтора—два. Пусть из-за этого образы были скромнее, но не менее эффектными, подчёркивающими осиную талию, стянутую тугой шнуровкой корсета. Лифы платьев часто имели смелое V-образное декольте (особенно вечерние туалеты), естественную линию талии и заниженные плечи, подчёркивающие элегантный силуэт. Некоторые наряды отличались длинными узкими рукавами, украшенными изысканными оборками и плиссировкой.

Роскошь материалов ошеломляла: лионский шёлк, переливающийся как вода; хрустящая тафта; тяжёлая узорчатая парча; богатые жаккардовые ткани с витиеватыми историческими или экзотическими восточными узорами. Летние платья шились из воздушного муслина и тюля, зимние — из глубокого бархата и тёплого шерстяного драпа.

Однако объединяла весь этот великолепный гардероб одна зловещая деталь — все платья были пошиты из чёрной ткани. Безупречной, глубокой, поглощающей свет, траурной чёрной ткани. Редко её разбавлял цветной декор: искусная серебряная вышивка по линии талии,

кружево призрачной белизны по рукавам или лифу, плиссированные воланы, искусственные цветы из шёлка или пышные буфы. Вечерние наряды сияли золотой нитью, как ночное небо звёздами. Единственным ярким пятном было изумрудное платье, хранившееся в отдельном стеклянном кейсе. Оно выглядело новым — немой вопрос без ответа.

Кора и три молчаливые горничные неторопливо готовили госпожу к выходу. Графиня Монтегю — безупречность в трауре. Густые волосы цвета холодной дубовой коры с серебристо—пепельным отливом были заботливо уложены в сдержанную, безукоризненную причёску, где мягкие локоны обрамляли лицо, а маленький пучок сзади подчёркивал ледяной аристократический овал.

Главное украшение — глаза. Изумрудно—зелёные, глубокие, как вековой лес, скрывающий неведомые тайны. При ярком свете они становились почти ядовито—прозрачными, гипнотическими. Зрачки — острые, наблюдательные, сканирующие всё вокруг. Высокая, с врождённой худобой, она двигалась с нарочитой плавностью, словно сдерживая бурю энергии под спокойной поверхностью. Её броня — исключительно чёрные платья от Чарльза Фредерика Ворта. Шёлк, бархат, муар — всё чёрное, всё высочайшего качества, идеально сидящее на осиной талии, подчёркивающее смертельную бледность кожи. Ни одной лишней складки, ни одного яркого пятна. Только совершенство и траур как щит и знамя.

Высший свет принял её с холодной настороженностью: тихий голос, редкая, почти болезненная улыбка, кажущаяся отстранённость — всё это питало сплетни и страх. Но те, кто были внимательнее, чувствовали тихую, неумолимую силу. Ничто не могло укрыться от «Мраморной сирены». Элеонора — тайный гений своего времени. Гений, что молчалив. Она не обличает, а копит знания, используя их как щит, предвидя и нейтрализуя направленные против неё интриги, и как меч, направляя события тонкими намёками, создавая обстоятельства, в которых её враги запутываются сами.

«Мраморная сирена» — леди Элеонора Сент—Клер, графиня Монтегю, истинная сила которой только начинала разворачиваться в тенистых залах викторианского мира. В воздухе витало её имя, наполняя комнаты ощущением скрытой мощи и неразгаданных загадок. Она стала центром, вокруг которого вращалась эта хрупкая, тщательно выверенная вселенная молчаливых слуг и запертых комнат. Каждый камень поместья, каждый взгляд, каждая бесшумная тень — всё говорило о ней. Урождённая Вэнхольм — древний род, чьи корни уходили в самую мрачную седую старину Англии. Леди Элеонора была не просто хозяйкой. Она была воплощённой загадкой Монтегю, ключ к которой, казалось, был давно утерян.

Тяжёлые двери закрылись. Экипаж с едва слышным скрипом исчез в вечернем тумане. Мрачное великолепие поместья Монтегю словно вымерло без своей хозяйки. За безупречно вычищенными фасадами и бесконечными анфиладами залов царила почти зловещая тишина.

Глава 2 Чернила шантажа и яд горечи

Вечерний туман Лондона, густой от угольной пыли, цеплялся за запотевшие стекла хэнсомовского кэба, словно стая назойливых, белесых призраков, жаждущих проникнуть внутрь. Капли конденсата стекали по стеклу, рисуя причудливые дорожки, напоминающие Джулиану следы на грязном переулке. Он сидел, откинувшись на сиденье плотного драпа, с откровенным отвращением, вновь и вновь, поправляя душаций крахмальный воротничок.

«Пытка египетская, — пронеслось в голове. — Лучшие бы на Колд—Бэт—стрит дежурил под дождем». Пальцы, привыкшие к шершавой фактуре уличных досок, маслянистой гладкости шершавой рукояти револьвера «Адамс» и липкой грязи Ист—Энда, сейчас предательски скользили по шелковистой глади ненавистного черного смокинга. Каждое движение казалось неестественным, фальшивым. *«Как в доспехи заковали», —* подумал он, чувствуя, как дорогой жилет стягивает грудь, а лакированные туфли жмут ноги, будто колодки.

Приказ отца — заменить его на этом, без сомнения, «скучнейшем благотворительном вечере в пользу «Общества восстановления исторических шахт Мидлендса» — все ещё звучал в ушах как несправедливый приговор. По удачному стечению обстоятельств организатором выступал Арчибальд Фэрнсворт, тот самый банкир с репутацией «непотопляемого», чье имя постоянно мелькало в светской хронике и финансовых сводках.

Новоиспеченный клиент казался Джулиану живым воплощением той самой пустоты и лицемерия, которые бунтующий аристократ презирал всей душой. *«Надутый индюк в цилиндре», —* зло охарактеризовал он Фэрнсворта в своем воображении, представляя его самодовольную улыбку и напыщенные речи о благотворительности, за которыми часто скрывались грязные сделки и сомнительные связи. Однако под привычной маской раздражения и социального неудобства в Джулиане kloкотало иное, более острое чувство — цепкий рабочий азарт. Согласно материалам, что дали Мистер Веббер и Мэри, Арчибальд Фэрнсворт — не просто хозяин вечера, он жужжета. Жертва тонкого, изощренного шантажа. Вот почему сегодняшний вечер для Джулиана Элмвуда заключался не только в том, чтобы поддерживать статус семьи, изображая интерес к старым шахтам и светским сплетням.

Молодому сыщику предстояло стать невидимым наблюдателем. Он должен был ненавязчиво проверить толпу, отмечая каждую фальшивую улыбку, каждый слишком пристальный взгляд, каждый нервный жест. В этом клубке подозрительных мог быть тот, кто лишь прячется за масками приличия и ведет темную, опасную игру, используя страхи богатого банкира. *«Кто же окажется пауком, а кто мухой? —* задался он вопросом, глядя на мелькающие в тумане огни фонарей. *— Кто дергает за ниточки мистера «непотопляемого»?».*

Вечер обещал быть невыносимо долгим, даже с учетом того, что теперь в нем появился острый, как лезвие бритвы, профессиональный интерес. Тяжело выдохнув, Джулиан ощупал карман сюртука, где лежала маленькая записная книжка с привязанным карандашиком — всё его сегодняшнее оружие в этой войне из шелка и бархата.

Особняк Фэрнсворта встретил Джулиана гулом из настоящей стены звуков: шипение шампанского, сливавшееся с приторными смешками светских львиц, гул мужских басов, обсуждающих биржу или скачки и вездесущий шелест дорогих тканей. Воздух, казался плотнее и гуще, чем на улице. Его можно было бы сравнить с забродившим бульоном, пропитанным удушливой смесью дорогих цветочных духов, едкого табачного дыма и чего—то куда более тяжелого — лицемерия, осязаемо витающего среди гостей. Каждый вдох казался Джулиану испытанием. Мрачное настроение, принесенное с туманных улиц, стучалось, как яд, усиливаясь с каждой минутой пребывания в этом позолоченном зверинце.

Пытаясь отвлечься, он начал механически скользил взглядом по пестрой толпе, отфильтровывая пустые лица, разыскивая одну конкретную цель — самого банкира Фэрнсворта. Предварительный осмотр не дал результата, поэтому с неохотой пришлось влиться в толпу.

Джулиан редко выходил в свет, предпочитая бегать по закоулкам Ист—Энда, и всё же личностью он был узнаваемой. Веббер частенько назначал Элмвуда вести дела представителей высшего света, приговаривая: «Well begun is half done»¹. Как человек, воспитанный в той же среде, он умел найти нужный подход, не теряя концентрации по ходу расследования. Подобная популярность весьма на руку, особенно, когда лишен благословения и поддержки родных. Но становиться жутким минусом, когда время оказывается важнее бессмысленных светских бесед.

Успешно оградив себя от нескольких таких, Джулиан уверенно стремился к центру зала, где и предполагал продолжить поиски банкира, как путь прервала внезапная сцена. Недалеко от подиума, подобно изваянию, высеченному из самого холодного каррарского мрамора, стояла леди Элеонора Сент—Клер. Безупречная осанка, казалась неестественно прямой и необычайно величественной. На лице — бесстрастная маска, где лишь тончайшая тень под глазами выдавала усталость. Перед ней, размахивая руками с преувеличенной экспрессией, пыжился молодой аристократ, чья поза и громкий голос кричали об отчаянной попытке произвести впечатление на эту ледяную вершину.

— ...и, конечно же, мой последний скакун настоящий чемпион Эпсому! Победил с отрывом в три корпуса! — Несся его голос, чуть хриловатый от напряжения. Джулиан внутренне поморщился: «Типичный щеголь. Ставки проиграл, теперь скачками хвастается».

Графиня Монтегю не шелохнулась. Только идеально очерченная бровь, медленно поползла вверх, как вопросительный знак. Это был единственный, но убийственно красноречивый жест, демонстрирующий глубочайшее, едва прикрытое презрение и недовольство. Молодой человек явно не обратил внимание на то, как помрачнела атмосфера вокруг них. Прочие гости даже перестали шептаться. И тогда же взгляд собеседницы, лишенный всякой теплоты, подобно скальпелю, готовому к вскрытию, скользнул по невнятной фигуре. Он был методичен и неумолим: вот задержался на дорогом, слегка потертом бархатном жилете: «Этой зимой не обновлял гардероб...», перешел к неопрятному, криво завязанному галстуку: «Завязывал в торопях, или слуга плох?», отметил легкую дрожь в руке, сжимавшей бокал.

Несмотря на общий гул, тишина вокруг них оставалась звенящей. И вот прозвучал тихий, немного нежный, хрустально чистый, в своей резкости, голос: — Мистер Пембрук, — каждый слог падал, как отточенная сталь, — а не связана ли столь стремительная смена ваших скаковых фаворитов с острой необходимостью покрыть весьма специфические долги в клубе «Уайта»? Ваш последний проигрыш мистеру Харгривзу был, судя по выражению его лица... весьма и весьма значительным. — Последнее слово она произнесла с вежливым нажимом, буквально обратив фразу в приговор.

Эффект оказался мгновенным и сокрушительным. Мистер Пембрук побледнел так, словно с него спустили всю кровь. Рот его беспомощно открылся и закрылся, как у рыбы, выброшенной на берег.

«Пойман с поличным», — констатировал про себя Джулиан, испытывая почти профессиональное удовлетворение. В это же время молодой человек что—то бессвязно пробормотал — звук был похож на предсмертный хрип, — и поспешно ретировался, растворяясь в толпе, как призрак, развеянный утренним ветром. И тут Джулиан замер. Не просто остановился — окаменел, завороченный. В этот момент он воочию увидел «Мраморную Сирену». Красоту её столь поразительную, что в целом мире не сыскать достойного сравнения. Элеонора была

¹ Пер. «Хорошее начало — половина дела». Общая крылатая фраза в Англии XIX века. Напоминает о важности правильно выбранного пути, особенно в молодости.

подобна ядовитому цветку, к которому страшно прикоснуться. Осанку — прямую, царственную, излучающую власть, буквально запечатанную в крови. Он увидел почти бесчеловечную жестокость во взгляде хрупкой девушки. Взгляде, который считывал каждую мелкую деталь этой удушливо—лицемерной сцены из скучных лиц и дорогих нарядов. Острый ум — сверкнувший в одной единственной, идеально выверенной реплике.

Всё это — красота, властность, проницательность, интеллект — обрушилось на него волной, отозвавшись в глубине души странным, щекочущим чувством, почти физическим толчком под диафрагмой. В душе Джулиана Элмвуда, криминалиста и циника, шевельнулось редкое, почти забытое чувство — чистое, невольное восхищение. Неразрывно сплетаясь с первым, проснулось и острое чувство профессионального интереса. Эта женщина видела больше, чем кто—либо в этой комнате. Возможно, даже больше, чем сам сыщик. В её холодных глазах могла быть записана та самая «темная игра», которую он искал. Восхищение смешалось с настороженностью и жгучим любопытством. Леди Сент—Клер только что превратила светскую беседу в дуэль без пистолетов и вышла абсолютным победителем. Джулиан понял, что в его собственном расследовании появился новый, крайне опасный и невероятно интересный фактор.

Долг взывал, как колокол набата, в его профессиональной душе. С трудом оторвав взгляд от завораживающей и опасной леди, чей интеллект продолжал щекотать его мысли, Джулиан методично продолжил сканировать зал. Его взгляд, натренированный выискивать ложь и страх в самых ухоженных лицах, наконец, нашел свою цель.

Вопреки ожиданиям, Арчибальд Фэрнсворт стоял не в центре блеска, как подобало хозяину, а прижался к тяжелой портъере у окна, будто ища укрытия. Он нервно пил шампанское из бокала, который казался слишком маленьким и неуклюжим в его дрожащей руке. Глаза банкира метались по залу, как у загнанного барсука, высматривающего ловушку. Капли пота блестели на его широкой лысине, отражая свет люстр, как крошечное зеркальце паники. Дорогой смокинг сидел на нем мешковато, будто он за неделю сбросил несколько фунтов веса от постоянного стресса.

Джулиан незаметно сделал несколько пометок в своей книжке, после чего подошел к банкиру, воплощая изысканную светскую небрежность, которую так ненавидел, но довел до автоматизма: улыбка, легкий наклон головы, и вот маска сына из уважаемого семейства была надета.

— Мистер Фэрнсворт? Позвольте представиться — Джулиан Элмвуд. — Голос звучал ровно, вежливо, как отполированный мрамор. — Мой отец, сэр Генри Элмвуд, просил передать вам свои глубочайшие извинения. Непредвиденные обстоятельства... потребовали его срочного присутствия в нашем поместье в Суррее. Он был искренне огорчен, что не сможет лично поддержать столь благородное начинание. — Джулиан сделал паузу, его взгляд скользнул по переполненному залу, по сверкающим люстрам, по обильным буфетам. — Позвольте, однако, выразить свое личное восхищение размахом вашего вечера. Поистине, грандиозно. —

— Ах, да... Элмвуд... — Фэрнсворт вздрогнул всем телом, как от удара током, едва не расплескав драгоценное игристое вино. Его рука, когда Джулиан протянул свою для рукопожатия, была холодной и липкой от пота, как у лягушки. — Вечер... да, да. Благотворительность... — Он закашлялся, пытаясь взять себя в руки. — Крайне важная штука, молодой человек. Крайне. Шахты Мидлендса... наследие... промышленная мощь... — Слова звучали заученно, как мантра, лишенная всякого чувства. Его взгляд постоянно метался, будто в ожидании, что из—за колонны появится призрак.

Джулиан почувствовал волну отвращения: *«Он на грани. Совсем разваливается.»* Юноша наклонился чуть ближе, понизив голос до доверительного тона, но вложив в слова тонкий, как игла, намек:

— Импонирует ваша непоколебимая преданность делу. Сохранение истории очень важно, мистер Фэрнсворт, — произнес он мягко. — Особенно в такое... явно беспокойное

время. Слухи, знаете ли, носятся по Сити, как осенние листья на ветру. О некоторых финансовых бурях. —

Эффект оказался мгновенным и ярким, как вспышка магния. Мистер Фэрнсворт напрягся, будто его ударили плетью по спине. Цвет лица из бледного стал серо—землистым. Он судорожно окинул зал ещё одним, полным животного ужаса, взглядом, его пальцы беспомощно сжали хрустальную ножку бокала. Затем резко наклонился к Джулиану, запах дорого одеколона, смешанный с кислым потом, ударил тому в нос. Голос банкира понизился до хриплого, прерывистого шепота, едва различимого в гуле толпы:

— Непокойное — это... это мягко сказано, молодой человек, мягче пуха! — Он сглотнул ком в горле. — Эти стервятники... кровожадные стервятники из Сити... они только и ждут, как гиены у водопоя! Ждут момента, чтобы наброситься и разорвать всё на куски! Чуют слабинку... за версту чуют! — Его дыхание стало частым, поверхностным. — А ведь достаточно... Боже, достаточно одной старой ошибки... одной глупости неопытной молодости... чтобы все рухнуло! Все! Репутация... состояние... жизнь! — Последнее слово сорвалось с губ сдавленным стоном отчаяния. Глаза Фэрнсворта выражали настоящий, первобытный ужас перед невидимой угрозой. Он залпом, почти не глотая, осушил свой бокал шампанского, как будто это была последняя капля воды в пустыне.

В этот самый момент оркестр, игравший легкие, воздушные мелодии, внезапно умолк. Гул толпы на секунду стих. Пронзительный, металлический звон разрезал тишину, как нож. Объявили начало официальной части.

— А! Мне... мне пора! — Фэрнсворт взвизгнул от неожиданности, чуть не выронив пустой бокал. Его схватили под локти расторопные секретари и почти потащили к импровизированному подиуму в центре. Лицо его было маской паники, лишь с натянутым подобием улыбки.

Джулиан мгновенно отступил в густую тень у колонны, сливаясь с бархатной драпировкой. Его разум, отбросив светскую мишуру, лихорадочно работал, как хорошо смазанный механизм следствия, дополняя записи в книжки словами банкира. Откровение звучало в ушах, как запись на фонографе: *«Стервятники из Сити... старая ошибка... глупость молодости... погубить все...»*. Это был не просто стресс делового человека, а голос, живущего под дамокловым мечом шантажа. Человека, чьи кости уже перемалывают жернова полного отчаяния.

«Что за ошибка? Что за глупость? Кто эти стервятники — настоящие финансисты или... те, кто его шантажирует?» — Вопросы роились в голове. Фэрнсворт был не просто жертвой. Он был ходячей бомбой замедленного действия, и Джулиану нужно было найти фитиль, прежде чем взрыв разнесет не только банкира, но и часть этого блестящего, гнилого изнутри мира.

Спрятав записи, Джулиан продолжил наблюдение. Арчибальд Фэрнсворт, взяв в руки новый, только что поданный лакеем бокал, сделал маленький, нервный глоток. Будучи на глазах у всех, он начал говорить. Голос, поначалу дрожащий, набрал силу на знакомом ему поле финансовых прогнозов:

— И—инвестиции в шахты Мидлендса, господа, это не просто благотворительность! Это — вложение в будущее нашей промышленной мощи! Возрождение технологий, сохранение наследия тех, кто ковал... ковал... —

Гости вежливо внимали, кивая в такт его словам, словно заводные куклы. Джулиан скользил взглядом по лицам, выискивая микроскопические трещины: слишком затянутая улыбка здесь, нервное подрагивание века там, беглый, оценивающий взгляд, скользнувший по спине Фэрнсворта. *«Кто же здесь ждет не шахт, а падения?»* — пронеслось в голове сыщика.

Взгляд серо—голубых глаз на мгновение замер, наткнувшись на другой, столь же аналитический. Леди Элеонора стояла чуть поодаль, в полусвете между колонн. Она не смотрела на оратора. её глаза, острые и безжалостные методично сканировали публику, ловя те же

самые тени фальши, напряжения, скрытого торжества. В её взгляде Джулиан прочел нечто схожее с профессиональным любопытством. Между ними, через шум вежливых аплодисментов, промелькнуло мгновенное, почти электрическое понимание. Он едва заметно кивнул. Она же отвела взгляд с ледяной, безупречной вежливостью, словно отстраняя случайную пылинку, но в уголке губ, казалось, дрогнула тень приятного удивления. И тут случилось.

Мистер Фэрнсворт запнулся на полуслове. Не на сложном термине, а на простом: «...ковал... величие...». Гортанный звук застрял, превратившись в хриплый, влажный бульк. Его рука, ещё секунду назад жестикулировавшая, вцепилась в горло с такой силой, что ногти впились в кожу выше крахмального воротничка. Лицо, только что покрасневшее от усилия речи, мгновенно приобрело багрово—синюшный оттенок. Глаза округлились до невероятных размеров, белки налились кровью, выражая непонимание, переходящее в животную, слепящую панику. Это был взгляд загнанного зверя, внезапно понявшего, что капкан захлопнулся.

Хрустальный фужер с недопитым шампанским выскользнул из ослабевших пальцев. Он покружился в воздухе, сверкнув в свете люстр, и разбился о дубовый паркет с оглушительным, режущим звоном, который вдруг стал единственным звуком в зале. Шипящая лужица шампанского растеклась среди осколков, абсурдно праздничная на фоне свершившейся трагедии.

«Гххх... Угхх...» — вырвалось у Фэрнсворта. Это был не крик, а предсмертный хрип, булькающий и страшный, будто его легкие наполнялись жидким свинцом. Тело банкира задержалось в коротком, судорожном спазме. Он начал оседать, неловко и тяжело, как подкошенный дуб. Колени подогнулись, спина выгнулась дугой в последней, безнадежной попытке вдохнуть. Рот судорожно ловил воздух, который уже не мог пройти через перехваченный спазмом гортанный проход. По лицу, искаженному мукой, покатались крупные капли пота, смешиваясь с багровыми пятнами удушья.

Тишина воцарилась на долю секунды — шоковая, ледяная, полная неверия. Затем её разорвал первый, пронзительный женский крик. Хаос, сдерживаемый до этого тонкой пленкой приличий, прорвался наружу с разрушительной силой. Джулиан уже не видел толпы. Его взгляд был прикован к багровеющему лицу умирающего банкира, к этим глазам, полным немой ужаса и вопроса: «За что?»

В ноздри, поверх запаха духов и шампанского, ворвался слабый, но отчетливый, горько—миндальный запах. Мысль ударила, как молния. Это не несчастный случай. Это было убийство. Прямо здесь. На его глазах.

Как по сигналу, зал превратился в кишачий муравейник паники. Гости метались, толкались, дамские крики сливались с растерянными возгласами мужчин, шелк рвался под натиском испуганных тел. Джулиан, отбросив последние остатки светской неловкости, действовал на отточенных инстинктах. Он рванулся вперед, как клинок, рассекая растерянную толпу локтями и низким, командным голосом: «Дорогу! Пропустите!» Его тело, привыкшее к тесноте переулков и давке пожаров, легко находило бреши. Но когда он, запыхавшийся, с сердцем, стучавшим как молот по наковальне, добрался до островка пустоты вокруг рухнувшего банкира, там уже была она.

Элеонора не сразу поняла, что случилось. В дрожащем свете люстр она увидела женщину — ту самую, что ещё минуту назад блистала драгоценностями у плеча Фэрнсворта. Теперь в отчаянье леди стояла на коленях на паркете, её роскошное платье расплзлось некрасивыми складками, а идеальная прическа рассыпалась на мокрое от слез лицо. Она трясла мужа за плечо. Сначала тихо, бормоча что—то бессвязное, затем все сильнее, все отчаяннее.

— Арчи! Арчибальд, встань! Ради бога, встань же! — Голос её взлетел до истеричного фальцета. — Ты слышишь меня?! Арчи! — В общей панике никто не обратил внимание на возгласы несчастной. Леди Фэрнсворт схватила мужа за лицо, пытаясь повернуть к себе, но его голова безжизненно откинулась назад, рот приоткрылся в последней злобещей гримасе.

— Врача! — кричала она. — Кто—нибудь, позовите врача! Ради Христа, он не дышит! Он... он... — Слова пропадали среди визгов и топота ног. Никто не спешил броситься на помощь. — Пожалуйста! — её крик перешел в хриплый шепот. Она вцепилась в лацканы фрака, прижимаясь лицом к груди мужа, но вместо ровного биения сердца — только тишина. Мертвая, пустая тишина. — Не уходи... — Она обнимала тело, раскачиваясь вперед—назад, как безутешная мать над колыбелью. её шепот становился все тише, все бессвязнее — молитва, проклятие или просто бессмысленный звук боли.

— Арчибальд... как же это... — Фэрнсворт не отвечал. Его глаза, широко распахнутые, смотрели в расписной потолок с таким выражением, словно он увидел нечто невообразимое за секунду до того, как ушёл в объятья смерти. Губы посерели, пальцы рук неестественно скрючились, как когти пойманной птицы. Никто так и не пришел на крик леди Фэрнсворт. Банкир был мертв. Посреди своего мнимого триумфа. Посреди толпы свидетелей, ставших невольными соучастниками спектакля убийства.

«Шантажисту надоело ждать?» — пронеслось в голове Джулиана, горько и резко. — *Решил разорвать петлю, перейдя от угроз к гарантированному устранению?»* Его собственная тревога, как пар под утренним солнцем, испарилась, уступив место холодной, стальной решимости. Возможно, он был единственным, кто понимал всю серьезность случившегося. Его светская маска рассыпалась, как гнилая ткань, обнажив истинное лицо — лицо сыщика.

— Внимание! — Голос, тренированный перекрывать рев пламени и грохот выстрелов, прокатился по залу, как удар грома. Он взрезал гул паники, заставив на мгновение замолкнуть даже самых истеричных. — Никто не покидает особняк! — Его глаза, теперь острые и властные, метнули приказ лакеям, замершим у стен. — Изолируйте гостей: дамы — в Зеленую гостиную, джентльмены — в Бильярдную! Разговоры между залами временно запрещены?! — Авторитет, подкрепленный врожденным командным тоном и очевидной компетентностью, сработал. Началась суeta перемещения — уже не паническая, а подневольная и управляемая.

Пока слуги, бледные как мел, направляли потрясенных гостей, Джулиан собирался осмотреть бездыханное тело. Однако ситуацию осложняло тяжелое состояние леди Фэрнсворт. Едва он сделал шаг к телу, едва он приблизился, как погруженная в горе, женщина, до сих пор не отпускавшая мужа, вскинула голову. Её глаза, блестевшие от слёз, полыхнули диким, почти звериным отчаянием.

— Не трогайте его! — Выкрикнула она, сильнее сжимая безжизненную руку Арчибальда. — Не смейте! Он... он просто упал в обморок, вы что, не видите?! Он очнётся, сейчас... сейчас придёт врач... —

— Леди Фэрнсворт, — Джулиан опустился перед ней на одно колено, стараясь говорить мягко и, в тоже время, твёрдо. — Мне очень жаль. Поверьте... Может мне и не понять вашего горя, но я могу помочь вашему супругу, но для этого должен его осмотреть. —

Однако женщина не слушала. Она лишь крепче прижала к себе мёртвое тело и глухо, надрывно повторяла: — Уйдите... оставьте нас... Арчи, ну встань же, прошу тебя... —

Джулиан растерянно замер. Сила — неприменима. Уговоры — бессильны. Взгляд его метнулся по залу в поисках помощи и наткнулся на фигуру, уже бесшумно приближавшуюся к ним.

Леди Элеонора подошла плавно, словно тень. На её лице не было ни капли жалости — лишь спокойное, почти клиническое понимание. Она не спросила разрешения. Просто опустилась на паркет рядом с убитой горем женщиной. Дорогое траурное платье небрежно расползлось по полу. Уверенным, сочувствующим жестом накрыла холодную, судорожно сжатую руку леди Фэрнсворт. Этот жест оказался сильнее любых слов.

Леди Фэрнсворт вздрогнула, подняла заплаканное лицо и встретила взгляд изумрудных глаз. В них не было фальшивого участия, не было лицемерного сочувствия — только ледяная, абсолютная правда.

— Я знаю, как это больно, — тихо, почти шёпотом произнесла Элеонора. Её голос звучал ровно, без единой дрожи, и в нём слышалась такая глубина, что Джулиан невольно замер. — Но сейчас не время для прощаний. Вы должны позволить ему сделать свою работу. —

Графиня чуть сжала пальцы леди Фэрнсворт, и та, всхлипнув, замерла, словно нашла в этом прикосновении якорь среди бури.

— Вы же хотите, — продолжила Элеонора, наклоняясь чуть ближе, — чтобы тот, кто это сделал, ответил? Чтобы Арчибальд не ушёл просто так? — Дыхание женщины сбилось. В глазах, что секунду назад были полны животного страха, начали обретать фокус.

— Я... я не могу... — прошептала она.

— Можете, — твёрдо ответила Элеонора. — Ради мужа. — И тогда леди Фэрнсворт медленно, невероятно тяжело, разжала пальцы, вцепившиеся в тело мужа. Глубоко выдохнула и едва заметно кивнула.

Джулиан перехватил этот кивок, как сигнал к действию. Он мягко, но быстро приступил к осмотру, стараясь не тревожить женщину лишними движениями. А Элеонора осталась рядом. Прямая, бесстрастная, она продолжала держать руку той, что в одно мгновение лишилась всего.

Молодой сыщик, вынув аккуратно сложенный носовой платок, первым делом собрал осколки бокала. После, игнорируя отвращение к мертвечине, движимый лишь профессиональной необходимостью, быстро и ловко обыскали карманы дорогого смокинга. В правом кармане брюк пальцы наткнулись на холодный металл. Ключ. Небольшой, но тяжелый, с изящной гравировкой. *«Возможно сейф или запертый ящик стола...»* — предположил Джулиан.

Серые глаза прищурились, обдумывая дальнейшие действия. После взглядом он выхватил старого дворецкого — лицо старика было цвета парафиновой свечи, а руки тряслись с такой силой, что серебряный поднос в его пальцах мелко позванивал, выдавая глубину шока.

— Прошу, подойдете ко мне, — Джулиан обратился за помощью, стараясь сделать голос чуть мягче. Дворецкий вздрогнул и поплелся к нему, словно во сне. — Вы уже вызвали констебля? Если нет, то поспешите. Для опроса гостей потребуется много народу — чем больше, тем лучше. Так же, прошу вас предоставить полный список гостей и персонала. — Глаза Джулиана, неумолимо, как стальные копыя, впились в потухший взгляд старика, не оставляя места ни для вопросов, ни для промедления. — И пока мы ожидаем подмогу, — добавил он, понизив голос, — надеюсь, госпожа позволит осмотреть кабинет мистера Фэрнсворта? —

Хозяйка дома явно слышала вопрос мистера Элмвуда, но даже не соизволила посмотреть в его сторону. Крепче сжав руку графини, она вновь кивнула. Дворецкий подчинился и, бормоча что-то невнятное, засеменил прочь. Трясущаяся спина быстро растворилась в остатках толпы.

Пользуясь случаем, Джулиан, привычным жестом, достал из внутреннего кармана маленькую, потрепанную записную книжечку. Карандаш заскользил по странице стремительным, почти неразборчивым почерком, фиксируя первые, сырые наблюдения: позу тела, разбитый бокал, запах горького миндаля... Он и не подозревал, что пара изумрудных глаз внимательно отслеживает каждый его штрих.

Когда дворецкий вернулся, все ещё бледный, но уже чуть более собранный, он жестом пригласил сыщика пройти в кабинет. Когда они покинули зал, вдали раздались первые грубые окрики прибывающих констеблей.

Джулиана провели по длинному, оглушительно тихому коридору, в конце которого и расположился личный кабинет хозяина дома. Рабочее убранство Арчибальда Фэрнсворта встретило их гробовой тишиной и запахом денег. Комната дышала дорогой, тяжелой солидностью: массивный дубовый стол, вросший в пол, напоминал остров посреди моря из темного персидского ковра. Над резным камином мрачно нависали портреты предков в тяжелых золоченых рамах. Воздух был пропитан ароматом выдержанного коньяка, дорогих гаванских сигар и ста-

рой, добротной кожи. *«Таков запах неоспоримого, но внезапно прерванного успеха?»* — подумал про себя Джулиан.

Цепкий взгляд серо—голубых глаз сразу же ухватился за массивный, встроенный в стену сейф. Доверяя собственной интуиции, он попробовал вставить туда найденный ключ. Замок поддался. Дверца открылась с глухим щелчком. Внутри лежали: аккуратные, как солдаты, папки с финансовыми документами, толстая пачка банкнот, несколько золотых часов и прочие ценные безделушки. Джулиан методично перебрал содержимое, но никаких анонимных писем или угроз не обнаружил. *«Где же письма шантажиста?»* — прошептал он сквозь зубы, чувствуя, как холодная уверенность начинает подтачиваться разочарованием. — *«Они могли стать ключом к поиску подозреваемых. Не исключено, что шантажист... мог обернуться в убийцу... Конечно, если Фэрнсворт не хранил их в другом месте...»*. Пустой сейф казался насмешкой. На всякий случай, он осмотрел книжные шкафы и ящики стола. Ничего. Пришлось возвращаться в опустевший, всё ещё пропитанный ужасом бальный зал.

У самого входа молодого сыщика остановила любопытная сцена. Всё его внимание приковала строгая фигура леди Сент—Клер. Графиня совершенно спокойно, с ледяным, невозмутимым достоинством, медленно, почти ритуально, обходила место трагедии. Её взгляд внимательно фиксировал каждую незначительную деталь: осколки разбитого хрустального фужера, запах впитавшегося в паркет пятна шампанского и мельчайших соринки на полированном полу вокруг эпицентра смерти. Графиня столь естественно сочеталась с атмосферой, что у Джулиана захватило дух. Как замороженный он наблюдал за ней. Вдруг плавный шаг замедлился, рука в черной перчатке потянулась вниз. Быстро, с филигранной точностью фокусника, она что—то подняла с пола — крошечное, почти невидимое со стороны пятнышко, блеснувшее в приглушенном свете свечей. Движение было столь искусным и естественным, что никто, кроме Джулиана, и не заметил его. И тут их взгляды снова встретились. В изумрудных глазах не было и тени страха или светской жеманности — лишь ледяная глубина сосредоточенного анализа, полное понимание развернувшейся драмы и безмолвное признание его роли в ней. Сердце Джулиана, вопреки железной воле, учащенно забилося. Образ графини Монтегю только что материализовался из мрачной загадки в ключевого свидетеля. *«Или в подозреваемую невероятной хитрости...»* — едва кольнула пылающее сердце маленькая игла подозрительности.

— Сэр! — Раздался внезапный голос. В зал торопливо ворвался взлохмаченный человек средних лет. — Доктор Торнтон! — представился незнакомец. Голос резкий и не терпящий возражений, рассек напряженную тишину. — Услышал, что на приеме случилась беда и поспешил к господину Фэрнсворту. —

Джулиан вздрогнул, словно очнувшись от транса. Он лишь молча кивнул в сторону доктора, который уже бесстрашно подошел к бездыханному телу банкира. Убедившись, что доктор проводит стандартный осмотр, мистер Элмвуд собрал всю волю в кулак, и направился к толпе гостей, где уже началась процедура допросов.

Тянулась она мучительно долго. Реплики гостей сливались в однообразный, фальшивый гул притворного потрясения, сквозь который явственно проступало скрытое раздражение от задержки. Гости, ещё час назад блиставшие остроумием, теперь были похожи на стадо испуганных овец. Большинство твердило заученные фразы: *«Ужасный шок! Я ничего не видел! Мне нужно домой, у меня мигрень!»* Их показания были водянистыми и бесполезными. Даже прислуга, бледная и перепуганная, клялась, что не заметила ничего подозрительного, лишь суету и блеск вечера. Усталость давила на Джулиана тяжелым камнем, смешиваясь с горечью разочарования. *«Стены видели больше, чем эти люди»*, — подумал он с презрением. Единственным исключением стала леди Элеонора. Образ холодной, отточенной стали на фоне оловянной посуды. Её показания лились безупречно четко, лаконично, без единой лишней эмоции. Голос звучал ровно и размеренно, словно она диктовала сухую справку стенографистке.

— Приглашение на благотворительный вечер я получила лишь сегодня утром. — Она сделала едва заметную паузу, позволяя факту обрести вес. — Мистер Фэрнсворт был хорошо знаком с моим покойным супругом и некоторыми его делами. Поэтому поводу я и намеревалась побеседовать с ним по завершении официальной части. Что касается самого мистера Фэрнсворта незадолго до его выступления... — Взгляд изумрудных глаз скользнул по лицам присутствующих, будто оценивая, достойны ли они услышать её наблюдение. — Он произвел на меня впечатление человека крайне взволнованного, так как взгляд его метался, движения отличались резкостью и тревожной живостью. Волнение выдавало и то, что он выпил *несколько* бокалов шампанского за весьма непродолжительный отрезок времени. — Графиня замолчала. Лицо её обернулось бесстрастной маской. — Более ничего существенного сообщить не могу.

Сколь же отчаянно хотелось уцепиться за эту ниточку. Джулиан готов был задержать её под любым предлогом, запустить острые вопросы под видом уточнения деталей. Но графиня, словно прочитав его мысли, изящно пресекла все попытки. Закончив показания с ледяной вежливостью, не допускающей возражений, она удалилась, прежде чем кто-то смог её остановить. Уход «Мраморной Сирены» был бесшумным и неотвратимым. Однако, уходя, госпожа совершила один весьма значимый жест. В холле, у мраморного столика с вазой цветущих орхидей, она сняла свои изящные кружевные перчатки и аккуратно положила их на полированную поверхность. Слишком аккуратно. Слишком очевидно.

Спустя ещё некоторое время, когда затих скрип колес похоронной повозки, увозившей бездыханное тело Арчибальда Фэрнсворта в холодные объятия мертвецкой, и отзвучали тяжелые шаги последних полицейских чинов, Джулиан остался в полном одиночестве посреди опустевшего особняка. Зловещая тишина, густая и липкая обернулась вокруг него, нарушаемая лишь треском догорающих поленьев в камине да тиканьем напольных часов где-то в глубине холла.

«*Мало!*» — мысль ударила, как пощечина. Он узнал катастрофически мало! Собранные показания — вода, а не информация. Гости — слепцы и притворщики. Слуги — немые от страха или вышколенной лояльности. А письма шантажиста растворились в воздухе, как дым. Тогда, развернувшись на каблуках, Джулиан ощутил знакомый привкус азарта. Пора испытать удачу. Последний шанс здесь и сейчас. Он направился в бальный зал, где под присмотром старого дворецкого двое лакеев с тряпками и ведрами пытались стереть с пола невидимую печать трагедии — пятно разлитого шампанского.

Дворецкого, как выяснил Джулиан, звали Грив. Он стоял неподвижно, как статуя скорби. Обычно безупречная осанка чуть ссутулилась под гнетом произошедшего.

— Прошу прощения, мистер Грив, — начал Джулиан. Голос его звучал ровно. Чувствовалась настойчивость в перемешку с усталостью. Дворецкий медленно повернулся. Его лицо, испещренное морщинами, было пепельно-серым. Глаза, уставшие и глубоко запавшие, встретили взгляд сыщика без выражения.

— У меня осталось к вам всего несколько вопросов, — продолжил Джулиан, сокращая дистанцию. — Несколько дней назад мистер Фэрнсворт обратился в нашу контору. С просьбой о деликатной помощи — найти человека, который шантажировал его письмами. Однако при осмотре кабинета мне не удалось их обнаружить. Вам что-нибудь известно об этом? —

Грив помрачнел ещё сильнее. Едва слышно выдохнув, он шевельнул седыми усами, словно пытаясь сдуть произнесенные слова. Взгляд скользнул в сторону суесящихся лакеев, затем метнулся к темным дверям кабинета хозяина. Он сделал едва заметный жест, приглашая Джулиана отойти чуть в сторону, под сень тяжелого занавеса у колонны, подальше от посторонних ушей.

— Вы правы, сэр... Господин действительно получил несколько странных посланий. — Голос верного слуги стал глухим и хриплым. — Какие-то приносили с утренней почтой. Дру-

гие же подбрасывали у парадного входа. Несколько конвертов видел собственными глазами... — Старик покачал головой, в его глазах читалась искренняя растерянность. — Господин никогда не доверял слугам подобных тайн... — дворецкий замолчал. Губы плотно сжались, будто он боролся с собой, решая, стоит ли ронять последнее зерно доверия на алтарь расследования. Джулиан почувствовал это, поэтому наклонился чуть ближе, не сводя глаз с лица пожилого слуги.

— Но вы что—то заметили? Верно? — спросил он настойчиво. — Что—то не так было с этими письмами? — Грив замер. Пальцы непроизвольно сжали край фалды сюртука.

— Да, сэр. Человек, что писал эти письма использовал своеобразный стиль. Он чередовал грязные, потертые конверты с весьма качественными. При этом меняя почерк и чернила. —

— Разные конверты? — Джулиан нахмурился. — Повисла тяжелая, звенящая пауза. Мысли молодого сыщика метались. *«К чему такие сложности, если затевался самый банальный шантаж? Или здесь скрывается загадка покрепче морского узла?»*. Услышанное только усложнило картину произошедшего до головокружительных масштабов. И всё же подарило свежую пищу для размышлений.

— Благодарю вас, мистер Грив, — сказал Джулиан искренне, кланяясь дворецкому чуть глубже, чем того требовал светский этикет. — Вы оказали неоценимую помощь расследованию. —

Шаги мистера Элмвуда, теперь более быстрые и решительные, глухо отдавались в пустом, гулком холле. Свет из высоких окон падал косыми лучами, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе. Он пробыл здесь всю ночь. А значит уставший сыщик мог мечтать лишь об одном — поскорее вернуться домой. Однако у самого выхода сердце вновь предательски екнуло. Взгляд упал на небольшой мраморный столик, где смиренно лежали перчатки. Черные, из тончайшего кружева с изысканными ажурными манжетами, лежали здесь, как нарочито замысловатый шифр.

Джулиан взял их, небрежно скользнув большим пальцем по нежному кружеву. Ткань была прохладной и приятной на ощупь. От них исходил едва уловимый и сложный аромат духов. Подчиняясь порыву, мужчина вслушался в его тонкие нити: верхние ноты лаванды — чистое спокойствие и безупречный контроль, под ними, как прочный фундамент, — что—то холодное и резкое, напоминающее морозный воздух в хвойном лесу. Аромат, который был квинтэссенцией её характера. *«Поместье на Белгрейв—сквер, 44»*, — прозвучал в голове адрес. Графиня подарила ему идеальный предлог для визита. Не просто вежливость, а необходимость вернуть забытую вещь. И блестящая возможность задать вопросы той, чей холодный взгляд видел то, что скрылось от всех остальных.

Пока он ждал появления наёмного экипажа, его мысли, отбросив усталость, лихорадочно работали, подобно шестеренкам в часовом механизме, ведь кое—что ещё не давало покоя. Эта беспочвенная тревога беспокоила даже сильнее смерти Фэрнсворта.

Внезапное письмо отца — причина сей тревоги. Генри Элмвуд — человек, чьи деловые интересы вращались вокруг шахт и заводов севера, а также связанных с ними железнодорожных и судоходных линий. Сколько Джулиан знал отца, тот никогда не проявлял интереса к благотворительности, тем более к каким—то заброшенным шахтам в глуши Мидлендса! Откуда мог возникнуть подобный негласный интерес? В добавок к этому он настойчиво направил на мероприятие именно младшего из сыновей. В то время, как рядом с ним всегда находится Джеймс. Отец прекрасно знал язвительное презрение своего непутевого отпрыска к светским раутам и пренебрежение к «играм аристократов»? Знал, что сын скорее полезет в перестрелку в Уайтчепеле, чем будет целовать руки скучающих леди. Было ли это очередной попыткой приобщить «блудного сына» к делам семьи? Или у сэра Генри была иная причина настаивать на том, чтобы тот оказался здесь в этот вечер? *«Эх... Ладно, это дело только началось...»* — подумал Джулиан, усаживаясь в экипаж.

Солнце, бледное и нерешительное, едва пробивалось сквозь лондонскую мглу, когда повозка Джулиана Элмвуда остановился у чугунных ворот дома графини Монтегю. Поместье грозно возвышалось за оградой.

Ещё сонный, после бурного вечера, молодой сыщик вскользь осматривал окружающее его убранство. Неоклассический монолит из белого камня, лишенный лепнины или статуй, лишь строгие колонны поддерживали портик. Затемненные окна отражали унылое небо с таким безразличием, что казалось, дом смотрит на мир сквозь черные очки. Миниатюрный сад мхов и камней с магнолией, густо покрытой черным лишайником, лишь усиливал ощущение ледяной, медитативной отстраненности. Воздух здесь был тихим и прохладным, пахнувшим сырой землей, мхом и чем-то горьковатым — полынью, как позже вспомнил Джулиан. Контраст с копотью и гамом Флит-стрит был разительным.

Дверь гостю открыл дворецкий Гривз — фигура, возникшая бесшумно, с лицом, напоминавшим неподвижную маску. Движения его были точными и экономичными. Ливрея сидела безупречно.

— Мистер Элмвуд к графине Монтегю, — представился Джулиан, проверяя, что в кармане сюртука лежат те самые черные кружевные перчатки — его пропуск в это царство теней. Гривз кивнул. Оценивающий взгляд скользнул по гостю, будто считывая историю с поношенных, но качественных сапог.

— Проходите, сэр. Графиня ожидает вас в Голубой гостиной. —

Холл встретил его гулким эхом собственных шагов, многократно отраженным от высоких стен и каменного свода. Звук каблуков по черно-белому мрамору в строгую клетку казался неестественно громким в этой давящей тишине, словно он ступал по костям гигантской шахматной доски. Взгляд невольно притянули огромные часы, золоченые стрелки которых, словно вкопанные, указывали на 21:47. Слухи о том, что это точное время кончины прежнего владельца, внезапно показались Джулиану не просто сплетней, а зловещей констатацией факта. Молчание часов было не просто отсутствующим — оно было погребальным.

В глубокой нише, застыв в вечной готовности, стояла статуя Артемиды. Мраморный взгляд богини был устремлен в пустоту, напряженная рука сжимала лук и стрелу, нацеленную в никуда. Она казалась каменным стражем, существующим только в этом царстве теней.

Гривз, двигаясь бесшумно, провел Джулиана к высокой двустворчатой двери из темного дерева. Дворецкий, поворачиваясь, плавным жестом указал на нее: — Голубая гостиная, сэр... — произнес он глухо, так как эхо поглотили тяжелые портьеры. Ответив слуге легким кивком, Джулиан вошел внутрь.

Комната оправдывала свое название. Стены, обитые бархатом глубокого синего оттенка, как грозовое небо перед ливнем, поглощали свет. Высокие окна с тяжелыми чуть более светлыми шторами пропускали лишь рассеянные, холодные лучи. Мебель — строгие диваны и кресла из темного дерева — была расставлена с геометрической точностью. Приковывала внимание витрина с коллекцией древних стеклянных флаконов. В воздухе витал аромат: холодного воска, сушеной полыни и горьковатой сладости миндаля. В центре композиции, на низком столике, уже стоял изысканный чайный сервиз из тончайшего фарфора цвета слоновой кости.

Посреди этого царства холода и контроля сидела Леди Элеонора Сент-Клер, графиня Монтегю. Она не встала при появлении гостя, лишь подняла взгляд. На коленях у неё лежала открытая книга. Платье — глубокий траурный черный бархат, лишенный даже намека на отделку, — сливалось с тенью кресла. Оно подчеркивало смертельную бледность её кожи. Волосы цвета холодной дубовой коры с серебристыми нитями были убраны в безупречно гладкую прическу, лишь несколько мягких локонов обрамляли высокий лоб. Но главное — глаза. Изумрудно-зеленые, глубокие и пронзительные, как осколки драгоценных камней. Они изучали Джулиана с бесстрастной точностью микроскопа.

Снова сердце молодого сыщика забилося чуть быстрее. Красота этой молодой леди была подобна портрету кисти великого мастера — застывшая, безупречная и абсолютно недостижимая.

— Мистер Элмвуд, — тишину комнаты заполнил её голос, что был нежен, как шелест шелка по мрамору. — Прошу, садитесь. —

Джулиан совершил легкий, но безупречный поклон, ощущая, как его врожденная, почти ленивая раскованность натывается на ледяную, отполированную до блеска стену её сдержанности. Казалось, сам воздух Голубой гостиной сгустился вокруг, создавая между ними невидимый барьер. Он выбрал кресло напротив — строгое, с высокими подлокотниками из темного дерева и синей бархатной обивкой. Опускаясь, невольно отметил абсурдный контраст своей чуть помятой утренней одежды — следы уличного Лондона — с безупречной, почти музейной гармонией этого пространства. Каждая складка сюртука казалась здесь дерзким нарушением порядка.

— Леди Сент—Клер, — начал он, но голос, что обычно такой звонкий и легкий, в этой тишине прозвучал глухо. Пальцы вновь нащупали в кармане шелковистую гладь кружева. — Надеюсь, мой визит в столь ранний час не покажется вам оскорбительным? Я привез то, что по праву принадлежит вам. — Он протянул аккуратно сложенную пару черных перчаток. Ажурные кружевные манжеты мягко ниспадали. Изумрудные глаза графини скользнули по тонкому узору, задержавшись лишь на долю секунды, как на знакомом артефакте. Убедившись в целостности своей вещи, она посмотрела прямо на Джулиана, встретив его взгляд. В холодной глубине женских глаз мелькнула мимолетная искра одобрения.

— Благодарю вас, мистер Элмвуд! — Каждое слово падало с кристальной ясностью. Она взяла перчатки, не удостоив их дополнительным взглядом, и положила рядом с закрытой книгой. Её пальцы — длинные, изящные, с тонкими, почти прозрачными ногтями — едва задели бархат обложки.

Серо—голубые глаза зацепились за холодный рассеянный блеск на безымянном пальце левой руки. Графиня носила золотое кольцо — простое, гладкое, но невероятно массивное. В душе Джулиана что—то болезненно дёрнулось. Она была так молода, умна, ослепительна в своей красоте, но уже заточена в золотую клетку вдовства. Порыв — дикий, иррациональный — схватить это кольцо, символ чужой власти над ней, и швырнуть в камин, едва не заставили его вскочить. Он подавил внезапное безумие, лишь крепче стиснул колено.

— Благодарю за вашу внимательность, — продолжила хозяйка дома. В её тоне появилась едва уловимая теплота вежливости. — В свете вчерашних столь волнующих событий, порой сложно уследить за такой мелочью, как перчатки. — Пауза, повисшая между ними, была наполненной, осязаемой, напряженной от взаимной игры, в которую они оба играли. Графиня первой прервала это молчание — не словом, а жестом. Её рука, всё ещё хранившая отпечаток светской невозмутимости, скользнула к серебряному заварочному чайнику, словно приглашая забыть о вчерашнем в более безопасном ритуале.

Джулиан внимательно следил, как её руки — точные, уверенные — разливали по тончайшим фарфоровым чашкам темно—янтарный чай. Крепкий аромат, с горьковатой нотой диких трав ударил в нос. Столь необычное сочетание оказалось крайне бодрящим. Приняв чашку, мужчина позволил себе откинуться в кресле и расслабить плечи с нарочитой небрежностью. Легкая, чуть вызывающая ухмылка тронула тонкие губы.

— Признаюсь, госпожа, — начал он, позволив своему голосу обрести чуть большую непринужденность, чем диктовал строгий этикет, — не только перчатки привел меня к вашему порогу в столь неудобный час. — Он сделал паузу. Внимательный взгляд скользнул по её лицу, определяя реакцию. — Хотя факт их возвращения был, безусловно, приятен. Вчера же... в том хаотичном водовороте... — он чуть наклонился вперед, интонация стала сокровеннее, — не

мог не заметить, что вы заметили нечто любопытное у тела мистера Фэрнсворта. Что—то, что заставило вас остановиться. —

Джулиан замолчал, давая словам осесть. Серо—голубые глаза продолжали пристально изучать её. Казалось, сама комната затаила дыхание. Прохлада в изумрудных глазах не растаяла. Леди Элеонора поднесла к губам свою чашку — фарфор был такой тонкий, что казалось, он вот—вот рассыплется от прикосновения. Она отпила крошечный, безупречно бесшумный глоток. Кончик носа, изящный и четко очерченный, едва заметно дрогнул, уловив горьковатый аромат трав.

— Ваша наблюдательность впечатляет, мистер Элмвуд. — Произнесла графиня, поставив чашку с *тихим, хрустальным звоном*, нарушающим гробовую тишину комнаты. Голос сохранял ледяную ровность, но в нем появилась глубина стального резца, вонзающегося в суть. — И профессиональная прямота неожиданно эффективна. — Она сделала паузу. — Да. Я кое—что обнаружила и предпочла не делиться этим под аккомпанемент сапог констеблей и светской истерии. Хаос — лучший союзник того, кто желает спрятать концы. Увы, и время всегда на стороне преступника. —

Элеонора замерла. Её взгляд, лишённый всякой игры, застыл в отражении серебряного чайника, словно через него она заново проходила сквозь полированную поверхность, туда, где вчерашней ночью на полу ещё темнела лужа шампанского, а вокруг валялись острые, как лезвия, осколки бокала. Она говорила без эмоционально, словно зачитывала протокол вскрытия.

— Вы были правы. Симптомы весьма характерные... — и Джулиан вдруг узнал собственные каракули, торопливо вписанные в маленькую книжечку при первичном осмотре тела: «*Цианоз губ; поза боксера; цианид калия — скорость 55—60 секунд*». Он тогда ещё собрал осколки, зная, что остатки яда испаряются быстро. Но провести анализы не успел — вся ночь ушла на осмотр тела, опрос сбивчивых свидетелей, а на рассвете он уже сидел в экипаже, направляясь к графине. И пока ранний гость был погружен в раздумья, Элеонора достала из книги, всё также лежавшей рядом с ней, несколько плотных листов.

— Здесь полное описание анализов и проверка содержимого бокала. Источник яда не вызывает сомнений. — Её голос не дрогнул. — Если не доверяете, то ваши люди, разумеется, могут провести дополнительные анализы. — Последнюю фразу графиня добавила будто невзначай, и только потом — чуть повернув голову — посмотрела Джулиану прямо в глаза. Сыщик молча кивнул. Его поразило не только клиническое совершенство её выводов — анатомическая точность, с которой она, словно скальпелем, препарировала саму суть смерти. Но и то хладнокровие, та пугающая отстранённость, с которой молодая графиня держала в руках чужую гибель.

— Ваша осведомлённость и проницательность затмевает лучшие умы лекционного зала госпиталя Святого Варфоломея. Однако, чутье подсказывает мне, что леди затеяла столь сложную игру не только ради этих данных. У вас есть что—то ещё... — отметил он, намеренно опуская формальности.

— Да! — Девушка вскинула подбородок, явно не приветствуя столь открытые манипуляции в свою сторону. Взгляд изумрудных камней *стал острым*. — За несколько минут до вашего прибытия, он беседовал с миссис Пенелопой Чизхолм. Уверена, вы прекрасно осведомлены о том, кто она. — Джулиан кивнул: «*Вдова. Акула лондонских салонов с пустыми карманами и аппетитом пираний*».

— Предпочитаю не вмешиваться в чужие отношения личного характера, но, учитывая обстоятельства, могу сообщить вам, что их беседа была крайне оживленной. Миссис Чизхолм напоминала разъяренную фурию. Сэр Арчибальд напоминал загнанного зайца. Содержание их беседы мне неизвестно, но оно явно было непростым. —

— И что же заставило вас так думать? — Тут же спросил Джулиан, делая ещё один глоток терпкого чая.

— В один момент мистер Фэрнсворт *грубо схватил* даму за руку, не позволяя той уйти. — «*Пенелопа Чизхолм*» имя подозреваемой сразу же попало в преданную спутницу сыщика — маленькую записную книжку.

— Интригующе... — его пальцы *бессознательно постукали* по ручке кресла. — Всё же позвольте перейти к главному вопросу. — Он *сдвинулся к краю сиденья*, нарушая дистанцию. Энергия, исходившая от него, *заставило девушку едва заметно дрогнуть*. — Госпожа, очевидно, у вас в рукаве много тайн. И одна из них — это улика по делу банкира. Я прав? — Искренняя, почти мальчишеская улыбка осветила его лицо — столь контрастная, в сравнение с мрачной обстановкой.

— Что ж, — уголки её губ *дрогнули* в подобии ответной улыбки. — Этот трофей, условно, интереснее моих скромных умозаключений. — Ловкие пальцы вновь *скользнули* по плотному переплету книги. На этот раз, из *строгого* золоченого обреза страниц она извлекла мятый клочок бумаги. — Обнаружила это на полу, рядом с тем местом где вы разговаривали. Возможно, выпало, когда его пригласили на подиум. —

Джулиан принял листок с благоговением реставратора, касающегося папируса. Бумага — вержированная, высшего качества, с *ощутимой* плотностью и незамысловатым водяным знаком, видимым на просвет. Чернила — густые синие с *искристым мерцанием* при повороте, характерным для редких солей кобальта. Текст, выведен аккуратным, скорее всего женским почерком: «...и помни, Арчи, любовь, как бизнес, требует жертв. Завтра все решится...»

Джулиан замер, на мгновение затаив дыхание, как охотник, нашедший след. Серо—голубые глаза сузились до *щелок*, выхватывая каждую деталь водяного знака, *каждую* микротрещину в чернилах. На смешливом, сонном лице вспыхнуло холодное пламя *триумфа и насто-роженности*.

— Любовь требует жертв... — прошептал он, *растягивая* слова. Голос *потерял* легкость, стал низким, опасным. — Подписи нет, но, порой, бумага кричит громче слов. — Он *положил* улику на лаковую поверхность столика. — Судя по качеству и цвету, могу судить, что сделана бумага была во Франции. Похожую используют в гостевых домах и пансионатах. *Необычный* выбор для любовной записки. —

Тишина сгустилась, как лондонский смог за окнами. Настоящая зацепка и потенциальный подозреваемый, вот что сейчас было брошено на стол между сыщиком и графиней в холодной Голубой гостиной «Черной магнолии». Взгляды Джулиана и Элеоноры скрестились — два клинка в немом поединке наблюдательности.

Типография «Гриффин» гудела, как потревоженный улей, когда Джулиан ворвался внутрь, сметая с лица копоть лондонского утра. Воздух здесь был другим — терпким, пропитанным запахом свежей бумаги, горячего свинца, краски и вечной пыли. Ритмичный грохот прессы «Уиппл», лязг линотипа и приглушенные крики рабочих сливались в симфонию организованного хаоса. Это был не цех, а живой организм, нервный узел лондонских новостей и сплетен, неофициальное сердце конторы Веббера.

Джек Хопкинс восседал у своего верстака, как капитан на мостике тонущего (от бумаг) корабля. Его могучие руки, вечно украшенные радугой типографских красок, бережно держали обрывок письма. Он разложил вокруг себя арсенал луп разного увеличения, включил мощную лампу с рефлектором, превратив угол верстака в импровизированную лабораторию. Лицо его, обычно красное от усилий и пара, сейчас было сосредоточенно—серьезным под ржыми, всклокоченными бровями.

— Джули! — прогремел он, заглушая лязг соседней машины. — Гляди—ка, какую диковинку приволок! — Он ткнул толстым, заляпанным черным пальцем в бумагу под лупой. — Бумага... Чистой воды французский гость! —

Джек провел подушечкой пальца по краю обрывка, почти лаская его. — Бумага явно не для богатеев. Да, и водяной знак простоват... — Он подвигал бумагу под лучом лампы. — Не сложный, может какого—нибудь старого предприятия или гостиницы. Надо покопаться в альбомах старых знаков, у меня где—то тут... — Он махнул рукой в сторону горы запыленных фолиантов.

Подошла Эллен Брайт. Скрип её практичных башмаков всякий раз выдавал её приближение. Она взяла обрывок у Джека с такой осторожностью, будто это было крыло бабочки.

— С—стиль... — начала она, и заикание, обычно усиливавшееся от волнения, сейчас почти исчезло, уступив место профессиональной уверенности. Она поднесла бумагу к синим стеклам. — Элегантный, но уверенный. Вот видите н—нажим? Здесь, на закруглениях букв «о» и «в»? Сильный характер — чувствуется в—властность. С—скорее всего писала а—аристократка. — Она наклонила бумагу под другим углом к свету. — Чернила н—не обычные. Видите? С—с т—таким едва уловимым фиолетовым отливом. И—интересный состав. — Она положила обрывок обратно на верстак, её пальцы, вечно испачканные графитом, не оставили на дорогой бумаге ни пятнышка.

— Соглашусь с вами мисс Брайт! — Гаркнул Джек, поддерживая рассуждение коллеги по цеху. — Подобный цвет проявляется у кампешевых чернил. Они созданы на основе экстракта сандалового дерева. Сок его содержит гематоксилин, который при окислении превращается в пигмент фиолетово—чёрного цвета. Слышал, что сейчас они очень популярны. —

Тем временем, вечный двигатель типографии, уже носился между стеллажами, как рыжий вихрь. У Томми было самое ответственное задание — собрать как можно больше информации о гостях с того злополучного вечера. В одной руке мальчишка сжимал любимый свисток, в другой потрепанную копию списка. Дождавшись своей очереди, он скользнул к Джулиану. Веснушчатое лицо сияло от возбуждения и гордости.

— Мистер Элмвуд! В этом списке, — он шлепнул ладонью по бумаге, — не так уж много тех, кто желал бы старому Арчибальду провалиться в преисподнюю. Но! — Томми поднял грязный палец, драматично закатив глаза. — Среди этого почтенного меньшинства самый вредный и злощный — Сэр Генри Уитни! Главный конкурент Фэрнсворта в Сити, и не скрывает ненависти. Говорят, — Томми понизил голос до конспиративного шепота, оглядываясь, хотя вокруг грохотали машины, — Фэрнсворт буквально вырвал у него из—под носа жирнящий контракт на поставку угля для всего Королевского флота! Уитни чуть удар не хватил тогда. —

— Вот как? — Джулиан уперся кулаком в подбородок и задумался — Вчера, судя по показаниям, он был в курительной. Один. В самое ключевое время. Сомнительное алиби... — Сыщик взял список из рук Томми. Бумага была мятая, с пятнами от чая и загибами по углам — явно побывала в карманах не одного информатора. Его взгляд пробежал по знакомым и незнакомым именам, остановившись на «*Сэр Генри Уитни*». — ... и шаткое. — договорил Джулиан, отмечая Уитни в списке подозреваемых. — Но одного желания мало. Нужны возможности, момент и вещественные доказательства. — Он сложил список и сунул его в карман. — Может слуги упоминали ещё кого—то? —

Томми оживился: — Ах, да! Лорд Себастьян Вейн! Пустоцвет с громким титулом и пустыми карманами. За несколько дней до мероприятия заявился к Фэрнсворту, говорят, как ураган. Требовал крупную сумму, чуть ли не кричал в холле. Слуги уши затыкали. Подробностей не знаю, но скандал был знатный! —

Джулиан почувствовал знакомое щекотание азарта. Сейчас на руках у него три подозреваемых: конкурент с сомнительным алиби, озлобленный аристократ, требующий деньги и дама с плачевной репутацией. Возможно, кто—то из них был тем злополучным шантажистом или убийцей! Собрав всё, что только возможно для сыщика пришла пора задавать вопросы.

— Отлично! — Джулиан повернулся к товарищам. — Эллен, не могла бы ты сверить почерк на этом обрывке с подчерком Пенелопы Чизхолм? Джек, копай глубже. Хочу знать всё

про этот водяной знак. А я, — его глаза сузились, в них засверкал стальной блеск охотника, — нанесу визит лорду Вейну, господину Уитни и миссис Чизхолм. Пора выяснить, что именно так взволновало мистера Фэрнсворта накануне смерти. —

Кабинет сэра Генри Уитни дышал не солидностью, а удушливым апломбом «новых денег». Полная противоположность ледяной элегантности «Черной Магнолии» или даже строгой функциональности кабинета Фэрнсворта. Громадная комната в особняке на Парк—Лейн была забита до отказа. Тяжелые дубовые панели с кроваво—красными вставками сатинового дерева, полки, гнущиеся под безвкусыми золотыми безделушками и пыльными томами по финансам (явно нечитанными). Гигантский письменный стол, утонул в бумагах и роскошных папках. С краю стояла дорогая пепельница, переполненная окурками. Воздух был спертый, густым от: запаха дорогих сигар, тяжелого одеколона и чего—то ещё — самой осязаемой жадности, вьющейся в бордовый бархат штор.

За этим столом, словно разъяренный бык в дорогом, но плохо сидящем камзоле, восседал сэр Генри Уитни. Его лицо, обычно краснощекое от портвейна, сейчас пылало багровым гневом. Он даже не кивнул в сторону кресла, когда Джулиан переступил порог.

— Мистер Элмвуд! — Голос прогремел, как залп картечницы, едва Джулиан сделал шаг внутрь. — Честно?! Не пойму, зачем вы пожаловали! Вчера, в том цирке умирающего, я вам все сказал! Меня даже не было в зале, когда это случилось! — Он резко ударил по столу. Массивная золотая пепельница и хрустальный пресс—папье подпрыгнули, жалобно зазвенев. Джулиан, игнорируя отсутствие приглашения, с нарочитой небрежностью опустился в глубокое кожаное кресло. Его расслабленная поза, контрастирующая с яростью хозяина, казалось, подлила масла в огонь.

— Ваш давний конкурент... — ровно начал Джулиан, слегка прищурив серо—голубые глаза. — выступал с речью. Важной, как я понимаю, для определенных финансовых потоков. А вы... — он слегка наклонил голову, вопросительно подняв бровь, — просто решили её пропустить? Засели в курительной? В гордом одиночестве? —

— Да! — рявкнул Уитни, вскакивая так, что кресло откатилось назад. Кулаки сжались до побеления костяшек, вены на толстой шее вздулись, как канаты. Он зашагал по кабинету, тяжело дыша, будто загнанный зверь. — Посмотрел бы я на вас, молодой человек, если б какой—нибудь лысый упырь вырвал у вас из—под носа сделку всей жизни! Ту самую, что должна была обеспечить компанию ещё на годы! — Он резко остановился, уперев руки в стол. Горящий взгляд впился в Джулиана. — Если бы только мог... — он с силой выдохнул, словно выпуская сжатую ярость, — сам бы придушил Арчибальда Фэрнсворта голыми руками! Но, увы, не успел! — В голосе одного из подозреваемых бушевала первобытная злоба, смешанная с горечью поражения.

Молодой сыщик не дрогнул: — Понятно, — кивнул он, сохраняя голо ровным, как гладь озера перед бурей. — Знаете, незадолго до инцидента, в разговоре со мной мистер Фэрнсворт обмолвился о стервятниках из Сити, которые только и ждут, чтобы разорвать его на куски. Вы не в курсе, что именно он имел в виду? — Джулиан сделал паузу, ловя реакцию. Уитни замер. Багровый гнев на лице сменился мрачным, почти удовлетворенным раздумьем. После чего толстяк фыркнул, — коротко и презрительно.

— Ха! — Он тяжело опустился в кресло, с грохотом отодвинув папку. — Вы были слишком молоды, мистер Элмвуд, чтобы помнить эту грязную историю. Лет так тридцать назад, была тут небольшая шахта в Пенделтоне. Тогда никто и предположить не мог, что Джону Фицджеральду с братьями Стивенсон удастся сделать её ключевой шахтой по угледобыче в регионе. — С видом знатока он достал сигару, откусил кончик и не спеша зажег. Густой дым закрутился облаком.

— Шахта казалась перспективной, однако у неё были серьезные проблемы с проникновением воды. И вот, в начале 20—х годов, когда дела пошли под откос, её и решили продать. Сделку проводил махонький, но приткий банк, где и начинал Арчибальд. Ещё не паук, а так паучок. — Уитни язвительно усмехнулся. — Одним из покупателей был его давний знакомый — граф Монтегю... — Уитни нарочито выделил слово, — Не знаю, что у них там не заладилось, не мне их судить. Однако факт остается фактом: до появления сэра Фицджеральда шахту закрыли, а рабочих просто выгнали. — Он выпустил струю дыма к потолку. — Слышал, несколько рабочих, что остались без последней гроши даже покончили с собой. — В его голосе не было и тени сожаления. Джулиан же мысленно соединял нити: *«Старая шахта и самоубийства рабочих могли стать причиной шантажа, но убийство. Ещё и появление графа всё усложняет»*.

— Благодарю, мистер Уитни, — Джулиан легко поднялся. Его лицо было маской невозмутимости. — Ваше свидетельство оказалось крайне полезным. — Он слегка подчеркнул слова, давая собеседнику понять, что оценил ценность и возможную предвзятость информации. — Всего вам доброго. Удачи с новыми контрактами. — Последняя фраза прозвучала с едва уловимой, ледяной иронией. Не дожидаясь ответа, Джулиан вышел из душного sklepa тщеславия и гнева, оставив сэра Генри Уитни в клубах сигарного дыма.

На улице, вдохнув полной грудью прохладный, пропитанный углем воздух Лондона, он достал записную книжку. Карандаш быстро вывел: *«Уитни — глупец и трус. Есть острая неприязнь к потерпевшему, но шаткое алиби подтвердилось. История со старой шахтой в Мидленде. Самоубийство рабочих — шантажист кто—то из жертв? Партнер Фэрнсворта — Граф Монтегю?»*.

Упоминание покойного графа вызвало легкую тревогу. Теперь вмешательство леди Элеоноры, как его вдовы, казалось не столь благородным. Заманить Джулиана она могла и ради того, чтобы прикрыть грехи мужа. Однако только у неё был доступ к документам по старым сделкам графа... если они сохранились. Ни медля и секунды, Джулиан отправил срочное прошение в поместье «Черная Магнолия» с просьбой получить разрешение изучить документы по сделкам с шахтами Мидленда.

Закусочная «Уголок Устрицы» на Темпл—Плейс была пристанищем тех, кому некуда больше податься. Сюда джентльмены заглядывали лишь в минуты крайней нужды или полного отчаяния. Воздух был пропитан смрадом пережаренного жира, дешевого джина и сырой, осыпавшейся штукатурки. За стойкой, покрытой липким налетом, дремал хозяин. Салфетка на его плече свисала, как белый флаг капитуляции перед грязью. В углу, под чадающей керосиновой лампой, за столом, затянутым клеенкой, сидел Себастьян Вейн.

Он был живой карикатурой на упадок аристократии. Дорогой, но безнадежно мятый камзол с бархатными отворотами висел на нем бесформенным мешком. Шелковый галстук болтался развязанной петлей, крахмальный воротничок пожелтел и съехал набок. Перед ним стоял четвертый — или пятый? — стакан мутного джина, а в жестяной пепельнице тлел окурок — последний шик перед полным крахом. Лицо, когда—то привлекательное, теперь было одутловатым, с паутиной красных прожилок на щеках и мутными, невидящими глазами. Он беззвучно шевелил губами, покачиваясь на шатком стуле в такт собственному бормотанию.

Джулиан, скинув плащ на вешалку у входа (здесь он казался бы гротескным маскарадным атрибутом), подошел бесшумно. Присел на соседний стул так близко, что уловил кисловатый запах перегара и немытого тела, смешанный с едва уловимыми нотами дорогого, но безнадежно перебитого одеколона.

— Мистер Вейн? — произнес Джулиан ровно, но достаточно громко, чтобы перекрыть гул кухни и шипение сковородок.

Себастьян медленно повернул к нему голову. Взгляд скользнул по молодому лицу, безуспешно пытаясь поймать фокус. Губы искривились в пьяной усмешке.

— Чего тебе... кто бы ты ни был... — голос хрипел, а слова спотыкались друг о друга. — Проваливай. Места мало... да и джин на исходе... —

Джулиан сделал вид, что не расслышал грубости. Он поймал взгляд сонного хозяина, кивком указал на стакан Вейна. Поставив свежий стакан перед лордом, продолжил с нарочитой легкостью: — Проходил мимо, мелькнуло знакомое лицо — вот и заглянул. Заведение... колоритное. — Закопченные стены, потолок с клочьями паутины, что колыхались от сквозняка.

Вейн жадно схватил стакан, сделал огромный глоток, морщась от горечи: — Мы... знакомы? — пробормотал он, снова пытаясь пробиться сквозь алкогольную пелену к чертам Джулиана.

— В некотором роде. Видел вас на том благотворительном вечере у Фэрнсворта. Помните? — Джулиан намеренно выдержал паузу, наблюдая за реакцией. — Вот страху нагнали! Когда он так рухнул. Прямо посреди речи. Жуткое зрелище. —

Эффект был мгновенным и сокрушительным. Вейна затрясло мелкой дрожью. Он шлепнул стакан на стол так, что джин хлынул через край, растекаясь по клеенке липкой лужей. Лицо исказила гримаса — сплав страха, омерзения и внезапной, слепой ярости. Пальцы впились в край стола, костяшки побелели.

— Да и... и поделом этому лысому ханже! — вырвалось у него срывающимся, хриплым шепотом. — Поделом! Чтоб сгнил в аду! —

Джулиан изобразил искреннее, почти наивное потрясение: — Ханжа? Мистер Вейн, вы шутите? Я слышал, что сэр Арчибалд был человеком весьма щедрым. Особенно к тем, кого считал друзьями. —

Слова «щедрый» и «поддержать» действовали, как удар хлыста. Вейн резко рванулся к Джулиану, мутные глаза внезапно загорелись озлобленным огнем.

— Щедрый?! — капли слюны брызнули на клеенку. — Этот старый мерзавец?! Да он последнюю рубашку сдерёт с голодного сироты! Я... я проигрался немного. Со всяким бывает! Решил взять у него займы, скромную сумму... временно. А он... — Вейн ударил кулаком по столу, заставив звякнуть стаканы. — Наотрез отказал! И это при том... при том... — голос захлебывался от пьяной обиды и негодования, — ...что именно я скрыл его мерзкий роман с этой стервой Чизхолм! А он... — Вейн закашлялся, лицо побагровело, — он просто рассмеялся мне в лицо! —

Джулиан замер. Внутри все натянулось, как тетива: *«Себастьян знал о тайной связи Фэрнсворта и Чизхолм. Неужели шантажистом оказался обедневший пьяница... Но причастен ли он к убийству»*. Он притворно ахнул, приоткрыв рот: — Пойдите, пойдите! — перебил юный детектив, наклоняясь ближе. Голос стал тихим, заговорщическим. — У Фэрнсворта был роман с миссис Чизхолм?! Но он же женат!? —

Вейн кивнул с пьяной значительностью, гордясь своей осведомленностью: — Да! Какое —то время Пенелопа жила во Франции. Писала ему весьма откровенные послания! Ответы он передавал через меня. Это продолжалось несколько месяцев, прежде чем Арчибалд решил отделаться от Пенелопы. Та стала слишком требовательной. — Себастьян схватил стакан и осушил его почти наполовину.

Джулиан почувствовал, как сердце забилося чаще. Он медленно откинулся на спинку стула. В спёртом воздухе «Уголка Устрицы» теперь витал не только запах гнили и джина, но и острый, металлический привкус разгадки. *Письма Фэрнсворта к Чизхолм* — прекрасное средство шантажа, особенно для банкира, что демонстрировал себя примерным семьянином. Да, и вспоминая реакцию его супруги, можно утверждать, что она очень любила Фэрнсворта.

Вейн был амурным почтальоном и мог шантажировать банкира ради денег, но убить? Нет из этого опустившегося пьяницы мог получиться домашний ковер, но не убийца. Дело обрастало новыми подробностями, переходя в новую, куда более опасную фазу.

Последние аккорды бетховенской сонаты — резкие, как удар кинжала, сменились гулкой тишиной, поглощенной бархатными драпировками и холодным камнем стен бального зала поместья «Черная Магнолия».

Руки леди Элеоноры замерли над клавишами рояля. Тонкие пальцы, лишь мгновение назад порхавшие с бешеной энергией, теперь лежали неподвижно. Легкая испарина, несвойственная безупречному образу, серебрилась в тусклом свете.

Глаза она открыла не сразу, позволив финальной ноте раствориться в тяжелом воздухе, пахнущем воском и полынью.

Бесшумной тенью, словно материализовавшись из полумрака, к ней приблизилась Кора. На серебряном подносе лежал сложенный вчетверо листок бумаги. Молча, лишь чуть склонив голову, горничная протянула его. Элеонора взяла записку. Изумрудные глаза побежали по знакомому, чуть небрежному почерку:

«Леди Элеонора Сент—Клер, В ходе расследования обстоятельств смерти мистера Фэрнсворта всплыли новые данные. Они имеют непосредственное отношение к давнему делу вашего покойного супруга, графа Монтегю, а именно — к одной из старых шах Мидленда. С вашего позволения, мне необходимо ознакомиться с сохранившимися документами по этому делу. О чём низжайше прошу вашего разрешения. С уважением, Джулиан Элмвуд.»

Легкая, почти незаметная тень скользнула по лицу графини. Тонкие, темные брови на миг сблизились, образуя вертикальную морщинку. Не произнеся ни слова, она поднялась с табурета. Не смотря на резкость, движения девушки по—прежнему оставались плавными, но в них появилась новая, стальная решимость. Направляясь обратно в кабинет, она машинально стряхнула с пальцев невидимую пыль клавиш.

Войти в библиотеку покойного мужа оказалось сложнее, чем представлялось на первый взгляд. Элеонора стояла перед тяжелой дубовой дверью, запертой на ключ с того самого майского вечера — вечера, когда граф Уильям Сент—Клер задержался допоздна в кабинете, где и встретил свою гибель. С тех пор прошло полтора года. Полтора года траура и тишины, за которые она успела привыкнуть к мысли, что никогда не переступит этот порог.

Кора бесшумно вручила ей ключ — старый, с массивной бронзовой головкой в виде цветка, — и так же бесшумно удалилась, оставив хозяйку одну в полумраке кабинета. Элеонора сжимала холодный металл, и странное, почти первобытное сопротивление сковало её пальцы: *«Почему так трудно? Ведь я не любила его...»*

Это было правдой. Граф Монтегю — пожилой, грубоватый, привыкший покупать всё, что пожелает душа. Она стала его женой в девятнадцать, принесенная в жертву материнским амбициям и семейным долгам. Девяносто семь дней — именно столько продлился этот союз, заключенный в мрачной тишине церкви Святого Георгия, где её мать улыбалась так, словно нашла бесценное сокровище.

И всё же останавливаться было нельзя. Элеонора поднесла ключ к замочной скважине, но рука дрогнула. В горле встал ком — сухой, колющий, мешающий дышать. Она вдруг осознала, что боится. Не того, что скрывается за дверью — книг, пыли, запаха коньяка и миндаля, вьющегося в стены. А того, что она там *почувствует*.

«Ты позволила ему умереть», — шепнул внутренний голос, холодный и безжалостный, как она сама. — *«Ты ничего не сделала. Ты просто стояла в холле с остывшим чаем, когда его сердце остановилось.»*

Она зажмурилась, и перед глазами всплыла та ночь. Скрип дубовой двери кабинета. Его голос — раздражённый, доносящийся из—за порога. Закрытая дверь, отделившая её от...

чего? От правды? От крика о помощи? Или от его одиночества — такого же ледяного, как её собственное?

«*Я не хотела ему зла*», — мысль прозвучала почти как оправдание, но перед кем? Перед мёртвым? Перед собой? Она вспомнила запах библиотеки — тот самый, что сочился из—под двери долгие месяцы. Тяжелый, сладковато—горький: выдержанный коньяк, сигарный пепел, старые кожаные переплеты и — то неуловимое, призрачное, что остаётся после ухода человека. Не душа — скорее, след души. Отпечаток привычек, одиночества, тайн.

«*Ты так и не узнала его*», — продолжал мучить внутренний голос. — «*Ты даже не попыталась*».

Но разве он пытался узнать её? Для него она была трофеем — редким, дорогим, с грацией дикой кошки и умом, который мужчина счёл вызовом своей власти. Он не спрашивал, хочет ли она быть здесь. Не интересовался, какие книги она читает, о чём мечтает, почему смотрит на зимний сад с такой тоской, словно видит в снежных сугробах отражение собственной души.

«*Он дал мне независимость*», — возразила она себе. — «*Состояние, свободу от матери, крышу над головой, которая не скрипит под тяжестью долгов*».

Да. Это было щедро. Но цена... цена эта была выложена холодным золотом, без проблеска тепла. Он купил её, как покупал шахты, особняки, антикварные безделушки. И она позволила себя купить, потому что выбора не было. Потому что мать всё равно продала бы её другому, если бы не этому старику.

Ключ в её пальцах, казалось, становился тяжелее.

«*Войди. Сделай это. Что бы ты ни чувствовала — это твоя жизнь. Твоё прошлое. Ты должна его принять*».

Она глубоко вдохнула — воздух кабинета пах воском, дровами и свежей бумагой. Запах «Черной Магнолии», привычный, почти родной. Ничего страшного не случится. Это просто комната. Просто книги. Просто память о человеке, который давно уже превратился в имя на гербе и цифры в банковских отчётах. И всё же, когда ключ наконец повернулся в замке, а дверь со скрипом — жалобным, как стон старого дерева — отворилась, Элеонора почувствовала, как ледяная волна накатила на неё, сжала грудь, вытеснила воздух из лёгких.

Библиотека встретила её полумраком и тишиной. Пыль веков, густая и тёплая, как шерстяное одеяло, висела в косых лучах, пробивавшихся сквозь щели в тяжёлых портьерах. Высокие книжные шкафы, встроенные в стены, вздымались к потолку, теряясь в темноте. Они были заполнены не просто книгами — целыми мирами, чужими жизнями, знаниями, которые граф коллекционировал, но едва ли читал. По крайней мере, так ей казалось.

На массивном письменном столе из чёрного дуба всё ещё лежала раскрытая записная книжка. Рядом — перо с засохшими чернилами, графин с остатками коньяка, бокал с мутным осадком на дне. Всё было так, как в тот вечер. Словно он только вышел и вот—вот вернётся. Словно время здесь остановилось.

Элеонора сделала шаг, и половица жалобно скрипнула. Звук был громким, неестественным в этой тишине, и она вздрогнула, вжав плечи, словно ожидала окрика из темноты. «*Глуно*», — одёрнула она себя. — «*Ты — графиня Монтегю. Ты — хозяйка этого дома. Эта комната принадлежит тебе*».

Но чувство, что она здесь чужая, не проходило. Каждая вещь — от кресла с высокой спинкой, обтянутого потёртой кожей, до бронзового канделябра на полке — принадлежало ему. Носило отпечаток его привычек, его одиночества, его жизни.

Она подошла к окну, отёрнула портьеру. Свет хлынул в комнату, выхватив из темноты лица на портретах — строгие, надменные лица предков Монтегю. Они смотрели на неё с высоты своих золочёных рам, и в их глазах читался безмолвный вопрос: «*Что ты здесь делаешь, чужая?*»

«Я — вдова», — мысленно ответила она. — *«Имею право»*. Но право и чувство собственной правоты — разные вещи. Она снова ощутила тот странный, звенящий холод в груди, который появился там, на пороге. Не страх. Не горе. Что—то другое. Что—то похожее на *стыд*.

«Ты не оплакивала его», — напомнил внутренний голос. — *«Ты не носила траур по настоящему — только по форме. Ты носила чёрное, потому что так положено, потому что это щит от любопытных взглядов, броня от светских посягательств. Но слёз не было. Ни одной»*.

Это было правдой. В день похорон она стояла у могилы с сухими глазами, чувствуя, как ветер холодит щёки, как сырая земля прилипает к подолу траурного платья. Мать шептала что—то соболезнующее, но Элеонора слышала лишь отдалённые крики ворон да глухой стук комьев земли о крышку гроба.

«Он не заслужил твоих слёз», — защищала она себя. — *«Он купил тебя, как вещь»*. Но разве она не продала себя сама? Разве не согласилась, не подписала брачный контракт, не произнесла клятву перед алтарём? Разве не смотрела в его старческие, выцветшие глаза и не думала: *«Это цена свободы. Я заплачу и буду свободна?»*.

Она была свободна. Богата. Независима. И эта библиотека — с книгами, картами, глобусами, сейфами, спрятанными за фолиантами, — теперь принадлежала ей. Всё это принадлежало ей. И всё же. Элеонора подошла к креслу, такому же, как в её кабинете — высокое, готическое, с резными подлокотниками. Она провела пальцами по потёртой кожаной обивке, и странное тепло — не физическое, а какое—то другое — разлилось в груди.

«Он сидел здесь по вечерам. Один. С бокалом коньяка и сигарой. Он смотрел в окно и думал... о чём?». Она никогда не задавала себе этого вопроса раньше. Для неё граф был функцией — поставщиком титула и денег, временным неудобством на пути к независимости. Но сейчас, в этой комнате, пропитанной его присутствием, она вдруг поняла: он тоже был человеком. Старым, одиноким, возможно, несчастным. И она, его молодая жена, провела с ним девяносто семь дней, ни разу не спросив, что у него на душе.

«Ты не пыталась», — укоряла она себя. — *«Ты просто ждала. Ждала, когда он умрёт. Или ты уйдёшь. Или что—то изменится»*. Она опустилась в кресло, и дерево жалобно скрипнуло под её весом. Воздух в комнате был тяжёлым, пыльным, и в каждом вздохе ощущался привкус времени — остановившегося, застывшего, словно смола, в которой навечно запечатлелась эта комната.

Элеонора подняла глаза на портрет графа, висевший среди прочих. Молодой Уильям Сент—Клер — ещё не старик, не угольный магнат, не циничный покупатель молодых невест. Просто мужчина с пронзительным взглядом и горькой складкой у губ. Таким она его не знала. Таким она его никогда не увидит.

— *Прости*, — мысль вырвалась сама собой, невесть откуда взявшись. Она была лёгкой, почти невесомой, но, сорвавшись с губ, повисла в воздухе, словно пылинка в луче света. Элеонора не знала, за что просит прощения. За то, что не оплакивала? За то, что не пыталась узнать? За то, что ждала его смерти, как избавления? Или за что—то другое, более глубокое, спрятанное в лабиринтах души, куда она сама боялась заглядывать? Она закрыла глаза, и перед внутренним взором внезапно всплыл Джулиан Элмвуд. Молодой сыщик с насмешливой улыбкой и острым умом. Он стал внезапным, живым пятном в обыденности её жизни. *«К чему приведёт знакомство с ним? Лишь будущее покажет...»* — подумала она. — *«А прошлое... прошлое останется здесь. В этой комнате. С этим человеком, которого я так и не узнала»*.

Она открыла глаза, медленно, словно просыпаясь от долгого сна. Комната больше не казалась чужой. Своей не стала — нет, слишком много между ними стен, слишком много невысказанных обид и не прожитых вместе дней. Но уже не пугала. Девушка поднялась. Кресло жалобно скрипнуло в последний раз, словно прощаясь. Элеонора медленно прошла вдоль

стеллажей, взяла нужную и направилась к двери. На пороге она остановилась. Обернулась. «*Я приду сюда ещё*», — пообещала она себе. — «*Когда буду готова...*».

Библиотека тонула в полумраке, пыльные лучи солнца выхватывали лишь золотые корешки книг да бронзовые канделябры. В этой тишине, в этом застывшем времени было что — то умиротворяющее. Как будто граф наконец обрёл покой, которого не знал при жизни. Как будто и она сама, стоя здесь, на пороге, отпускала что-то — не его, не свою вину, а ту ледяную пустоту, что поселилась у неё в груди.

«*Спи спокойно, Уильям*», — мысленно произнесла она. — «*Ты дал мне свободу. Дорогой ценой, но дал. И за это я всегда буду тебе благодарна*». Она шагнула обратно, в свой кабинет, и плотно закрыла за собой дверь. Ключ повернулся в замке с глухим, окончательным щелчком. В кармане платья, у самого сердца, маленький ключ — теперь уже её ключ — от библиотеки покойного мужа.

Элеонора прислонилась спиной к холодной двери, закрыла глаза и глубоко вздохнула. В воздухе всё было как прежде. Но ей почему-то казалось, что вместе с привычным запахом кабинета в её лёгкие проникло что-то новое — терпкое, живое, как весенний ветер. «*Ты справилась*», — сказала она себе. — «*Ты вошла. Ты выдержала. Теперь — дальше*». Она выпрямилась, поправила кружевной воротник и плавным, бесшумным шагом направилась к своему столу, где час за часом будет погружаться в одну из самых запутанных смертей Лондона.

Финансовые своды, неутешительные отчеты о работе шахты, переписка по сделке купле — продажи с Фэрнсвортом... Ничего интересного! Тихое отчаяние начало подкрадываться, холодное и липкое, когда её взгляд упал на приложение — сухой, безликий список работников шахты. Уже не надеясь найти хоть что-то, она все же решила проверить его. И вдруг — одно имя. Ничем не примечательное на первый взгляд, всё поставило на свои места. Пальцы графини непроизвольно сжали край листа, оставив легкий залом на старой бумаге. В голове, с быстротой молнии, заработал отточенный механизм, соединяя разрозненные факты. Шестеренки щелкали, сцепляясь в устрашающую картину.

— Кора! — Голос Элеоноры, обычно тихий, как шелест страниц, прозвучал резко, нарушив гробовую тишину кабинета. Пожилая горничная возникла в дверях мгновенно, её немое вопрошание читалось в приподнятых бровях.

— Приготовь карету. И дорожное платье — то, что не стесняет движений. — Приказ был точен, как клинок. И когда Кора направилась исполнять, взгляд Элеоноры упал на перо и массивную хрустальную чернильницу. — Стой! — Она резко остановила удаляющуюся служанку. Пальцы схватили перо, обмакнули его в чернила. На чистом листе бумаги графиня вывела лишь одно имя.

— Передай это в контору Веббера. Сию же минуту. Через самого быстрого посыльного!

—

Кора, лишь глубже склонила голову в понимании срочности, взяла записку и бесшумно растворилась в коридоре, оставив свою госпожу один на один с тревожным открытием и гулким биением собственного сердца, слишком громким в каменной тишине «Черной Магнолии».

Пыльные лучи заходящего солнца пробивались сквозь тяжелые, чуть занавешенные шторы в некогда роскошной, а ныне заметно обветшавшей гостиной миссис Пенелопы Чизхолм. Она могла стать последней ниточкой в этом запутанном клубке шантажа и смерти. Обедневшая светская львица сидела в глубоком бархатном кресле, цвет которого давно потускнел до неопределенного бордового, в весьма вызывающей позе — одна нога грациозно перекинута через другую, обнажая шиколотку в поношенной, но все ещё элегантно туфельке. Спина откинута, подбородок чуть приподнят в манере, говорящей о былой привычке к вниманию. На ней было платье из тонкого шелка, вероятно, из лучших времен. Ткань на локте была заметно

потертой, а у ворота осталось пятнышко. От нее исходил запах дешевого и резкого парфюма, пытающегося перебить запах пыли и легкой сырости.

Джулиан, стоявший перед дамой, и бровью не повел при виде этой демонстрации. Его пронизательный, холодновато—серый взгляд скользнул оценивающе, фиксируя детали: натянутую улыбку, слишком яркий румянец на щеках, нервную игру перстней на тонких пальцах. Он видел не позу, а щит.

— Миссис Чизхолм? — Голос был ровным, почти учтивым, но лишенным теплоты. Звук шагов по скрипящему паркету только что отзвучал. А женщина медленно перевела на него притворно—ленивый взгляд.

— Что вам угодно? — Голос, старательно сохранявший томные нотки, выдавал легкую хрипотцу и напряжение.

— Я занимаюсь расследованием дела о шантаже и убийстве мистера Арчибальда Фэрнсворта, — четко произнес Джулиан, не отводя глаз. — Насколько мне известно, вы с ним были... весьма близки. —

Глаза женщины зло прищурились, сузившись в щелочки. В них вспыхнул настоящий, не притворный гнев, смешанный со страхом. Исчезла вся томность, обнажив жесткую натуру.

— Выходит, этот обедневший пьянчуга Вейн все вам рассказал? — её губы искривились в презрительной гримасе. —

— Рассказал, но только часть истории... — подтвердил Джулиан, не отрицая своей осведомленности — что, будучи женатым человеком, мистер Фэрнсворт состоял с вами в близких отношениях. Вы даже обменивались письмами, когда проживали во Франции. — Он сделал небольшую, но выразительную паузу. — Ведь это была ваша идея шантажировать банкира. —

Дама гневно вскочила. Платье зашелестело. Тень резко метнулась по потрескавшимся обоям.

— С чего вы взяли!? — её голос сорвался на визгливую ноту. Она стояла перед ним, сжав кулаки, вся дрожа от негодования и, возможно, паники. Джулиан оставался невозмутим. Спокойным жестом он достал из внутреннего кармана пиджака небольшой, аккуратно сложенный фрагмент бумаги.

— Этот фрагмент записки был обнаружен у мистера Фэрнсворта. — Он протянул его так, чтобы она могла разглядеть. — Бумага с водяным знаком гостиницы La Rochelle, чернила с примесью сандалового дерева, весьма специфичного оттенка, и ваш весьма узнаваемый, элегантный подчерк с характерными завитками на заглавных буквах. — Он убрал фрагмент. — Также есть свидетель вашего оживленного разговора с мистером Фэрнсвортом во время благотворительного приема. Увы, миссис Чизхолм, все это играет решительно не в вашу пользу. —

Она замерла. Гнев сменился внезапной опустошенностью. Плечи ссутулились, словно невидимая тяжесть придавила их. Цвет сбегал с лица, оставив лишь густой слой пудры.

— Хорошо... — обессиленно сказала она, опускаясь обратно в кресло, как подкошенная. Звук был едва слышен. — Я действительно пыталась шантажировать Арчи. Хотела, чтобы он развелся с женой! Я его не убивала! Клянусь! — В её глазах стояли неподдельные слезы отчаяния. Пенелопа замолчала, виновато потупив взгляд. Она смотрела на свои дрожащие руки, украшенные некогда дорогими, а теперь просто старомодными кольцами. После чего выдохнула долго и неровно, словно выпуская последнюю надежду.

— В записке, что вы сейчас показали... — она кивнула на карман Джулиана, — мы с Арчи договорились о встрече в тот злополучный вечер. Тогда, на приеме, мы поговорили. Он был... не зол, скорее устал. Сказал, что обратился в какое—то частное агентство, чтобы найти шантажиста, и только недавно, сравнив почерк... понял, что это я посылая письма. — Голос её стал монотонным, бесцветным. — Он сказал, что любит свою семью и развода не будет. Но... он оставался джентльменом до конца. Наш конфликт был исчерпан, и тогда же, он отдал

мне все письма. Говорил, что не хочет, чтобы полиция нашла их и обвинила меня в шантаже. Но взамен я должна была оставить его в покое. — Женщина замолчала, глотая ком в горле.

— Эти письма все ещё у вас? — спросил Джулиан, его голос смягчился на полтона, но глаза оставались бдительными.

— Да, конечно... — прошептала она.

— Прошу, миссис Чизхолм, — сказал он, делая шаг вперед, — позвольте взглянуть на конверты. —

Она колебалась мгновение, потом, с выражением глубочайшей неохоты, поднялась. Подойдя к массивному, старинному столу, выдвинула верхний ящик. Оттуда показалась небольшая стопка писем, перевязанная выцветшей голубой ленточкой.

Джулиан принял стопку. Его ловкие пальцы быстро пробежались по ним, переворачивая конверты, изучая почерк на адресах, водяные знаки, штампы. Слова дворцового поместья Фэрнсворта — о том, что не все письма были от одной руки — подтвердились. Тогда он выделил одно из таких писем. Конверт был другим — грубее, проще.

— Это письмо ваше? — спросил Джулиан, протягивая именно этот, потертый конверт. Его голос был спокоен, но в нем появилась едва уловимая стальная нотка. Дама присмотрелась. После взяла его в руки, ощупала шершавую, дешевую бумагу, разглядела небрежный, угловатый мужской почерк.

— Нет, — ответила она твердо, с искренним недоумением. — Это не мое. Я таких конвертов не покупала и таким почерком не пишу. —

— Тогда вы не будете против, если я заберу именно его? — уточнил Джулиан, протягивая руку.

— Не буду, — вздохнула она, отдавая письмо. Её интерес к этому незнакомому конверту был явно минимален. Яркой улыбнувшись — улыбкой, в которой внезапно вспыхнуло торжество охотника, нашедшего ключевой след, — Джулиан убрал нужное письмо во внутренний карман пиджака. Остальную стопку отдал Пенелопе.

— Спасибо, миссис Чизхолм. Ваша помощь неоценима, — сказал он, кивая с формальной вежливостью.

— Не за что, — пробормотала она, глядя вслед молодому сыщику. Джулиан повернулся к выходу, и тень его заскользила по потертому ковру. Так миссис Пенелопа Чизхолм осталась сидеть в опустевшей гостиной, сжимая в руках связку писем — немых свидетелей её прошлого величия и нынешнего падения.

Холодный вечерний ветер рвал полы плаща Джулиана, пока он шагал по брусчатке, ещё теплой от дневного солнца. Улицы Лондона постепенно погружались в сизые сумерки. Первые газовые фонари зажигали желтоватые островки света. Не теряя ни секунды, Джулиан прямо на ходу развернул письмо, выхваченное из кармана. Бумага была грубой, шершавой под пальцами — полная противоположность изысканным листам миссис Чизхолм.

Там была одна короткая, но весьма емкая фраза, выведенная тем же угловатым, небрежным почерком, что и адрес на конверте: *«Приходи завтра, иначе все узнают про шахты Мидленда»*

Ледяная волна понимания прокатилась по спине Джулиана. Сомнений не было. Смерть Фернсворта уходила корнями в темное прошлое. В частности, к сделке по продаже старой шахты — почему именно этого призрака Арчибалд Фернсворт пытался похоронить годами. *«Что такого сделал Фернсворт, если он лишь посредником в сделке?»* — Джулиан мысленно перебирал факты. Возможно документы графини помогут. Он уже почти решил свернуть в сторону её особняка, как его остановил резкий окрик, сорвавшийся с другого конца улицы:

— Мистер Элмвуд!!! — Голос был юным, хриплым от бега и волнения. Джулиан резко обернулся. Это был Томми из типографии, вездесущий рассыльный. Лицо мальчика было баг-

ровым, глаза выпучены от усилия, он отчаянно махал рукой, мчась через толпу прохожих. — Вам срочное сообщение! — Томми, задыхаясь, влетел в Джулиана, едва не сбив того с ног, и всунул в руку сыщика записку. Бумажка была помятая и теплая от детской ладони.

Инстинкт опытного сыщика заставил Джулиана сразу развернуть её. Цвет мгновенно сбежал с лица, оставив лишь резкую бледность. Глаза, секунду назад аналитически холодные, вспыхнули тревогой, почти паникой. Текст явно встревожил молодого человека до глубины души. Это не было просто сообщением — это был сигнал бедствия, немедленного действия. Он тут же бросился бежать. Резко, без предупреждения, как спущенная пружина. Его длинные ноги мощно отталкивались от мостовой, плащ развевался темным крылом за спиной. Он мчался, не разбирая дороги, расталкивая изумленных прохожих. Все мыли разом сфокусировались на том, кто послал эту записку. Томми, ошеломленный такой реакцией, остался стоять посреди тротуара, тяжело дыша и глядя вслед стремительно удаляющейся фигуре, растворившейся в сгущающихся вечерних тенях гораздо быстрее, чем успело погаснуть эхо его собственного крика.

Колеса кареты графини Монтегю, глухо стучавшие по булыжникам Ист—Энда, наконец замерли у скромной, выцветшей вывески: «Аптека Г. Смита: травы и химикаты». Запах дезинфекции, сушеного дурмана и чего—то кислого витал в переулке. Колокольчик над дверью, тусклый и потертый, звякнул жалобно, когда Элеонора вошла. Внутри было тесно и сумрачно. Полки, забитые банками со странными кореньями, пыльными склянками и свертками бумаги, казалось, вот—вот обрушатся. Воздух был густым, тяжелым от смеси ароматов — лаванды, камфоры и едкого нашатыря.

За узкой конторкой, при тусклом свете керосиновой лампы, сидел Эдгар Торнтон. Он не аптекарь, однако часто подрабатывал здесь в свободные от врачебной практики часы. В руках у него была ступка, но движения были механическими, бессмысленными. Он поднял голову на звонок. Увидев Элеонору, замер. Её безупречный траурный туалет, холодная красота и царственная осанка выглядели абсолютно чуждыми в этом захолустье бедности и болезней. Взгляд врача — обычно такой сосредоточенный — стал пустым, отрешенным, как у человека, увидевшего призрак из другого мира.

— Чего желаете, леди? — Голос звучал глухо, без интонаций, словно эхо из колодца. Он медленно поставил ступку, вытирая пальцы о грубый холщовый фартук. Элеонора сделала шаг вперед. Тень легла на конторку, почти скрыв лицо Торнтон. Воздух в лавке сгустился. Она не смотрела на полки, её изумрудные глаза были прикованы только к нему, холодные и неумолимые, как скальпели.

— Я желаю узнать, — начала она тихо, но каждый слог падал с ледяной четкостью, разрезая тягостную тишину, — *здесь* ли вы позаимствовали цианид калия, мистер Торнтон? Тот самый, что несколькими каплями в бокал шампанского отправил мистера Арчибальда Фэрнсворта, отправив его прямиком в объятия вечности. —

Тишина после её слов стала звенящей. Лампа коптила, отбрасывая дрожащие тени. Глаза Эдгара Торнтон буквально *полезли на лоб*, округлившись до невероятных размеров. В них мелькнул дикий, животный страх, мгновенно сменившийся ледяной волной отрицания. Он резко отпрянул, задев склянку с каким—то розоватым раствором, что закачалась, но не упала.

— Не понимаю, о чем вы, леди, — выдавил он сквозь стиснутые зубы. Голос его дрогнул, выдавая напряжение. Аптекарь попытался натянуть маску профессионального безразличия, но она трещала по швам. — Цианид? Это смертельный яд. За ним строгий учет. И почему вы решили, что это я...?

— Прекрасно понимаете, мистер Торнтон, — перебила его Элеонора. Её голос оставался ровным и в нем появилась стальная твердость. Она сделала ещё один шаг, сокращая дистанцию до минимума. Запах дешевого мыла и пота ударил ей в ноздри. — Понимаете прекрасно. Ведь

вы вынашивали этот план давно. С тех самых пор, как закрыли шахты в Мидленде, что довело до петли вашего отца, — простого рабочего, которого выбросили на произвол судьбы, оставив без средств к существованию. Не так ли? —

Лицо Торнтонна исказила гримаса. Все его мускулы напряглись, как струны. Он больше не пытался скрываться. Пустота в глазах сменилась мрачной, тяжелой ненавистью.

— Я *доктор*, — прошипел он с внезапной, сдавленной яростью, ударив кулаком по конторке так, что зазвенели склянки. — И к старым шахтам, к этим грязным финансовым рокировкам аристократов и банкиров, не имею никакого отношения! Моя работа — лечить, как в случае с мистером Фэрнсвортом. —

— Вы *можете* и не иметь, — парировала Элеонора, не отводя взгляда. — Но вот ваш отец... Он имел. Его уволили, когда банк Фэрнсворта выкупил шахты у моего покойного мужа. А после из—за потопа их закрыли. Это его убило. Сначала финансово, а затем и буквально. Он повесился прямо в старом домике, не так ли? Когда понял, что потерял все, включая надежду. —

Эдгар перебил её. Голос аптекаря сорвался на крик, полный давней, невыносимой боли: — Мой отец... покончил с собой из—за глупцов, что за блеском монет забыли о людях! Он умер из—за их алчности и лжи! Они украли у него не только работу и деньги, они украли у него жизнь! При этом сами жили, как ни в чем не бывало! — Торнтон тяжело дышал. Пальцы впились в край конторки. Взгляд метнулся к полу, где в тени стоял небольшой, крепко сколоченный ящик с замком.

— И вы решили им отомстить — спросила Элеонора. — Сначала граф умер при загадочных обстоятельствах, а теперь и Фэрнсворт. —

— Месть? — Торнтон захохотал резко, горько, беззвучно, лишь плечи его тряслись. Звук был страшнее крика. — Нет, графиня! Это не месть! Это справедливость! Я всегда хотел его убить! Видеть, как жизнь покидает его так же внезапно, как надежда покинула моего отца! И свидетели... — Его голос понизился до зловещего шепота, полного безумия и решимости. Он резко выпрямился, оттолкнувшись от конторки. — ...свидетели в этом мне не нужны! —

Он двинулся на нее угрожающе, стремительно, с яростью загнанного зверя, не видящего преград. Рука рванулась к Элеоноре. Девушка видела, как в его глазах горела дикая решимость. Решимость убрать и эту помеху!

В этот самый миг дверь аптеки с грохотом распахнулась, срывая жалкий колокольчик. В проеме, залитый тусклым светом уличного фонаря, стоял Джулиан Элмвуд. Он был в расстегнутом плаще, рубашка — помята, а волосы в беспорядке — видимо, бежал что есть сил. Его серо—голубые глаза, дикие от адреналина и страха за Элеонору, мгновенно оценили ситуацию: фигура Торнтонна, бросающаяся вперед, и Элеонора, замершая, но не отступающая ни на шаг.

— Нет! — рявкнул Джулиан. Голос сыщика прокатился громом по тесной лавке. Он рванулся вперед, как выпущенная стрела. Не думая, действуя на чистом инстинкте и выучке, буквально *впрыгнул* в пространство между Элеонорой и Торнтонном.

Джулиан принял на себя весь импульс броска врача. Их тела столкнулись с глухим стуком. Сыщик, используя силу инерции Торнтонна и свою собственную ловкость, резко развернул его, заломил руку за спину, применив болевой прием, с силой прижимая лицо врача к липкой поверхности конторки. Склянки и банки с грохотом полетели на пол. Торнтон зарычал, пытаясь вырваться, но Джулиан был сильнее, быстрее и яростнее в этот момент. Одним точным движением он достал из кармана брюк стальные наручники и щелкнул ими на запястьях Торнтонна. Только после того, как преступник был нейтрализован Джулиан обернулся к Элеоноре. Его грудь вздымалась, а на лбу выступил пот, смешиваясь с уличной пылью. В глазах горели гнев и страх.

— Вы... вы сошли с ума?! — выдохнул он. Голос сорвался от нахлынувших эмоций. — Он мог убить вас! Я мог не успеть! Я... — Он не договорил, сжав кулаки, не в силах подобрать слова, чтобы выразить весь ужас мысли о том, что могло бы случиться.

Графиня стояла все так же прямо. Но Джулиан, приглядевшись, заметил едва уловимую дрожь в её руках, спрятанную в складках платья, и чуть более частый ритм дыхания. Испуг был, но девушка его поборола. Изумрудные глаза смотрели на мужчину. Не на схваченного Торнтон и хаос в аптеке. Только на Джулиана. И тут Элеонора расцвела нежной улыбкой. Не своей обычной, холодной, вежливой, а чистой, светлой и по—настоящему искренней. В этой улыбке было облегчение, признательность и глубокая, безоговорочная уверенность.

— Я просто решила довериться вам, мистер Элмвуд, — произнесла она тихо, и в её голосе, обычно таком ровном, прозвучала теплая, почти нежная нотка. — Знала, что вы придете. —

Джулиан замер. Вся его ярость, весь адреналин, все громкие слова застряли у него в горле. Он смотрел на эту улыбку, на эти изумрудные глаза, сиявшие теперь не холодным интеллектом, а чем—то невероятно живым, открытым. Молодой человек был абсолютно, полностью обезоружен этим внезапным проявлением доверия и теплоты от женщины, казавшейся высеченной из льда. Он мог только молчать, чувствуя, как бешено колотится его сердце, уже не от погони и схватки, а от совершенно нового, сбивающего с толку, ощущения. Тишину аптеки нарушал только тяжелый стон скованного Торнтон и запах разлитых настоек. Дело было окончено.

Зал суда Олд—Бейли гудел, как потревоженный улей. Воздух был спертый, пропитанным запахом пота, пыли, дешевой помады и тяжелой нервозности. На скамье подсудимых, закованный в кандалы, которые зловеще брнчали при малейшем движении, сидел Эдгар Торнтон. Его обычно бесстрастное лицо было пепельно—серым, но в глазах горел холодный, нераскаленный огонь, — огонь многолетней ненависти, наконец получившей выход.

Перед ним, на столе обвинения, лежали немые свидетели его падения: отчет типографии «Гриффин» о грубой бумаге и специфических чернилах шантажного письма про шахты, выцветшая газетная вырезка о самоубийстве группы рабочих, среди которых был и Алфред Торнтон, показания перепуганного лакея, видевшего странного мужчину спящего у служебного хода перед самым началом вечера, и, наконец, сухие, неумолимые выписки из документов о продаже шах Мидленда из жуткого затопления, любезно предоставленных леди Элеонорой Сент—Клер.

Джулиан Элмвуд стоял перед присяжными. Его голос, обычно окрашенный легкой иронией, звучал теперь с металлической четкостью, рассекая тягостную атмосферу зала. Он шаг за шагом восстанавливал картину преступления, выстроенную из осколков улики и показаний.

— Спустя много лет после инцидента с шахтами, из—за ухудшения здоровья Арчибальд Фэрнсворт нанял мистера Торнтон в качестве домашнего врача. Будучи вхожим в дом он и узнал о шантаже банкира со стороны миссис Чизхолм — прекрасная возможность, чтобы совершить месть. Идеальное прикрытие. Его собственное анонимное письмо, написанное на дешевой бумаге, грубым почерком, с угрозой раскрыть тайны Мидленда, должно было затеряться среди элегантных посланий миссис Чизхолм, сбивая следы. Что касается вечера. Пользуясь суматохой подготовки к благотворительному мероприятию, — голос Джулиана затих, заставляя зал замереть, — мистер Торнтон проник в особняк через служебный вход. Переоделся в слугу и растворился среди лакеев, тень в тени. Именно Торнтон подал напиток с ядом господину Фэрнсворту, — Джулиан сделал театральную паузу, его взгляд упал на Торнтон. — Это заняло мгновение. Легкое движение руки, прикрытое спиной другого гостя. Щепотка цианида калия — яда мгновенного действия, хорошо знакомого врачу, — попала в предназна-

ченный, лишь одному человеку, бокал. Арчибальд Фэрнсворт выпил за свое мнимое величие и пал за свои истинные грехи. —

Когда судья спросил Торнтона, признает ли он себя виновным, в зале воцарилась гробовая тишина. Доктор поднял голову. Его губы дрогнули, не в мольбе, а в странной, жуткой усмешке. Глаза, лишённые теперь всякой профессиональной сдержанности, метнули в сторону пустого места обвинения — туда, где мысленно стоял призрак Фэрнсворта.

— Виновен? — Его голос, хриплый и тихий, тем не менее достиг каждого уголка зала. — В том, что покарал убийцу? Он сломал моего отца. Как ненужную вещь. Выбросил на свалку жизни вместе с его мечтами и честью. Он задохнулся от стыда и отчаяния, пока этот человек пил шампанское в своем золотом дворце. — Торнтон выпрямился, кандалы звякнули. — Да, я дал ему выпить его собственный яд. Яд его алчности и предательства. Он заслужил эту смерть каждой секундой своей подлой, «непотопляемой» жизни. —

Его слова, произнесенные с леденящей искренностью, повисли в воздухе. Ни возмущения, ни сочувствия — лишь тяжелое, шокированное молчание. Констебли, бледные, взяли аптекаря под руки. Торнтон не сопротивлялся. Он шел, высоко подняв голову, как человек, выполнивший долг, пусть и страшный. Звон кандалов сопровождал его шаги, пока тот не скрылся за дверью, ведущей в тюремные казематы.

На ступенях здания суда, под низким серым лондонским небом, Шерлок Веббер тяжело положил руку на плечо Джулиана. В его маленьких, острых глазах светилось редкое одобрение.

— Неплохо, Элмвуд. Неплохо для потомка баронетов, — проворчал он, выпуская клуб пара на холодном воздухе. — Догадка графини оказалась верной. Без неё сложно было бы доказать связь Торнтона с делами шах тридцатилетней давности. — Он повернулся к леди Элеоноре, которая стояла чуть поодаль, закутавшись в соболий палантин. Лицо её было бесстрастным, как всегда. — Спасибо вам, леди Сент—Клер. Ваша помощь и проницательность сэкономили нам недели, если не месяцы копания в архивах Сити. Без вашей подсказки о необходимости проверить Торнтон... —

Графиня слегка склонила голову: — Пустое, мистер Веббер, — голос женщины был тихим, но ясным. — Мистер Элмвуд сам нашел главную нить — старую шахту. Без его настойчивости и той самой подсказки о Мидленде я бы вряд ли обратила внимание на имя отца Торнтон в списках рабочих. Он хороший сыщик. — В словах графини прозвучало непривычное, почти теплое признание. — Он умеет задавать правильные вопросы. —

Веббер хмыкнул, понимающе взглянул на Джулиана, который слегка смутился под этим двойным вниманием.

— Ну, мне пора. — Шерлок Веббер кивнул на прощание. — Обращайтесь, леди Сент—Клер, всегда будем рады вам в конторе. — И скрылся в толпе. Наступила неловкая пауза. Элеонора повернулась к Джулиану.

— Не проводите меня, мистер Элмвуд? Карета ждет на углу. —

— С превеликим удовольствием, — ответил Джулиан, предлагая руку. Его сердце неожиданно забилось сильнее, как у юноши перед первым свиданием. Они шли по задымленным улицам Лондона. Вечерний холод щипал щеки, но Джулиан его почти не чувствовал. Рядом с её царственной, сдержанной фигурой он снова ощущал себя неуклюжим мальчишкой, несмотря на только что одержанную профессиональную победу. Молчание между ними было не тягостным, а наполненным. Тогда же он решился.

— Леди Элеонора, — начал Джулиан. Голос звучал чуть глуше обычного. Он не смотрел на нее, уставившись на мокрый блеск булыжников под ногами. — Вы не представляете, насколько... необычным для меня был этот случай. — Он сделал паузу, подбирая слова. — Вы стали первой в моем кругу... нет, пожалуй, первой *вообще*, кто не счел мое занятие сыщика чем—то постыдным или недостойным. Кто не смотрел на меня с жалостью или презрением за то, что я предпочел грязь переулков и запах смерти — гостинным залам с шампанским. Даже

мой отец... — Голос Джулиана дрогнул, в нем прозвучала давняя, знакомая горечь. — Даже он видит в этом лишь бунтарство и позор для рода. Вы же... вы не просто не осудили. Вы *помогли*. С холодной точностью скальпеля, которой я искренне... восхищен. — Наконец, он рискнул взглянуть на нее. Профиль графини в вечернем полумраке был безупречен. — Ваш ум, ваша проницательность... они поразительны. И... — он запнулся, чувствуя, как жар разливается по шее под крахмальным воротничком, — ...и я был бы глубоко польщен, если бы вы позволили... продолжить наше знакомство. Вне рамок... следственных действий. —

Он замолчал, ожидая удара — вежливого, но неумолимого отказа. Леди Элеонора замедлила шаг. Она повернула к нему голову. В изумрудных глазах, всегда таких холодных, не было ни насмешки, ни осуждения. Был... интерес? Уголки её губ приподнялись в едва заметной улыбке. Она была подобна редкому зимнему солнцу.

— Мистер Элмвуд, — голос прозвучал мягче, чем обычно, — ваша прямота... не лишена определенного обаяния. Конечно, я не против продолжать наше знакомство. Интеллектуальный собеседник, способный оценить тонкости дедукции и не пугающийся сложных тем, — она чуть наклонила голову, — редкость даже в самых изысканных салонах. —

Радость, горячая и стремительная, накрыла Джулиана, заставив забыть о холоде и тяжелом взгляде отца.

— Тогда... — он сглотнул, — могу ли я в скором времени пригласить вас на чашку чая? В более... непринужденной обстановке? Без трупов и улики, — добавил он с робкой попыткой шуток. Изумрудные глаза блеснули искоркой искреннего веселья.

— С удовольствием, мистер Элмвуд. Я с нетерпением буду ждать вашего приглашения. —

Они дошли до кареты. Кучер спрыгнул с козел и распахнул дверцу. Леди Элеонора легко взошла на подножку, обернувшись на прощание. Её взгляд в последний раз встретился с взглядом Джулиана.

— До скорого. —

— До скорого, леди Сент—Клер. —

Глава 3 Призрачный чай Востока

Флит—стрит, 17. Контора Веббера: Консультанты по деликатным вопросам. 8 октября 1851 год.

Прошло несколько недель. Лондон, словно уставший старик, кутался в сизую дымку поздней осени, где дождь перемешивался с вездесущей копотью, оседая на камнях холодной влагой. Джулиан Элмвуд сидел за своим лабораторным столом в конторе Веббера, больше походившем на поле битвы после научного сражения, чем на рабочее место. Он только что водрузил увесистую папку с последними материалами по делу о «Неверной супруге» на край стола, откуда она явно угрожала сползти в лужу какого—то подозрительного фиолетового реактива. Бегать по всему Лондону за этой дамой, чья энергия и изобретательность в области адюльтера могли бы привести в восторг самого Веббера, оказалось испытанием даже для неумейной молодости.

Душой Джулиан был в порядке, но физически — выжат как лимон. Зато теперь у обманутого супруга—фабриканта были не просто основания, а целый арсенал неопровержимых улик для громкого бракоразводного процесса. Джулиан мысленно пожелал бедняге удачи — ему она понадобится куда больше, чем уставшему сыщику.

Он откинулся на спинку стула, пытаясь размять затекшую шею. Взгляд его серо—голубых глаз, обычно столь насмешливый и наблюдательный, блуждал по комнате, пока не наткнулся на перекидной календарь на стене. Листок с сегодняшней датой висел криво, подчеркивая небрежность. *«Осталось всего несколько дней... — пронеслось у него в голове, и легкая дрожь, не связанная с осенним холодом, пробежала по спине. — Несколько дней до встречи с графиней Монтегю...»*.

После того сумбурного, опасного, но в конечном итоге успешного дела о шантаже и убийстве Арчибальда Фэрнсворта их пути не разошлись. Между ними завязалась оживленная переписка — сначала она проходила на сугубо деловую тему: нюансы расследований, интерес к некоторым аспектам криминалистики, эксперименты. Затем письма стали длиннее, в них начали проскальзывать осторожные личные наблюдения, тонкие шутки с его стороны и заметная оттепель — с её.

Джулиан давно вынашивал план пригласить графиню на чашку чая. Однако реализовывать его предстояло явно не в гостиной «Черной магнолии». Хотелось нейтральной, светской территории. Однако мысль о банальном посещении какой—нибудь респектабельной, но скучноватой чайной вроде «Ритца» или «Клэриджа» вызвала у него зевоту. Этого явно было недостаточно для такой женщины, как леди Сент—Клер.

И тут, словно сама Фортуна, уставшая от вечных экспериментов юноши, подбросила идеальный вариант. Одна из самых дорогих, эксклюзивных и успешных чайных Лондона, «Изумрудный Сад» (The Emerald Garden), располагавшаяся в самом сердце аристократического Сент—Джеймса, устраивала грандиозное событие: специальную выставку «Чудеса восточного чая».

Афиши, уже расклеенные по городу, обещали демонстрацию новейших и редчайших сортов, только что доставленных караванами и клиперами из самых глубин Китая и отрогов Гималаев в Индии. Говорили о «Золотых Воробьиных Язычках» императорского сбора, о загадочном «Лунном свете Дарджилинга», о пуэрах столетней выдержки, чей аромат сравнивали с землей после дождя. Это был не просто чай — это было путешествие, роскошь, экзотика, упакованная в фарфоровые чашки. Идеальная декорация для встречи со столь выдающейся молодой особой.

Конечно, билеты на такое мероприятие стоили как хороший костюм от Сэвил—Роу. Для сына баронета, живущего на скромную ренту, доходы от агентства и нерегулярные вознаграждения от клиентов, подобная покупка было серьезным расходом. Поэтому здесь Джулиан,

обычно столь гордящийся своей независимостью, пустил в ход тяжелую артиллерию — связи отца и, что удивительнее всего, поддержку старшего брата Джеймса. Видимо, внезапная перспектива видеть брата в компании столь влиятельной и богатой вдовы, пусть и эксцентричной, перевесила обычное презрение к его образу жизни. Через пару дней на стол Джулиана легли два изящных билета на плотной кремовой бумаге, украшенных тисненым изображением цветущей ветви чайного куста и золотистыми иероглифами. Незамедлительно он написал леди Элеоноре, описав событие с присущим ему легким азартом, но без навязчивости. Ответ пришел быстро — краткое, элегантное согласие. Джулиан тогда позволил себе яркую улыбку победителя.

Часы пробили шесть. Рабочий день в конторе Веббера официально окончен. Коллеги разошлись. Шеф углубился в отчеты в своем кабинете, пропахшем портвейном и сигарами, доктор Пендлтон исчезла в своей «пещере» с микроскопом, наведя на Джулиана свой ледяной, оценивающий взгляд, словно изучая новый штамм бактерий. Джулиан чувствовал, как знакомое беспокойство начинает скручивать нервы тугими спиралями. Ему нужно было отвлечься, перевести дух перед вечером. Он спустился по скрипучей лестнице вниз, в уже затихающую типографию «Гриффин».

Гул машин сменился непривычной тишиной, нарушаемой лишь потрескиванием углей в печурке и мерным тиканьем небольших настенных часов. Работники разошлись. В подсобке, служившей импровизированной кухней и зоной отдыха, за столом сидели двое: Джек Хопкинс и Эллен Брайт. Они мирно попивали крепкий чай из жестяных кружек, о чем—то тихо беседуя. Запах свежей газетной бумаги, свинца и чая приятно витал в воздухе. Джулиан молча подсел к ним, скинув пиджак на спинку стула. Он тяжело вздохнул и опустил голову на стол, упершись лбом в прохладную, слегка липкую от типографской краски поверхность. Тревога, что гнала его прочь, теперь сжимала виски тугой повязкой.

— Ч—чашечку ч—чая, мистер Э—элмвуд? — Эллен тут же подвинула к нему заварной чугунок и чистую, хоть и потертую кружку. Её голос, несмотря на заикание, звучал мягко и участливо. Джулиан лишь мотнул головой, не отрывая лба от стола.

— Нет, спасибо, миссис Брайт. Не хочется. —

Джек отхлебнул из своей кружки, хитро щурясь на темноволосого молодого человека поверх своей великолепной бороды, в которой все ещё оставалось несколько клочков бумаги.

— Оставь его, Эллен, — проворчал печатник голосом, привыкшим перекрывать грохот машин. — У него сейчас в башке мыслей больше, чем букв в наборе для «Таймс». И все они скачут, как блохи на сковороде. Ни чаю, ни пирожка ни влезет, пока они не утомонятся. —

Эллен отставила чугунок и посмотрела на Джулиана с тихим, материнским сочувствием, что проявлялось даже тогда, когда Джулиан допускал торопливые грамматические ошибки в своих отчетах.

— Она вам т—так сильно н—нравится? — Прямо спросила рисовальщица, без обиняков, лишь слегка смутившись от собственной смелости. Эффект был мгновенным. Джулиан дернулся на стуле, как ужаленный, широко раскрыв глаза.

— Кто?! — Вырвалось у него, прежде чем он осознал вопрос. — Графиня?! Помилуйте, мисс Брайт! Конечно, она мне нравится! Леди образована, рассудительна, благородна. Она прекрасный собеседник и ценный знакомый! — Джулиан тараторил, чувствуя, как жар разливается по щекам и шее, предательски выдавая его. — Просто предстоящее мероприятие требует определенной сосредоточенности. —

Джек не выдержал и громко, раскатисто усмехнулся прямо в свою кружку, отчего чай чуть не расплескался. Его рыжая борода колыхалась от смеха. Собеседник смерил его недовольным, почти обиженным взглядом.

— Что? — спросил печатник, отдуваясь. — Разве не забавно? Весь из себя видный джентльмен, а краснеешь, как наш Томми, когда его за кражу печенья ловят! Друг... Ха! Я столько романов написал, что мне виднее, когда между людьми проскакивают чувства. —

Джулиан сжал губы, пытаясь сохранить достоинство, но внутри всё клокотало от смеси смущения, досады и какого—то странного предвкушения, которое он отказывался признать за что—то большее, чем волнение перед интересным событием.

— Ладно, — он резко встал, подхватывая пиджак. — Пойду я. Надо... подготовиться. Проверить костюм. Освежить знания о чайных плантациях Ассама. —

— П—приятного вечера в—вам, мистер Э—элмвуд, — пожелала Эллен. Её глаза за толстыми стеклами очков светились теплом и легкой тревогой. — У—уверена, все б—будет замечательно. —

Джулиан лишь махнул им рукой на прощание, уже направляясь к выходу. За спиной он услышал ещё один сдержанный смешок Джека и вздох Эллен. Его шаги гулко отдавались в опустевшей типографии. Впереди был «Изумрудный Сад», редкие чаи, холодная красота графини Монтегю и его собственная, навязчивая мысль: *«Только бы не облажаться. Только бы не сказать что—нибудь глупое...»*.

Судно «Восточная звезда», доки Святой Екатерины. 10 октября 1851 год.

Холодные воды Темзы хлестали в борта судна, когда «Восточная звезда» — гордость флота Блэкуоллов — медленно вползала в гавань Святой Екатерины. Небо было затянуто свинцовыми тучами, предвещая затяжной осенний дождь. Чайки с надрывными криками кружили над мачтами.

Генри Блэкуолл стоял на юте, вцепившись в поручни так, что побелели костяшки пальцев. Его лицо, с характерными сикхскими скулами и смуглой, бронзовой кожей, было бесстрастно. Только глаза — тяжелые, глубоко посаженные, под нависшими веками — выдавали напряжение. Полгода в Индии. Полгода торговли, переговоров, подкупа и порой откровенных угроз. Полгода наблюдения за тем, как рушится последнее независимое царство, которое его предки когда—то считали своей второй родиной.

— Англия... — произнес он вслух, и слово это прозвучало не как приветствие, а как приговор. Сзади слышались шаги. Легкие, почти кошачьи — Эдгар никогда не умел ходить тяжело, в отличие от старшего брата.

— Промозглая дыра, — бросил младший Блэкуолл, останавливаясь рядом. Его длинные светлые волосы, завязанные в тугий низкий хвост, трепал соленый ветер. Лицо Эдгара, также не лишенное восточных черт, но более европейское, чем у Генри, было бледным и изможденным. — Стоит ли удивляться, что они столетиями пытаются завоевать Индию? Только бы сбежать из этого холода. —

— Не кошунствуй, Эдгар, — резко оборвал его старший брат. — Мы дома. —

— Дома? — В голосе младшего зазвучала горечь. — Для кого дома? Для меня? Для тебя? Или для прадеда, который спал и видел, как его потомки станут настоящими английскими джентльменами, забывшими, чья кровь течет в их жилах? —

Генри медленно повернулся к брату. В его взгляде не было гнева — только усталость и холодная решимость.

— Я не забываю, кто мы, Эдгар. В отличие от тебя, я не позволяю прошлому затуманивать рассудок. —

— Рассудок? — Эдгар усмехнулся, но усмешка вышла кривой, почти болезненной. — Ты видел, что там происходит. Ты видел, что они сделали с Пенджабом. Ранджит Сингх... он объединил сикхов, создал империю, которой гордился весь Восток. А теперь? Её нет, Генри. Нет! Британские пушки смели её за два года. Два года! А последний махараджа, Далип Сингх... — голос Эдгара дрогнул, — мальчишку увезли в эту проклятую Англию, окрестили, оторвали от веры, от народа... Он даже не понимает, что потерял. —

Генри слушал, не перебивая. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Ты хочешь, чтобы я плакал? — Спросил он наконец. — Империи приходят и уходят, Эдгар. Это закон мира. Сикхская империя просуществовала полвека. Британская существует дольше. И просуществует ещё дольше. А мы... мы оказались на правильной стороне истории. —

— На правильной стороне? — Эдгар резко шагнул к брату, сокращая расстояние. Его глаза, обычно пустые и холодные, сейчас горели. — Наша прабабка была дочерью сикхского военачальника, Генри! Её отец сражался за Ранджита Сингха! А мы... мы торгуем с теми, кто уничтожил всё, ради чего жили её предки. И это, по—твоему, правильная сторона? —

— Сикхской империи больше нет, — отрезал Генри ледяным тоном. — И её не вернуть даже самыми горячими речами. Пенджаб — часть Британской Индии. Лахор управляется британским резидентом. И знаешь что, Эдгар? — Он повысил голос, впервые за весь разговор. — Пора понять, что всё это не наши заботы. —

Эдгар замер, словно получил пощёчину.

— Не наши? — переспросил он тихо, почти шепотом.

— Не наши, — повторил Генри, чеканя слово. — Несколько поколений Блэкуоллов родились в Англии. Мы служим английской короне. Наши деньги, наши корабли, наши контракты — всё это уходит на благо Британской империи. Я понимаю, Эдгар, что тебя мучает прошлое. Я понимаю, что кровь сикхов, текущая в наших жилах, напоминает о том, что когда—то мы могли бы быть другими. Но мы не другие. —

На несколько секунд между братьями повисла тишина, нарушаемая лишь криками чаек и плеском волн о борт. Эдгар медленно опустил взгляд. Его плечи, напряжённые, как струны, обмякли.

— Ты прав, — сказал он глухо. — Ты всегда прав, Генри. Поэтому первым в этот мир «Абинаси»² привел тебя. Поэтому отец оставил компанию тебе, а не мне. Ты умеешь смотреть правде в глаза. Я же... — он провёл рукой по лицу, словно стирая усталость, — я всё ещё вижу сны. О доме, которого уже нет. О людях, которых больше нет. О том, что могло бы быть, если бы прадед не сел на тот корабль в Пенджаб. —

— Если бы он не сел, — жёстко ответил Генри, — нас бы не было. И тебе не пришлось бы страдать от этих воспоминаний. —

— Возможно, — Эдгар поднял голову и посмотрел брату прямо в глаза. Во взгляде больше не было огня — только пустота, знакомая Генри с детства. — Но тогда я не знал бы, что такое терять то, чего никогда не имел. —

Он развернулся и направился к трапу, ведущему в каюты.

— Эдгар, — окликнул его Генри.

Младший брат остановился, но не обернулся.

— Прошу, не делай глупостей. У нас в Лондоне есть дела. В ближайшие дни нам стоит выйти в свет. Посетить несколько важных мест... Нам нужно показать себя. Отец рассчитывал на нас. —

— Отец мёртв, Генри, — тихо сказал Эдгар. — А я устал танцевать под дудку мёртвых. —

Он ушёл, оставив Генри одного на юте. Старший Блэкуолл сжал поручни с такой силой, что дерево жалобно скрипнуло. Ветер донёс запах дождя и угля, смешанный с солёным дыханием моря. Лондон ждал. Дела ждали. Молодой глава чайной империи смотрел на приближающиеся доки, и единственное, что он видел — тень брата, уходящего в темноту трюма. И почему —то ему казалось, что этот разговор — лишь начало. И что Эдгар, который никогда не умел прощать, не простит ему и сегодняшних слов. Никогда.

В это же время каюта Эдгара Блэкуолла

² В пер. с персидского "Гора света" - алмаз и бриллиант 105 карат. В настоящее время хранится в Тауэре.

Закрыв за собой дверь, Эдгар прислонился к ней лбом. Дерево было холодным, пахло лаком и морской солью. Глаза щипало — то ли от ветра, то ли от той самой горечи, которую он так старательно прятал за маской аристократического безразличия.

— Не наши заботы, — прошептал он в пустоту. — Легко тебе говорить, Генри. Ты всегда смотрел в будущее. А я... — он провёл рукой по стене, нашарил выключатель газового рожка, и тусклый свет залил каюту, — я смотрю в прошлое. И оно всё ещё кровоточит. —

На столе лежала раскрытая книга — «История сикхов» Хари Рам Гупты, купленная в Калькутте на старом базаре. На полях были пометки, сделанные его рукой. Эдгар сел в кресло, взял книгу, перелистнул несколько страниц. В глаза бросилась фраза: *«Падение Пенджаба стало не только военным поражением, но и предательством тех, кто предпочёл английское золото сикхской чести»*.

Он закрыл книгу и отбросил её в сторону.

— Мы не предатели, — сказал он вслух, пытаясь убедить сам себя. — Мы... просто выживаем. Как и всегда. —

Но слова Генри всё ещё жгли: *«Это не наши заботы»*. Эдгар подошёл к иллюминатору. В мутном стекле отражалось серое небо, мутное море, пустынная гавань и его лицо: бледное, с чуть раскосыми глазами и той самой восточной тяжестью век, которую невозможно скрыть за английскими манерами.

— Наши заботы, — прошептал он уже тише, почти беззвучно. — Или не наши, Генри... но ты ещё увидишь. Все вы увидите. —

Он отвернулся от окна, задул лампу и остался сидеть в темноте. Корабль покачивало. Где-то над головой матросы перекрикивались, готовясь к швартовке. Лондон приближался. И вместе с ним приближалось нечто такое, чего ни Генри, ни сама английская корона пока не могли предвидеть.

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 13 октября 1851 год.

День встречи настал, окутанный характерным для поздней осени Лондона влажным, пронизывающим холодом. Джулиан Элмвуд ступил под мрачный портал поместья «Черная Магнолия», ощущая, как привычная городская суeta мгновенно стихает, сменяясь гнетущей, почти осязаемой тишиной. Воздух здесь пах холодным воском, старой пылью и чем-то неуловимо горьковатым. Лишь скрип собственных подошв по мраморным плитам холла нарушал безмолвие.

Как и в прошлый раз его встретил Гривз. Мужчина с лицом—маской и глазами, видевшими слишком много. Он молча указывал ему знакомый путь до Голубой гостиной. Здесь, в полумраке грозового неба, Джулиан остался ждать. Тишина давила на уши, одно лишь потрескивание углей в камине напоминало о времени. Волнение, тщательно скрываемое за безупречным видом, kloкотало под поверхностью. Сегодня *все* должно было пройти безупречно. Он приложил максимум усилий, чтобы его внешний вид соответствовал случаю и статусу спутницы.

Классический однобортный сюртук, из темно—синей, почти ночной, плотной камвольной шерсти высочайшего качества, ниспадающий строго до колен. Идеальный крой подчеркивал его стройную фигуру: завышенная линия талии создавала элегантный V—образный торс, плечи с легким наполнением сидели безукоризненно. Бархатный воротник добавлял ноту аристократической изысканности. Вертикальные карманы с аккуратными клапанами завершали строгий силуэт.

В качестве яркого элемента Джулиан выбрал жилет. Глубокий, насыщенный бордовый бархат, как капля старого вина на фоне синевы. Он мгновенно притягивал взгляд к его лицу, выгодно оттеняя темный шоколад волос и, ставшие чуть ярче от волнения, серо—голубые глаза. Противовесом стали брюки прямого фасона, из тонкой светло—серой шерстяной фланели, создающие мягкий, но четкий контраст с темным сюртуком и насыщенным жилетом.

Завершали образ белоснежный хлопок рубашки с высокой, но не душащей стойкой воротника и шелковый, темно—синий, почти сливающийся с сюртуком, галстук.

Он стоял у камина, стараясь дышать ровно, предвкушая её появление. И когда дверь бесшумно отворилась, и леди Элеонора вошла в гостиную, Джулиан застыл. Не просто остановился — он *замер*, на мгновение забыв, как дышать, целиком захваченный её видом.

Графиня была воплощением холодного, траурного великолепия. Платье из черного бархата, тяжелого и глухого, поглощающего свет, в безупречном крое лепило юную фигуру. Лиф облегал, как вторая кожа, с закрытым высоким воротником—стойкой, поднимающимся до самого основания шеи.

Длинные рукава плотно охватывали запястья, лишь небольшие буфы у плеч добавляли едва уловимый намек на объем. Тончайшая талия, затянутая в корсет, была подчеркнута естественно, без кричащих басок. И вдоль этой линии — яркая вспышка цвета: изысканная вышивка мельчайшим изумрудно—зеленым бисером, образующим тонкий узор листьев плюща, словно живая зелень, пробившаяся сквозь траур.

Ниже полная, ниспадающая юбка с идеально уложенными складками, по которым, эхом вторя линии талии, шел ещё один ряд изумрудного бисера. Сверху была надета короткая, до талии, бархатная пелерина, отороченная роскошным черным мехом норки, добавлявшим объема и тепла.

На голове маленький, изящный черный капот—шапочка, подчеркивавший благородные черты лица. Внутренняя отделка и завязки из темно—зеленого бархата создавали удивительную гармонию с цветом её глаз, заставляя их светиться ещё ярче во влажной полутьме гостиной.

Из аксессуаров только гагатовая брошь строгой геометрической формы, приколотая к пелерине. Серьги — миниатюрные подвески из того же камня, и неизменное кольцо. На сгибе локтя на цепочке из темных бусин висел крошечный ридикюль из черного бархата, с серебряной застежкой.

Джулиан собрался с духом, отгоняя оцепенение. Приличия превыше всего. Он сделал глубокий, безупречно отрепетированный поклон.

— Графиня Монтегю, добрый день, — легкий и насмешливый голос, сейчас звучал тихо, тепло и с искренним уважением. — Благодарю за оказанную честь сопровождать вас сегодня. —

Ее ответ был краток, вежлив и холоден, как мрамор статуи Артемиды в холле. После мужчина быстро, без суеты, накинул свое собственное темно—серое шерстяное пальто элегантного кроя и водрузил цилиндр. Затем, подойдя к ней, вежливо предложил руку, согнутую в локте: — Позвольте, графиня? —

Легкий, почти невесомый кивок. Элеонора положила кончики пальцев в тонкой лайковой перчатке ему на рукав, едва касаясь ткани. Джулиан почувствовал это прикосновение, как электрический разряд через слои шерсти и шелка. Он двинулся медленно, тщательно соизмеряя шаг с её плавной, сдержанной походкой, стараясь не нарушить царственную грацию.

На улице, у подъезда, их уже ждал экипаж. Кучер, неподвижный как изваяние, лишь слегка кивнул. Подножка была опущена. Джулиан, помня о своей роли, первым опробовал её ногой, проверив устойчивость. Затем повернулся к леди, протягивая руку: — Пожалуйста, графиня. —

Он помог девушке подняться в карету. Рука джентльмена была лишь легкой, почтительной опорой. Когда же она заняла место, он сел напротив, стараясь не нарушить пространство черного бархатного облака. Когда же она заняла место, он сел напротив, стараясь не нарушить пространство черного бархатного облака³. Экипаж тронулся с места, мягко покачиваясь. Леди

³ В пер. с персидского "Гора света" - алмаз и бриллиант 105 карат. В настоящее время хранится в Тауэре.

повернула голову к окну. Её профиль четко вырисовывался на фоне проплывающего серого городского пейзажа. Джулиан не решался нарушать тишину, уважая возможное желание спутницы сосредоточиться на наблюдении. Его взгляд, скользя по интерьеру кареты, невольно возвращаясь к спутнице, отмечая, как редкие лучи тусклого осеннего солнца выхватывают глубину черного бархата, мерцание норки и вспышки изумрудного бисера на талии.

Внезапно колесо наехало на камень или выбоину. Экипаж резко качнуло. Джулиан, движимый чистым инстинктом, мгновенно поднял руку, выставив её, как щит между девушкой и твердой стенкой кареты. Пальцы замерли в сантиметре от пелерины.

Изумрудные глаза медленно оторвались от окна и устремились на него. Уголки безупречно сомкнутых губ дрогнули, и на короткий миг на бледном лице расцвела улыбка. Не широкая, не открытая, но однозначно *благодарная* и теплая, несмотря на всю свою сдержанность. Её улыбка была подобна лучу солнца, неожиданно пробившемуся сквозь лондонский смог, — мимолетная и ослепительная. Джулиан почувствовал, как что-то внутри отозвалось на эту улыбку тихим, счастливым эхом.

Атмосфера в «Изумрудном Саду» была не просто роскошной — она была натянутой, как струна дорогой цитры. Воздух, плотный от влажности и тепла, пропитан сложным букетом: дымный, почти костровый аромат лапсанг—сушонг смешивался с нежным мускатным оттенком дарджилинга и тонкими цветочными нотами редкого Белого Пиона. Шелест дорогих платьев и фраков сливался с деликатным позвякиванием фарфоровых крышечек и тихим, как жужжание улья, гулом светских бесед, полных намеков и оценок. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие витражи, играли на стеклянных витринах и полированных мраморных столах, где покоились сокровища выставки: изысканные фарфоровые чайники с кобальтовой росписью эпохи династии Цин, резные сандаловые чайницы в форме мифических зверей, безупречные образцы чайных листьев — от нежных почек до скрученных жемчужин — всё под стеклянными колпаками, будто драгоценные насекомые.

Джулиан, склонив голову, следовал за Элеонорой. Она скользила между столиков с присущей ей грацией, черное платье с изумрудной вышивкой переливалось при каждом движении.

— Мои скромные познания в чае не идут ни в какое сравнение с вашей эрудицией, графиня, — скромно произнес молодой сыщик, указывая на небольшой черный чайник с золотой инкрустацией, — я все же рискну предположить, что этот экземпляр скорее кантонский, нежели цзиндэчжэньский. Форма носика слишком изогнута для классического Исин. —

Леди Элеонора приподняла изящную бровь. Пальцы небрежно провели по воздуху рядом с витриной. Она понимала сколько усилий приложил Джулиан, дабы это свидание прошло идеально. Проявление подобной ответственности без сомнений было крайне приятно. Однако, один из самых многообещающих сыщиков Лондона, оказался полным дилетантом в чайной теме. Мягко улыбнувшись, она осторожно поправила его. — Этот изгиб характерен для мастеров Цзиндэчжэня периода Юнчжэн⁴. Они экспериментировали под влиянием западных заказов. — Джентльмен слегка растерялся, понимая, что его раскрыли. Печально выдохнув, он склонил голову, объявляя полную капитуляцию.

— Не предполагал, что госпожа столь осведомлена. — *Джулиан сделал короткую паузу, словно припоминая нечто важное.* — Чай, что вы подали мне в первый раз, имел весьма необычный вкус. Тогда я осмелился предположить, что графиня предпочитает травяные чаи и не раскроет мой маленький секрет. —

Леди Элеонора посмотрела на него со снисхождением. В глубине изумрудных глаз мелькнуло нечто, похожее на одобрение — или, быть может, лёгкую грусть. Она перевела глаза на витражи окна, где тусклый осенний свет играл на цветных стёклах.

⁴ В пер. с персидского "Гора света" - алмаз и бриллиант 105 карат. В настоящее время хранится в Тауэре.

— Вы правы. — *Её голос стал тише, почти камерным, лишённым обычной ледяной отстранённости.* — Мои предпочтения неизменно лежат в области травяных настоев. Многие растения из моего собственного сада: дикая мята, Melissa, календула — всё они напоминают мне об одном очень дорогом для меня человеке. — *Она замолчала, и в этом молчании вдруг проступила зыбкая, непрошенная тень уязвимости. Пальцы чуть сжались на ручке ридикюля.* — Он говорил, что вкус такого чая приближает душу к природе. —

Джулиан не перебивал. Он лишь слегка наклонил голову, давая ей право на эту паузу, на это редкое, непривычное признание. Всего мгновение. Графиня быстро взяла себя в руки. Её подбородок чуть приподнялся, и ледяная маска снова скользнула на прежнее место, но глаза по-прежнему светились чем-то тёплым и далёким.

— Хотя... — *она кивнула в сторону столика с образцами, где под стеклянными колпаками покоились диковинные сорта из Китая и Индии,* — даже так, я не стану отказываться от возможности расширить горизонты. Чай — неотъемлемая часть колоритного образа Англии, поэтому мне хотелось бы разузнать больше об «экспортируемых сортах». — *Губы тронула едва заметная, чуть ироничная усмешка.* — Незнание, в определённых кругах, посчитали бы дурным тоном. —

Она перевела взгляд на Джулиана, и в этом взгляде читался лёгкий вызов, словно приглашение продолжить интеллектуальную дуэль на новом, более личном поле.

— Совершенно с вами согласен, — *улыбнулся Джулиан, чувствуя, как странное, почти неловкое тепло разливается в груди. Её слова о «дорогом человеке» зацепили что-то глубоко внутри, но он не позволил себе задавать лишних вопросов. Не сейчас.* — Тогда может отведаем дарджилинг второго сбора? Слышал, что этот сорт обладает удивительными медовыми нотами. А после улун «Молочный Грот»? Для эксперимента. —

— О, с удовольствием приму ваше предложение, мистер Элмвуд, — кивнула графиня. — Эксперимент — это всегда интересно. —

Джулиан подозвал одного из расторопных слуг в безупречных ливреях, снующих между столиками с подносами, уставленными фарфоровыми чайниками и крошечными пиалами. Короткое распоряжение — и через минуту перед ними уже стояли два изящных заварника: один — из исинской глины цвета высушенной хурмы, другой — из тончайшего фарфора, расписанного ветвями цветущей сливы.

— Позвольте, графиня, я буду вашим... чайным церемониймейстером? — Джулиан вопросительно приподнял бровь, в его серо-голубых глазах плясали насмешливые искорки. — Должен признаться, роль слуги при столь требовательной госпоже пугает меня меньше, чем перспектива получить от вас укоризненное замечание о правильной температуре воды. —

— Вы продолжаете удивлять, мистер Элмвуд, — в голосе Элеоноры прозвучала едва уловимая нотка, которую можно было бы счесть за забаву, не будь она столь хороша в сокрытии эмоций. — Я принимаю вашу кандидатуру. —

— Буду вдвойне осмотрителен. — Рассмеялся Джулиан, осторожно наливая в маленькую пиалу янтарную жидкость. — Итак, дарджилинг второго сбора. Если верить рекламным проспектам, то нам обещают насыщенный вкус мускатного ореха. Лично я всегда подозревал, что эти описания пишут те, кто отчаялся опубликовать хоть что-то. —

Он протянул пиалу Элеоноре. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Джулиану показалось, что ресницы девушка едва заметно дрогнули. Графиня поднесла пиалу к лицу. Прикрыв глаза, она слушала яркий аромат напитка. На её бледном, безупречном лице не дрогнул ни один мускул. Когда же леди сделала маленький, почти церемониальный глоток, уголки её губ чуть приподнялись.

— Достоинно, — коротко бросила она. — Вы очень постарались, мистер Элмвуд. —

— Благодарю. Вы оказали мне честь, графиня, — Джулиан слегка поклонился, чувствуя, как внутри разливается тепло, не имеющее никакого отношения к чаю. — А теперь позвольте предложить вам контраст. —

Он взялся за второй заварник — с улуном. Движения его были подчеркнута аккуратными, почти ритуальными. Тёмно—зелёные, скрученные в тугие шарики листья, залитые водой, начали медленно распускаться, превращая настой в густое, молочно—золотистое облако.

— «Молочный Грот», — произнес он почти шёпотом, словно речь шла о священном таинстве. — Говорят, на плантациях Тайваня этот сорт охраняют драконы. Впрочем, скорее всего, просто жадные до чаевых сборщики. —

Элеонора приняла вторую пиалу, на этот раз её пальцы задержались на фарфоре дольше. Она сделала глоток. Помолчала. В изумрудных глазах мелькнуло что—то нечитаемое — удивление? Джулиан не мог разобрать.

— Необычно, — наконец произнесла она. — Молочная нежность... и в то же время глубина, словно... — леди запнулась, подбирая слова, — словно читаешь старую книгу, где между строк скрыто невысказанное.

— Вы только что описали этот эксперимент лучше, чем смог бы я сам, — вырвалось у Джулиана прежде, чем он успел подумать. Молодой человек тут же мысленно обругал себя за эту фамильярность, но Элеонора не отвела взгляда. Напротив, в её глазах — впервые за всё время знакомства — мелькнуло нечто, очень отдаленно напоминающее смущение.

— Мистер Элмвуд, — произнесла она чуть тише, — вы сегодня полны неожиданных откровений. —

— Только честных, графиня. Чай имеет свойство развязывать язык. Или, в нашем случае, — мужчина чуть склонил голову набок, — забывать о субординации. —

— Тогда нам стоит вернуться к осмотру экспонатов, — леди Элеонора поставила пиалу на столик с изящным, но твердым щелчком. — Пока вы не начали рассказывать мне о своих научных опытах со светящимися грибами, о которых упоминали в письме.

— Вы помните о грибах? — Джулиан искренне изумился. — Я был уверен, что вы сочли это письмо за бред сумасшедшего и сожгли его в камине. —

— Я ничего не сжигала, мистер Элмвуд, — спокойно ответила она, приподнимая и оправляя складки своего траурного платья. — Особенно то, что может пригодиться. Расскажите о них при случае. Возможно, за партией в шахматы. —

— Это приглашение? —

— Идёмте, мистер Элмвуд. Нас ещё ждут «Серебряные иглы» и главная витрина. А время, проведённое с интересным собеседником, всегда течёт быстрее. —

Джулиан молча предложил ей локоть, и на этот раз пальцы леди легли на его рукав с чуть меньшей осторожностью, чем прежде. Или это ему только показалось.

— Должен вас предупредить, — сказал он, когда пара сделала несколько шагов в сторону центрального зала, где уже собиралась толпа вокруг площадки с китайским мастером. — В шахматы я играю крайне жестоко. —

— О, — Элеонора не повернула головы, только её пальцы чуть сильнее сжали его локоть. — Уверена, это сделает игру только интереснее, мистер Элмвуд. —

Графиня произнесла это тихо, но так, чтобы он понял — это был не просто ответ на шутку, а самое настоящее предупреждение. В любом случае, Джулиан Элмвуд уже с нетерпением ждал этой встречи.

Изюминкой вечера была демонстрация легендарного чая «Серебряные иглы», заваренного настоящим китайским мастером. Когда он появился, всякая светская суeta смолкла. Мастер двигался с безмолвной, почти ритуальной точностью. Его руки, похожие на корни древнего дерева, плавно омывали хрустальный гайвань, засыпали в него пушистые серебристые

почки, заливали воду, температура которой определялась по тончайшему пару. Первый настой был слит — лишь чтобы «разбудить» чай. Второй — прозрачный, как слеза, с едва уловимым ароматом свежескошенной травы и весенних цветов — был разлит по крошечным пиалам.

Изумрудные глаза леди Элеоноры горели с жадным любопытством. Она ловила каждый жест, каждый миг этой медитативной церемонии, забыв на мгновение обо всем на свете. Джулиан, наблюдая, испытывал глубокую радость — ей нравилось. Мир, казалось, достиг совершенного равновесия: тонкий аромат, игра света на фарфоре, её заинтересованное лицо. Однако, как же он ошибался.

Красоту момента разбил пронзительный, истеричный крик. Звук был таким резким, таким несовместимым с утонченной атмосферой, что все разговоры оборвались на полуслове. Десятки пар глаз тревожно метнулись в сторону источника шума. Сорвался он с губ хозяйки заведения. Миссис Томенстон, убедившись, что гости наслаждаются зрелищем, решила проверить боковые залы. В одном из них, она и столкнулась с трагедией. Джулиан инстинктивно шагнул вперед, заслоняя леди Элеонору. Тело мгновенно насторожилось. Рядом с одной из стеклянных витрин лежал мужчина. Судя по испуганному взгляду хозяйки — он явно был мертв. Джулиан Элмвуд переключился мгновенно. Порядочный джентльмен уступил место сыщику. Его спокойный, уверенный голос, известное имя и безупречные манеры действовали лучше любой полицейской дубинки.

— Успокойтесь, пожалуйста, миссис Томенстон, — низкий и властный тон легко перекрыл начинающуюся панику. — Господа, дамы, прошу сохранять спокойствие. Мы немедленно вызовем Скотланд—Ярд. Пока же, во избежание путаницы, попрошу всех оставаться на своих местах и ничего не трогать. Ваше терпение и содействие помогут намного быстрее разобраться в этом досадном происшествии. —

Авторитет сработал. Паника улеглась, сменившись возбужденным шепотом, который прокатился по залу, как легкий морской прибой. Кто—то из дам истерично всхлипывал, кто —то из джентльменов, напротив, пытался сохранять невозмутимость, но в их глазах читалось неприкрытое любопытство, смешанное с животным страхом. Пока перепуганная хозяйка пыталась прийти в себя, прижимая к губам кружевной платок, Джулиан решил быстро осмотреть тело. Он опустился на одно колено, не касаясь ничего лишнего, и склонился над убитым. Взгляд сыщика — холодный, цепкий, методичный — скользнул по неподвижной фигуре, фиксируя каждую деталь с точностью бухгалтера, сверяющего расходные книги.

Мужчина. По внешним признакам — сикх. Характерные черты лица — четко очерченные скулы, смуглая, чуть бронзовая кожа, резко контрастирующая с белизной накрахмаленной сорочки, и тяжелые, темные усы, подкрученные вверх. Одет скромно, но добротно — по английской моде: черный сюртук, жилет в тонкую полоску и безупречно завязанный галстук. В руке, безвольно лежавшей на паркете, всё ещё была зажата программка выставки.

Причина смерти — удар в спину. Заколот чем—то острым. Джулиан осторожно приподнял край сюртука, стараясь не потревожить тело. Удар пришелся чуть ниже левой лопатки, в область сердца. Ткань вокруг небольшого, но глубокого отверстия пропиталась кровью, уже успевшей потемнеть. Никаких следов борьбы — одежда не была разорвана, пуговицы на месте. Один удар. Точный. Мгновенный. Смерть наступила быстро, вероятно, даже не дав жертве возможности вскрикнуть или понять, что произошло. *«Профессионал, — холодно констатировал про себя Джулиан, поднимаясь. — Клинок узкий, длинный... стилет или тонкий кинжал. Удар поставлен, рука тверда...»*

Осмотрев тело, сыщик начал подниматься. Он выпрямился, отряхнул брюки на коленях — на дорогой ткани уже остался влажный след от паркетной мастики. И тут его взгляд случайно скользнул по экспонату, что лежал под стеклянным колпаком, прямо напротив того места, где нашли убитого.

Уникальная чайница расцвета империи Великих Моголов, принадлежавшая руке одного из придворных мастеров самого императора Шах—Джахана. Искусная работа из темного, почти черного дерева с инкрустацией в виде причудливых узоров, выложенных пластинками из слоновой кости и перламутра разных оттенков — от кремово—белого до глубокого золотистого. Драгоценность находилась на своем месте, переливаясь в свете люстр холодным, спокойным блеском. Но что—то было не так. Наклонившись к витрине чуть ближе, Джулиан вдруг уловил едва слышный, чужеродный запах. Он пробивался сквозь густой коктейль из ароматов чая, духов и воска. Сладковато—терпкий. Тяжелый. Напоминающий перезрелый тропический фрукт и что—то животное, смутно знакомое... мускус. Но не чистый, а смешанный с чем—то другим — с горьковатой, острой нотой, вызывающей ассоциации с... опиумом? Мужчина нахмурился, глубоко втянув носом воздух. Запах был слабым, почти призрачным, но для его тренированного обоняния — неопровержимым. Однако исходил он явно не от витрины. Сыщик продолжал исследовать тело и сканировать место преступления. И тут заметил россыпь множества крошечных чаинок под складками одежды труп. Одно быстрое движение и из внутреннего кармана появился чистый носовой платок из тончайшего батиста. Аккуратно, на сколько это было возможно, Джулиан собрал несколько образцов. После чего платок был мгновенно спрятан. «Сделаю анализ...» — пронеслось у него в голове. Эта крошечная улика могла оказаться ничем или всем.

Элеонора не оставалась безучастной. Она не металась и не суежилась, как остальные гости. Спокойная, как поверхность лесного озера на закате, она оставалась на своем месте, откуда открывался наилучший обзор. Её взгляд методично, без единой спешки, скользил по залу. Изумрудные глаза читали лица, как открытые книги — по едва заметной гримасе, по напряженной складке у губ, по слишком блестящим или, напротив, потухшим глазам она видела всю подноготную: кто искренне испуган, кто притворяется, а кто пытается скрыть тайное торжество или панический страх, зная цену светским маскам и умея различать медь фальши под позолотой приличий.

Внимание графини привлекли двое. Джентльмены стояли чуть в стороне от основной группы, возле витрины с образцами дарджилинга, и о чем—то серьезно и, судя по их жестам, весьма напряженно беседовали. Тот, что был моложе — светловолосый, с холеным лицом и нервными, порывистыми движениями, — явно пытался в чем—то убедить своего компаньона. Второй, постарше, с аккуратно подстриженными бакенбардами, тяжелой волевой челюстью и смуглой, чуть бронзовой кожей, выдававшей примесь восточной крови, реагировал на его слова с плохо скрываемым гневом — побелевшие костяшки сжимали край витрины, губы превратились в тонкую, почти невидимую нить. Дабы не привлекать ещё чье—то внимание и не становиться объектом пересудов, они быстро завершили спор.

Один из джентльменов — тот, что был с длинными волосами — всё время стоял к графине спиной. Но когда он развернулся, собираясь уйти от витрины, Элеонора наконец смогла разглядеть его лицо. Тот же восточный оттенок кожи, чуть раскосые, тяжелые глаза, чуть нависшие веки и длинные светлые волосы. Кровь сикхского предка, пробившаяся через поколения, давала о себе знать в резких скулах и горделивой посадке головы. В его поведение не было и тени искреннего расстройства или удивления. Не было даже той светской озабоченности, что полагается выказывать при виде трагедии. Скорее... наблюдательная отстраненность. Эта странная, почти непрошибаемая холодность в наэлектризованной атмосфере всеобщего замешательства, этот оценивающий, лишенный всякой эмпатии взгляд показались леди Элеоноре смутно знакомыми.

Графиняотреагировала с молниеносной скоростью. Изумрудные глаза, только что рассеянно скользившие по толпе, полностью сфокусировались на фигуре. Она вгляделась в черты лица, сопоставляя их с мысленным портретом. Искра узнавания мелькнула в глубине зрачков. Братья Блэкуоллы! Наследники одной из самых богатых торговых семей Англии, также извест-

ные коллекционеры и негоцианты, заправлявшие чуть ли не половиной чайного рынка Лондона. Их фамилия гремела в деловых кругах, а состояние позволяло соперничать даже с мелкими герцогами. Элеонора, поправив кружевные манжеты и, придав лицу выражение светской любезности, столь холодно, сколь и безупречной, плавно направилась к братьям.

— Рада встречи с вами, господа. — Голос её был подобен звону хрустального бокала — чистый, мелодичный, но в интонации явственно читался вызов. — Не ожидала встретить вас в Лондоне. Последние статьи «Таймс» писали, что вы ещё путешествуете по чайным плантациям в Индии.

Старший из братьев, Генри Блэкуолл — тот самый, с тяжелой челюстью и властным взглядом, — словно застигнутый врасплох этим прямым, неожиданным вопросом, едва заметно подался назад. На одно неуловимое мгновение его маска аристократической невозмутимости дала трещину — в глазах мелькнула досада, быстро взятая под контроль. Он открыл рот, чтобы ответить — вероятно, с привычной сухостью, смешанной с вежливостью.

— Взаимно, графиня. Вы правы, — его голос звучал ровно, но слишком отретпетированно. — Мы совсем недавно вернулись в столицу. Путешествие было не из простых, поэтому мы не стали афишировать возвращение. —

— Понимаю. — Элеонора сделала паузу, изящно склонив голову, словно принимая это объяснение. — Печально, что ваше возвращение в свет оказалось омрачено столь неприятным инцидентом. —

Блэкуолл не успел ответить. Тут, словно ангел—хранитель, подросла миссис Томенстон, всё ещё бледная, но уже сумевшая взять себя в руки. Она подошла к братьям, нервно теребя кружевной платок. Лицо женщины сильно покраснелось от волнения.

— Ох, прошу прощения, графиня! — воскликнула дама, быстро переключая внимание на Блэкуоллов. — Мистер Блэкуолл... — она запнулась, переведя дух, — позвольте высказать вам свои глубочайшие извинения! Столь несправедливо, что рядом со столь бесценным экспонатом, который вы предоставили... случилась такая беда! Это ужасно, просто ужасно! —

Хозяйка заведения явно надеялась сгладить неловкость, переложив часть вины на «роковое стечение обстоятельств». Но ответил ей не Генри, а его младший брат, Эдгар — тот самый светловолосый, с нервными манерами.

— Благодарим за беспокойство, миссис Томенстон. — Его голос был вкрадчивым, почти слащавым, но в глазах по—прежнему стояла та самая пугающая пустота. — Мы понимаем, что вы никоим образом не пренебрегали безопасностью и всё происходящее — лишь досадная ошибка, не более. Однако, — он сделал паузу, подчеркивая значимость следующих слов, — мы посоветовались и приняли решение. По окончании сегодняшнего дня чайница должна быть незамедлительно передана моему брату, как законному владельцу этой реликвии. В целях её сохранности, разумеется. —

Элеонора не подавала виду, что удивлена, услышав это заявление. Её лицо оставалось бесстрастной мраморной маской. Только чуть сильнее сжатые в кулак пальцы (спрятанные в складках платья) выдавали внутреннее напряжение: *«Законному владельцу... Интересно, очень интересно...»*.

— Это правда, мистер Блэкуолл? — Элеонора сделал шаг вперед, вновь обращаясь к старшему брату. В её голосе не было враждебности, лишь сухой, вежливый интерес. — Вы — владелец столь уникальной чайницы? —

Генри Блэкуолл, казалось, с трудом проглотил комок, вставший в горле. Его бесстрастная, аристократическая маска на мгновение дрогнула, обнажив нечто, похожее на досаду... или даже на страх. Он не смотрел в глаза Элеоноре. Его взгляд был устремлен куда—то в сторону, на полированную поверхность паркета.

— Да, — выдохнул он наконец. Ответ прозвучал глухо, словно нехотя. Он лишь молча, с подчеркнутым достоинством кивнул, всё так же избегая прямого взгляда собеседницы. — Это так. —

— Поздравляю с прекрасной находкой для вашей частной коллекции, — произнесла Элеонора. Её голос прозвучал, как холодный поцелуй. Почти каждый в свете знал: семья Блэкуоллов уже несколько поколений подряд отдавала баснословные суммы на всевозможные чайные ценности. Их собрание могло похвастаться чарующим набором самых редких чаев Индии и Китая, фарфоровой посудой ручной работы, и, конечно же, чайными реликвиями и восточными древностями. И пусть со стороны фраза графини не вызывала подозрений — всего лишь светский комплимент, — в действительности же она прозвучала, как целая гамма недосказанности, как выстрел, разорвавший тишину. Напоследок она ещё раз скользнула взглядом по лицу Блэкуолла, пытаясь прочесть то, что скрывалось за аристократической сдержанностью. И она прочла: *«Он боится. Чего—то боится...»*

Спустя пару минут прибыли следователи Скотланд—Ярда. Их появление, сопровождаемое топотом сапог и грубыми окриками, окончательно развеяло остатки светской иллюзии. Они действовали методично, но тяжеловесно: сняли формальные показания с перепуганной миссис Томенстон, бегло опросили нескольких ближайших гостей, после чего объявили помещение закрытым на время следствия. Вежливо, но неумолимо гостей начали выпроваживать. Воздух наполнился шелестом платьев, вздохами разочарования и приглушенными возмущенными репликами. Именно в этот момент миссис Томенстон, словно тень, возникла перед Джулианом, который наблюдал за действиями полиции с холодным выражением лица.

— Мистер Элмвуд! Прошу простить, что задерживаю вас в такой... сумбурный момент, — зашептала она, оглядываясь, словно боясь быть услышанной констеблями. — Но у меня к вам огромная, просто огромная просьба. —

— Слушаю вас, миссис Томенстон, — ответил Джулиан, наклоняясь к ней.

— Вы... вы сегодня были просто великолепны! Ваше хладнокровие, ваши действия... — Она нервно сглотнула. — Не подумайте, я глубоко уважаю Скотланд—Ярд! Но... это дело... оно слишком деликатное. А вы... — в её глазах загорелся мольба, — вы же работаете в той самой конторе по особым делам для знати, не так ли? Вы знаете, как необходима для нас аккуратность в подобного рода вещах. И в ваших, — она сделала акцент, — прекрасных способностях сыщика я не сомневаюсь ни секунды. Умоляю вас, мистер Элмвуд, возьмите это дело! —

Глаза молодого сыщика буквально поползли на лоб. Он не ожидал такого прямого предложения, да ещё и в присутствии официальных властей.

— Позвольте... — он понизил голос до шепота, — почему именно я? У Скотланд—Ярда куда больше ресурсов... —

— Ресурсы — это хорошо, мистер Элмвуд, — перебила она с неожиданной твердостью. — Но понимание нашего мира, его нюансов и неписанных правил в данном случае куда важнее. И этим пониманием обладаете вы. Пожалуйста! —

Инстинктивно Джулиан искал подтверждение во взгляде леди Элеоноры, которая стояла чуть поодаль, наблюдая за сценой с невозмутимым спокойствием. Их глаза встретились. Она не произнесла ни слова, но едва заметный, почти неосознанный кивок был красноречивее любых доводов миссис Томенстон. Джулиан обернулся к хозяйке чайной, его лицо стало решительным: — Хорошо, миссис Томенстон. Я возьму ваше дело. Официально. —

— Ох, благодарю вас! Тысячу раз благодарю! — Она схватила его руку и сжала её с неожиданной силой, прежде чем быстро, словно испуганная птица, упорхнуть прочь, дабы проводить гостей. Джулиан подошел к Элеоноре, молча предложил ей локоть. Девушка с легкой улыбкой приняла его.

— Благодарю вас, мистер Элмвуд, — сказала она тихо, когда пара направилась к выходу, минуя офицеров.

— Не стоит благодарности, — ответил он, чувствуя странное тепло в груди от её близости.

— Я благодарю не за руку, — уточнила спутница, скрывая в глазах яркую искорку любопытства. — А за то, что взяли дело миссис Томенстон. Это было очень благородно. —

— Ах, вы об этом, — он улыбнулся. — Мне кажется, оно вас тоже не оставило равнодушной? —

— Немного, — призналась она с легкой загадочностью. — Слишком много странностей на столь малом пространстве. Если вы не возражаете, то опишите с чего бы начали это дело? —

Джулиан почувствовал прилив энергии. Вопрос был не просто вежливостью — это было приглашение к совместному размышлению.

— Наверное, — начал сыщик, подстраивая шаг под неторопливую походку спутницы, — первым делом необходимо опознать мужчину. Его внешность весьма колоритная. Так же необходимо провести анализ странных листьев на полу, они рассыпались, когда мужчина упал. Возможно это даст подсказку, что он собирался делать в чайной. Убийца явно опытный человек. Он точно знал, как одним точным ударом устранить свою цель. Владеть такими навыками дано не каждому. —

Леди Элеонора кивала. Взгляд изумрудных глаз был устремлен вперед. Но Джулиан видел, как его размышления находят в ней живой отклик. Казалось будто она мысленно достраивала логику вышеуказанных рассуждений.

— Завтра же приступлю, — решительно заключил он, когда подъехала карета графини. По пути к поместью царил молчок, но оно было не неловким, а сосредоточенным. Каждый был погружен в свои мысли, анализируя сегодняшние события. Только стук копыт по брусчатке и скрип рессор нарушали тишину. Джулиан мысленно возвращался к странному запаху и листьям на платке. Элеонора же обдумывала, что за трудности помешали столь влиятельной семье, как Блекуоллы вернуться в Лондон столь скромно. Их экспедиция на восток была одной из самых горячих тем последние несколько месяцев.

Когда карета остановилась у величественных ворот поместья, Джулиан помог леди выйти. Вечер был тихим, в воздухе витал прохладный аромат сырой травы и камня. Подходя к крыльцу, мужчина почувствовал прилив неловкости. Первый совместный выход был омрачен ужасным преступлением. Он не смог сделать этот день идеальным, как планировал. И изысканное прощание теперь казалась крайне неуместным.

— Госпожа, — начал он, снимая головной убор, — должен просить у вас прощения. Сегодняшний вечер завершился не так, как вы того заслуживали, и не так, как я планировал. Хотелось подарить вам приятный, спокойный вечер, а не детективную сумятицу. —

Она остановилась на ступеньке и повернулась. Фонарь у входа осветил её лицо, делая изумрудные глаза глубже. Долгий, внимательный взгляд задержался на молодом человеке без упрека и разочарования. Затем он скользнул по фасаду величественного поместья и вновь вернулся к Джулиану.

— Мистер Элмвуд, — голос прозвучал мягко, но отчетливо, — мне не за что вас прощать. Вы подготовили воистину увлекательное мероприятие, чем искренне меня порадовали. Интеллектуальная стимуляция и наблюдение за вашими действиями были ценнее спокойного чаепития. Наоборот, — в её голосе появилась легкая, едва уловимая нотка самоиронии, — это, пожалуй, мне стоит извиниться. —

Джулиан искренне удивился: — Ну, что вы! Как можно... —

— Это так, — мягко, но настойчиво перебила графиня. — Вы очень умный, жизнерадостный и смелый молодой человек. Именно это непредсказуемое сочетание и привлекло меня с самого начала. Поэтому, — собеседница сделала маленькую паузу, — когда вы рядом со мной... пожалуйста, не пытайтесь быть идеальным. Жизнь редко вписывается в рамки безупречного этикета. Сама не всегда столь строго соблюдаю все его нормы. —

Джулиан почувствовал, как камень свалился с души. Её слова были не просто утешением — это было признание, открывавшее дверь к чему-то более настоящему. На лицо легла искренняя, теплая улыбка.

— Этот день, — продолжила леди Элеонора. Ровный тон стал чуть тише, но при этом не менее чутким, — несмотря на его неожиданный финал, был прекрасен. Поэтому... — графиня сделала небольшую паузу, словно взвешивая слова, — в удобное время, я ожидаю вас на партию в шахматы. —

— Буду несказанно рад. — Ответил он, кланяясь с непринужденной грацией, в которой теперь не было и тени прежней неловкости. — Считайте, что я уже мысленно расставляю фигуры. —

После расставания с графиней Джулиан направился в контору. Нужно было отнести найденные листья в лабораторию. Уже на месте молодой сыщик бегло посмотрел в окна третьего этажа. Судя по тусклому свету, на рабочем месте оставался только шеф. Джулиан поднялся по скрипучей лестнице. Дверь в контору Веббера была приоткрыта — из щели струился неровный, желтоватый свет газовой лампы, смешанный с синеватым мерцанием уличных фонарей за окном. Он вошел без стука. В приемной горела лишь одна свеча. Мэри ушла, оставив на столе нетронутую чашку чая и догоревшую сигарету в изящной трубке.

— Шеф? — тихо позвал Джулиан, заглядывая в открытую дверь кабинета. Шерлок Веббер сидел за своим массивным дубовым столом. Он не работал — просто сидел, откинувшись в кресле, и задумчиво смотрел на пляшущее пламя камина. Рядом с ним, на полированной столешнице, лежала раскрытая папка с какими-то официальными бланками и письмо на гербовой бумаге. В руке шеф держал тяжелый бокал с портвейном, но напиток оставался нетронутым.

— А, Элмвуд, — Веббер поднял голову. Пронзительный взгляд под густыми бровями был на удивление задумчивым. — Вернулся из своего чайного королевства? Садись. Рассказывай. — Он кивнул, указывая на кресло. Джулиан опустился в предложенное кресло, достал из внутреннего кармана аккуратно завернутый носовой платок и положил на стол.

— Улики, шеф. Образцы с места происшествия. Чай — точнее то, что под ним скрывается. Хочу провести анализ, не терпится узнать состав. — Он помолчал, глядя на Веббера, который всё так же задумчиво смотрел в огонь. — Шеф, что-то случилось? Вы выглядите... беспокойно. —

Веббер сделал, наконец, глоток портвейна, поморщился, словно вино показалось ему кислым, и поставил бокал на стол.

— Сегодня заходил Уилсон, — медленно начал он. В голосе мужчины прозвучала непривычная тяжесть. — Мы вместе начинали в Скотланд-Ярде, ещё до того, как я открыл эту контору. Теперь он инспектор по особым поручениям при королевском дворе. —

Джулиан кивнул. Он слышал это имя — Уилсон имел репутацию честного, хоть и тяжелого на подъем, служаку.

— Он пришел не просто так, — продолжал Веббер. — Уилсон просил помощи. Конфиденциальной, разумеется. По личному поручению сэра Генри Коула. — Шеф сделал паузу, давая имени осесть. — Пятнадцатого октября сего года. Всего через несколько дней. Официально закрывается Всемирная выставка в Гайд-парке.

— Хрустальный дворец? — уточнил Джулиан, хотя и знал ответ.

— Именно, — кивнул Веббер. — И главная проблема сейчас, даже не демонтаж павильонов и не возвращение экспонатов владельцам. Проблема — «Кохинур»⁵. — Он произнес

⁵ В пер. с персидского "Гора света" - алмаз и бриллиант 105 карат. В настоящее время хранится в Тауэре.

это слово с особым, почти благоговейным ужасом, как жрец, произносящий имя запретного божества.

Джулиан присвистнул сквозь зубы. «Гора Света». Легендарный бриллиант, древнейший из известных человечеству камней. Его история была написана кровью, предательством и проклятиями. Империи возникали и гибли из—за него. Моголы, персы, афганцы, сикхи — каждый, кто владел «Кохинуром», платил за это падением, безумием или смертью. Теперь камень принадлежал королеве Виктории, и в этом году, после аннексии Пенджаба, его выставили на всеобщее обозрение во дворце выставки.

— Организационный комитет из двадцати четырех человек во главе с Коулом, — продолжил Веббер, понижая голос, — обеспокоены. Ведь впереди закрытие и передача «Кохинура» королеве. Одному богу известно, что может произойти. Вельможи Сикхской империи не оставляют надежд вернуть камень. На карту поставлена не только репутация выставки, но и престиж короны.

— И Уилсон хочет, чтобы мы подключились? — догадался Джулиан.

— Он хочет, чтобы его люди и наши работали в связке. У нас больше опыта по части проникновений и взломов. Официальная охрана, конечно, будет усилена до предела. Но Уилсон остерегается не грубой силы. Он боится ума. Того, кто сможет обойти все его ловушки. —

Веббер наконец оторвал взгляд от камина и посмотрел прямо на Джулиана. В маленьких, острых глазах горел холодный, тревожный огонь.

— А теперь, Элмвуд, расскажи мне про твою сегодняшнюю... прогулку. Похоже труп в чайной «Изумрудный Сад» явно не впечатлил даму на свидании. —

Джулиан откинулся на спинку кресла с тяжелым выдохом. Он явно устал. Однако в его серо—голубых глазах горел азартный, хищный блеск — тот самый, который появлялся у него, когда срабатывало чутье.

— Непростое дело. Многое непонятно. И всё же... — мужчина прервался, размышляя, стоит ли делиться необоснованными подозрениями. — Есть предчувствие... —

— Предчувствие? —

— Есть в этом деле что—то нечистое. Убитый явно сикх. Рядом с ним витал странный запах, напоминающий мускус, а под одеждой я обнаружил мелкие чайные листья. —

— Нечистое, говоришь... — Веббер нахмурился, пальцы нервно забарабанили по подлокотнику кресла. — Безосновательные подозрения, как по мне большой риск. Однако сыщику не пристало сомневаться в собственном чутье. Работай, но не забывай про осторожность. —

Джулиан кивнул. В кабинете повисла звенящая тишина. Веббер медленно поднялся, подошел к окну. За грязным стеклом клубился лондонский смог, превращая вечерние сумерки в густую, удушливую тьму.

— Темные дела творятся, Джулиан, — пробормотал он, не оборачиваясь. — Всеобщее волнение. Внезапное возвращение чайных магнатов. Странная смерть в чайной. — Он повернулся к собеседнику. В его глазах читалась тревога, смешанная с холодной решимостью. — Слишком много странностей. Слишком много. И что бы ни затевалось — это начнется скоро. —

— Что будем делать? — спросил Джулиан, вставая.

— То, что умеем лучше всего, — голос Веббера стал жестким, как сталь. — Копать. Глубже, чем когда—либо. Продолжай дело в чайной. —

Веббер взял со стола письмо от Уилсона и ещё раз пробежал его глазами: — А я свяжусь с Уилсоном. Скажу, что мы в деле. — Он бросил письмо обратно на стол и посмотрел на Джулиана долгим, тяжелым взглядом. — Будь осторожен, Элмвуд. Если мои подозрения верны, мы имеем дело с тем, кто затеял очень крупную игру. —

Джулиан кивнул. После забрал платок, где лежали чайные листья — маленькие, скрученные, пахнущие смертью и тайной. А в голове вертелись слова, сказанные графией: *«Печально,*

что ваше возвращение в свет было омрачено столь неприятным инцидентом...». За окнами конторы Веббера опускалась ночь. Ночь, полная подозрений, страхов и приближающейся бури.

На следующий день солнце — редкий гость осеннего Лондона, заливало улицы золотистым светом, но внутри «Изумрудного Сада» царила непривычная тишина. Витрина, где красовалась чайница, зияла пустотой, напоминая о вчерашнем скандале. Воздух, лишенный гула светских бесед и аромата свежесваренного чая, пах пылью, мебельным воском и легким отголоском вечерних духов. Шаги Джулиана по паркету отдавались гулким эхом в опустевшем зале.

Миссис Томенстон, выглядевшая заметно постаревшей за ночь. Она появилась из глубины заведения, словно призрак. Увидев Джулиана, её лицо на миг оживилось слабой надеждой.

— Ох, мистер Элмвуд! — Воскликнула она, поспешно подходя. — Неужели у вас уже есть... какая-то информация? — В голосе звенело отчаяние, смешанное с мольбой.

— Увы, нет, миссис Томенстон, — мягко ответил Джулиан, снимая шляпу. Он понимал её состояние. — Не волнуйтесь, дело требует времени. Я как раз пришел к вам, чтобы собрать больше сведений, расспросить о деталях. Каждая мелочь может быть ключом. Она вздохнула, разочарованно поникнув плечами.

— Ах... Конечно, конечно. Что же вас интересует? Я расскажу все, что знаю. — Она жестом пригласила его к ближайшему столику у окна. Солнечный луч выхватывал кружащиеся в воздухе пылинки. Джулиан удобно устроился, достал из внутреннего кармана изящную записную книжку в кожаном переплете и карандаш.

— Прежде всего, расскажите всё, что вы знаете об убитом. —

— Боюсь на этот вопрос ничего конкретного сказать не смогу. Билеты на выставку я подписывала для каждого гостя лично. Этот иностранец не был приглашен. Охрана сообщила, что он передал пакет для мистера Блэкуолла. Странно, что он ничего не сказал об этом. —

— Вот как? Хорошо, я подробнее спрошу мистера Блэкуолла. Вчера я слышал, что они забрали какую-то чайницу. Их поведение показалось мне необычным. —

Миссис Томенстон нахмурилась, собираясь с мыслями.

— Чайница... — начала она, глядя куда-то в пространство, — воистину уникальная вещь. Создана в эпоху расцвета империи Великих Моголов, принадлежавшая руке придворного мастера императора Шах—Джахана. Искусная работа из сандалового дерева с инкрустацией из слоновой кости и перламутра. Произведение искусства — истинный символ статуса. Каждая деталь говорит о мастерстве создателя. —

— Вы сами предложили выставить чайницу? — спросил Джулиан, быстро делая заметки.

— Нет, это была инициатива самого мистера Блэкуолла. Он лично предоставил её для выставки. Торговое судно их фирмы как раз вернулось из экспедиции, где, по всей видимости, и была приобретена чайница. Мне же он сказал, что купил её у одного известного коллекционера восточных древностей Индии, который испытывал финансовые трудности. — Она произнесла это с легким намеком на сомнение. — Сначала я хотела представить в ней один из своих чаев собственного изготовления, но, когда она попала в мои руки выяснилось, что чай там уже храниться — «Голубой Туман с Горы Феникс». Сэр Генри сказал, что это совершенно новый, эксклюзивный сорт. И знаете, что самое интересное? — Она понизила голос, словно делилась секретом. — Этот сорт был *создан* при непосредственной поддержке и финансировании семьи Блэкуоллов! Их семья ведь не просто коллекционеры, мистер Элмвуд. Род Блэкуоллов — это чайная династия. Они десятилетиями ведут один из самых успешных чайных бизнесов в Лондоне, их склады и магазины весьма известны. —

Джулиан поднял бровь. Связь между владельцем чайницы и новым сортом чая была очевидна. Однако более этого ничего полезного не оказалось.

— Вот как? Крайне интересно, — пробормотал он, записывая: «*Чайница Блэкуолла — Чай «Голубой Туман» (финансирован Блэкуоллами)*». — А что вы можете сказать о самом мистере Генри Блэкуолле? О его деятельности? Особенно в свете его вчерашнего спокойствия.

Миссис Томенстон пожала плечами. Выражения явно стали более осторожными.

— Увы, о *личной* деятельности господина Генри Блэкуолла мне мало что известно. Он достаточно закрытый человек. В свет выходит редко, предпочитает деловые встречи. Говорят, он занял пост главы семейной чайной компании всего полгода назад, после скоропостижной кончины отца. — Она сделала паузу, размышляя. — И знаете, мистер Элмвуд, именно поэтому мне кажется *нелогичным* его причастность к этому убийству. Скорее всего погибший случайно оказался рядом с той витриной. —

Джулиан не спускал с неё пристального взгляда.

— Что ж, надеюсь, это именно так. Вы упомянули, что у мистера Блэкуолла есть собственная коллекция чаев и древностей. И как сложилась эта семейная традиция? —

— ...Вы упомянули, что у мистера Блэкуолла есть собственная коллекция чаев и древностей. И как сложилась эта семейная традиция? — спросил Джулиан.

— Ох, да! — лицо миссис Томенстон просветлело при упоминании чая. — Это их страсть, передающаяся из поколения в поколение. Начал собирать ещё прадед нынешнего мистера Блэкуолла, большой энтузиаст и знаток Востока. Из этого увлечения, собственно, и выросла их нынешняя процветающая компания.

— Я слышал, — осторожно заметил Джулиан, — что история семьи Блэкуолл связана с сикхами? Простите мою осведомленность, но убитый также был сикхом. Просто пытаюсь понять любые возможные связи. —

Миссис Томенстон понизила голос, оглянувшись по сторонам, хотя в пустом зале никого не было.

— Вы очень проницательны, мистер Элмвуд. Это редко вспоминают в свете, стараются не афишировать, но... Да, прадед нынешнего сэра Генри, старый Солмон Блэкуолл, отправился в Пенджаб в конце прошлого века — тогда, говорят, чайные плантации только начинали открывать для английской торговли. Он был человеком авантюрного склада, не чопорным, как нынешние джентльмены. И там он не только заключил выгодные контракты, но и женился. —

— Женился? — переспросил Джулиан, делая пометку в книжке.

— Да, — кивнула хозяйка заведения. В её глазах мелькнула смесь восхищения и осуждения. — На девушке из знатного сикхского рода. Говорят, она была дочерью какого-то мелкого раджи или военачальника. Солмон привез её в Лондон, и это, разумеется, вызвало скандал. В те времена такие мезальянсы не поощрялись. Но он был упрям, да и деньги, как водится, сглаживали углы.

— Значит, в жилах Блэкуоллов течет сикхская кровь? —

— Верно, — подтвердила миссис Томенстон. — Вы не единственный, кто обращает внимание на необычную внешность братьев. Их восточные черты столь таинственны. Особенно у старшего, Генри, — скулы, разрез глаз, эта смуглая кожа, которую не скрыть никаким английским солнцем. Эдгар перенял тот же оттенок, хотя черты лица у него более европейские. Говорят, именно от сикхской прабабки в их роду передается страсть к Востоку — не просто к чаю, а ко всему загадочному и древнему. —

Джулиан слушал внимательно, не перебивая.

— Солмон Блэкуолл, — продолжила она, увлекаясь собственным рассказом, — основал не просто чайную компанию. Он создал целую династию, где умение торговать шло рука об руку с уважением к восточным обычаям. Говорят, за время своих путешествий, он перенял некоторые сикхские традиции — например, никогда не пил чай без особого ритуала. — Она махнула рукой. — Отец мистера Генри, покойный сэр Реджинальд, в своей страсти превзо-

шел родного отца. Он стал одним из самых легендарных коллекционеров чайной утвари и редких сортов индийского чая. До сих пор это собрание считается одним из лучших в Англии. С его руководством дело семьи полностью переехало в Лондон. Мистер Генри, продолжает дело предков, свято чтит традиции, вкладывая в компанию душу и средства. — Она вдруг помрачнела. — Хотя... не все в семье разделяют эту страсть. —

— Не все? — Джулиан мгновенно уловил нотку неодобрения в её голосе.

— Ах, господин Эдгар, — произнесла она с явным снисхождением. — Младший брат мистера Блэкуолла. О нем известно ещё меньше. Сэр Эдгар практически не посещает светские рауты, редко появляется в клубах. — Она понизила голос до конфиденциального шепота, наклонившись к Джулиану. — Ходят слухи, что у него... прескверный характер: вспыльчивый, неуравновешенный. И если Генри унаследовал от сикхских предков деловую хватку и умение молчать, то Эдгар, видимо, взял гордость и горячность. Говорят, он жутко завидует старшему брату. Честно, подобному я не удивилась бы: положение наследника и богатая коллекция древностей — бережит душу темными чувствами. Но это, опять же, лишь сплетни... — Она откинулась на спинку стула, сделав вид, что пожалела о своей откровенности.

— И эта сикхская кровь, — задумчиво произнес Джулиан, — она как—то влияет на их деловые связи? Скажем, с сикхской знатью? —

Миссис Томенстон пожала плечами, но в глазах мелькнуло понимание.

— Вы думаете, убитый сикх... — Она не закончила фразу, но мысль была ясна. — Трудно сказать, мистер Элмвуд. Формально Блэкуоллы — британские негоцианты и подчиняются законам империи. Но связи, оставшиеся от прадеда, могут быть глубже, чем кажется. Особенно если учесть, что недавно они вернулись из Индии. —

Джулиан не стал комментировать, но имя «*Эдгар Блэкуолл*» было выведено в его записной книжке с подчеркиванием и большим знаком вопроса. Сикхское наследие семьи внезапно приобретало новый, зловещий оттенок.

Лондонское утро было неласковым. Холодный, пропитанный угольной пылью и речными миазмами ветер рвал полы плаща Элеоноры, словно пытаясь отговорить её от выхода. Но графиня Монтегю двигалась по тротуару с той же неуклонной плавностью, что и по мраморному полу своего особняка. Рядом, едва поспевая и кутаясь в скромную шаль, семенила Кора, её личная служанка и компаньонка — тень графини, чье присутствие было данью условностям и гарантией приличия.

«Мраморная Сирена» в движении была не менее внушительна, чем в покое. Глубокий траурный цвет её платья, что поглощал скудный свет, широкие рукава с изящными плиссированными манжетами, линия талии, затянутая до невозможности и длинная юбка — всё кричало о статусе и сдержанной силе. Высокая, аристократически худая фигура казалась неестественной посреди грязноватой суety улицы, и вынуждала прохожие расступаться, с тревогой ощущая ауру её холодного величия.

Сегодняшний маршрут включал несколько ключевых точек: ювелирный на Олд—Бонд —стрит, книжная лавка мистера Хэтчерда и аптека мистера Торна. Ни дождь, ни смог, ни праздные сплетни не могли заставить её отложить эти дела. Одно из мест назначения — аптека Торна — находилось на Флит—стрит, всего в нескольких шагах от скромной латунной вывески с силуэтом сыщика под луной. Проходя мимо этого адреса, мысль, острая и неожиданная, пронзила ледяное спокойствие Элеоноры: «*Интересно. Как продвигается дело у мистера Элмвуда?*»

Словно эхо, всплыли в памяти увлечённые беседы о новом микроскопе, необычном сочетании химических элементов и неудачном эксперименте со светящимися грибами. За долгие полтора года её монохромного одиночества, Джулиан оказался самым необычным явлением — человеком, чей ум двигался с такой неутомимой скоростью, что позавидовал бы ветер. Их

интеллектуальные дуэли за чашкой чая в редкие визиты были глотком чистого воздуха. Даже в эту самую секунду, как она подумала о нём, любопытство — чувство, которое девушка держала в железных тисках контроля, — оказалось сильнее прагматичного списка дел. Оно подтолкнуло её, заставило отклониться от маршрута. Не говоря ни слова компаньонке, Элеонора плавно повернула к узкой лестнице. Кора осталась ждать у подножия, сжимая ридикюль и стараясь не выглядеть растерянной.

Появление графини рядом с шумным царством типографии вызвало эффект, подобный падению метеорита в лужу. Сначала просто тень, случайно проскользнувшая мимо распахнутой двери. Потом — осознание! Джек Хопкинс, чья дубовая рука только что опускала тяжёлый пресс, замер как вкопанный. Его великолепная рыжая борода, украшенная бумажными клочками, казалось, застыла в изумлении. Глаза, привыкшие к кляксам и браку, широко раскрылись. Он толкнул локтем вертевшегося рядом Томми Олири, молча указывая в сторону девушки: «*Гляди—ка, Шустрик! Это же она?*». Томми, мгновенно сообразив, вскочил как ошпаренный. Его огненная шевелюра вспыхнула под козырьком кепки. Зоркий мальчишка прилип к дверному косяку, впиваясь взглядом в идущую по лестнице фигуру.

— Ба—а—а! — только и смог выдохнуть он. — Какая же она красивая... Прямо как с картинки... — прошептал разносчик с благоговением, забыв про всякую осторожность. Джек, также не отрывая взгляда от удаляющейся женщины, машинально стукнул Томми по темени. Без своей грубоватой силы, скорее по привычке:

— Цыц, сорванец. Помолчи уж. А то распускаешь тут речи про благородную леди!

В это же время из—за стопки свежестоптанных листов появилась Эллен Брайт. Густо—синие стекла очков сверкнули, когда рисовальщица увидела причину переполоха. Она замерла, зажав в руке пачку корректур.

— О—о—она... — прошептала Эллен. Заикание, всегда усиливавшееся от волнения, стало почти непреодолимым. — Т—т—так э—элегантна... Н—не у—удивительно... ч—что э—эта л—леди... з—запала в д—душу... м—мистера Э—элмвуда... — Казалось, она вот—вот уронит бумаги. Джек, наконец оторвав взгляд от лестницы, обернулся к Эллен. При виде коллеги выражение его лица смягчилось. Он осторожно, почти по—отечески, коснулся её плеча:

— Эллен, дорогая, ты начала заикаться сильнее паровозного гудка. Переведи дух. Не стоит так трепетать. Она же не королева Виктория, в конце концов. Хотя... — он бросил ещё один взгляд вверх, — видок, конечно, королевский.

Волнение не утихало. Когда Элеонора переступила порог конторы, Мэри за своим «Ремингтоном» вздрогнула так, что чуть не уронила изящную курительную трубку. Клиенты замерли, уставившись на вошедшую с немимым вопросом и страхом в глазах — не их ли секрет уже раскрыт. Возможно, пришла сама Фемида в черном бархате, дабы покарать грешников. Мэри, быстро взяв себя в руки, подняла бровь, оценивающе окинув графиню взглядом бывшей актрисы: «*Ну надо же! Сама «Мраморная Сирена» пожаловала. Интересно, чего она здесь ищет?*»

Вместо Джулиана навстречу Элеоноре поднялась доктор Ливия Пендлтон. Появление этой женщины было подобно выходу ледяного призрака. Высокая, худая, в строгом костюме тёмно—серого оттенка, она вышла из—за книжных стеллажей. Ледяной взгляд прошёлся по графине без тени любопытства или восхищения. Лишь лёгкий наклон головы обозначил приветствие.

— Доктор Ливия Пендлтон, — представилась дама. — Вы по срочному вопросу, леди? —

Элеонора ответила столь же вежливым кивком: — Графиня Элеонора Сент—Клер. Хотела встретиться с одним из ваших сотрудников. Его зовут Джулиан Элмвуд. —

— Увы, мистер Элмвуд сейчас отсутствует, — голос собеседницы был сух и точен, как скальпель. — Могу я быть чем—то полезна? Или вы предпочтёте подождать его? — Она едва

заметно кивнула в сторону двери лаборатории Джулиана. В тоне не было ни гостеприимства, ни неприязни — только констатация фактов и холодная вежливость.

— Благодарю вас, доктор Пендлтон. Я подожду. — Она не чувствовала потребности объясняться с этой женщиной. Краткий миг их встречи пробудил в душе девушки инстинктивную осторожность. Молча она прошла в лабораторию, которая встретила её хаосом. Элеонора осмотрела всё вдоль столов: взгляд скользил по ретортам с мутными жидкостями, микроскопу и коллекции отмычек. Лёгкая, чуть ироничная улыбка тронула губы при виде схемы *«Как отличить поддельный рубин с помощью спаржи и медного купороса»*.

Затем внимание привлекла аккуратно сложенная стопка записей на краю стола, придавленная пробиркой с каким-то осадком. Заголовок гласил: «Анализ состава чайных листьев (шёлковый платок, кейс 1478—Б)». Элеонора осторожно взяла верхний лист. Глаза, привыкшие выхватывать суть из монотонных текстов, быстро пробежали по колонкам химических обозначений и схемам реакций... Конечного заключения не было. У самого края красовалась одна торопливая запись: *«...наиболее вероятное соответствие с производными опия в сочетании с угнетающими ЦНС растительными алкалоидами неизвестного происхождения...»*

«Опиум!» — слово ударило по сознанию Элеоноры с физической силой. Весь воздух будто вытянуло из лаборатории. Безупречная осанка на мгновение дрогнула. Бурный поток воспоминаний пронёсся перед глазами..

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 11 марта 1850 год.

Едва прождав месяца после свадьбы, граф Монтегю дал грандиозный бал в честь своей юной супруги. «Черная Магнолия» наполнилась гулом голосов, шелестом шелка и приторным ароматом дорогих духов. Хрустальные люстры в бальном зале горели тысячами свечей, отражаясь в задрапированных зеркалах. Элеонора была прекрасна — и эта красота, выставленная напоказ, казалась почти неприличной в своей откровенной роскоши. Её платье из тяжелого белого атласа, расшитого серебряными нитями, было настоящим произведением портновского искусства: лиф, плотно облегающий грудь и талию, переходил в широкую, колоколообразную юбку, украшенную сложными драпировками и вышивкой в виде стилизованных листьев и цветов. Тончайшее кружево обрамляло декольте, делая его одновременно целомудренным и манящим, а длинные, узкие рукава заканчивались изящными кружевными манжетами, почти скрывавшими кисти рук. Вся ткань, казалось, светилась изнутри, придавая её фигуре сходство с изваянием, высеченным из зимнего утра — холодным, идеальным и недостижимым. Талия, затянутая в корсет до невозможности, казалась неестественно хрупкой, почти ломкой, а волосы цвета холодной дубовой коры были убраны в высокую причёску, открывая безупречную линию шеи и плеч. Единственным украшением служила нитка жемчуга — подарок мужа, — тускло мерцавшая на белоснежной коже, словно капли застывшей росы.

Однако за этой безупречной внешностью скрывалась бездна усталости. Каждый час, проведенный рядом с пожилым супругом, каждое его прикосновение, каждое слово, сказанное с видом собственника, купившего редкую безделушку, вызывали в ней глухую, ледяную тошноту. И хуже всего было осознание собственной вины. Когда мать объявила о помолвке, Элеонора не стала устраивать сцен. Она не пыталась бежать или умолять. Как положено дочери аристократической семьи лишь молча приняла сделку, подобно яду, что запивают холодной водой. Граф заплатил за неё титулом и состоянием, а она позволила себя купить — и теперь пожинала плоды своей самоуверенности. Эта мысль жгла сильнее, чем грубые прикосновения, и придавала её маске бесстрастия особую, почти пугающую непроницаемость. Она стояла рядом с графом, улыбаясь гостям той самой сдержанной, отстраненной улыбкой, которая в будущем и принесла ей прозвище «Мраморная Сирена». Её изумрудные глаза, холодные и немигающие, скользили по лицам, но не видели их — она считала минуты до того момента, когда сможет остаться одна.

— Графиня, вы сегодня само совершенство, — пропел какой-то напмаженный щеголь, склоняясь над её рукой.

— Благодарю, виконт Форсайт — ответил голос, подобный звону льда. В нем не было ни тепла, ни интереса. Граф Монтегю, стоящий рядом, довольно и тяжело, с чувством полного обладания, приобнял её, касаясь обнаженного плеча — собственнический, грубый жест, который яснее любых слов говорил гостям: *«Она моя...»*.

— Моя жемчужина столь прекрасна... Не правда ли? — обратился он к гостям, сияя самодовольной улыбкой. В его голосе слышалось не просто восхищение, но и плохо скрытое торжество коллекционера, заполучившего редкий экземпляр.

Элеонора почувствовала, как к горлу подкатывает комок отвращения. *«Жемчужина... Трофей... Вещь...»* — пронеслось у нее в голове. *«Я сама выбрала эту клетку»*, — добавил горький внутренний голос. Но лицо не дрогнуло.

Вечер развивался по известному сценарию. Шампанское лилось рекой, смех становился все громче и фальшивее. Решив взять короткую передышку от духоты и лицемерия, Элеонора под благовидным предлогом выскользнула из бальной залы. Она направилась в малую гостиную, служившую комнатой отдыха для дам. Но, проходя по полутемному коридору, она услышала приглушенные голоса, доносящиеся из приоткрытой двери курительной.

Запах дорогих сигар и выдержанного коньяка смешивался с едким дымом. Сквозь щель она увидела силуэты нескольких мужчин. Среди них были банкиры, политики и влиятельные торговцы. Тогда же и состоялась первая встреча графини с братьями рода Блэкуолл — Генри и Эдгаром. Они сидели в глубоких кожаных креслах, расслабленные, циничные, обсуждая то, о чем не говорили вслух при дамах.

— Говорят, в Китае настоящее пекло, — лениво протянул один из них, пуская кольцо дыма. — Эти тайпины... вроде бы одержимы религиозным бредом. Говорят, их предводитель, Хун Сюцюань, вообразил себя младшим братом Христа. —

— Христианский Бог против Сына Неба? — усмехнулся другой, поправляя галстук. — Забавное зрелище. Но какое нам до этого дело? —

— Война — это хаос. А хаос — это возможность, — подал голос Генри Блэкуолл. Его тон был деловитым, холодным. — Пока мандарины воюют с сектой, их порты открыты... для тех, у кого есть пушки или запретный товар. Спрос растёт. Цены на чай, правда, тоже ползут вверх, но барыши от контрабанды перекрывают все убытки. —

— Ост—Индская компания, конечно, потеряла монополию, — вставил Эдгар, нервно стряхивая пепел в серебряную пепельницу. — Но теперь нашу нишу заняли мелкие авантюристы. Шкипера, готовые идти на риск. Китайские джонки с нелегальным грузом идут прямо на штыки английских канонерок, а прибыль... прибыль исчисляется тысячами процентов. —

— И вы, Блэкуоллы, разумеется, не хотите остаться в стороне? — спросил кто-то. Генри Блэкуолл улыбнулся, но улыбка его была жесткой.

— Семья Блэкуолл всегда славилась умением вовремя оказаться в нужном месте. На прошлой неделе мы получили официальное разрешение на организацию экспедиций в Бенгалию. Первые корабли уже грузятся. Товар... самого лучшего качества. —

— Тот самый товар? — уточнил кто-то нарочито наивным тоном.

— Товар, — повторил Генри с нажимом, подчеркивая цинизм момента. — То, что нужно, чтобы открыть любые двери и купить любые чайные листья. —

Элеонора слушала, прижавшись спиной к холодной стене. Изумрудные глаза в полумраке казались черными бездонными провалами. Её муж был связан с этими людьми. Его угольные шахты и банковские счета питались деньгами, которые пахли кровью и дурманом. Она вдруг с новой остротой осознала, в какую грязь её втокнули. Брак с Монтегю был не просто сделкой — он был погружением на самое дно лицемерия и бездушия высшего света, где войны и гибель тысяч были лишь поводом для биржевых спекуляций.

«Блэкуоллы...» — мысленно повторила она, запоминая это имя. В душе, на фоне ледяной усталости и отвращения, всколыхнулось что-то новое — острое, колющее желание когда-нибудь, возможно, докопаться до истины. Не из благородства, а из чистого, холодного любопытства.

Рядом с курительной, невидимая для мужчин, она стояла ещё несколько минут, впитывая каждое слово. Когда голоса стихли и разговор перешел на скачки и женщин, Элеонора бесшумно отступила в тень. Её перерыв закончился. Она вернулась в зал, где все ещё гремела музыка и кружились пары. Едва появилась в дверях, как почувствовала на себе тяжелый, испытующий взгляд. Граф Монтегю, слегка раскрасневшийся от выпитого, медленно, с грузной важностью, направился к ней сквозь толпу гостей. Он не спрашивал, где та пропадала. Он вообще не привык спрашивать — лишь требовать. Даже сейчас его глаза смотрели на неё с пламенной остротой.

— Решила передохнуть? — Спросил граф, не повышая голоса, но в тоне слышался металл. Мужчина остановился перед ней, сверху вниз глядя на эту хрупкую, белую фигуру. Получив в ответ лишь молчание, он усмехнулся. — Хорошо. Я тоже люблю свежий воздух. —

Он вдруг шагнул ближе, и Элеонора ощутила жар его тела, смешанный с запахом коньяка и сигар. Она замерла, готовясь к очередному прикосновению, но граф не прикоснулся. Он просто стоял, глядя на неё — на белое платье, на жемчуг, на безупречную линию шеи.

— Знаешь, — произнёс он неожиданно тихо, почти задумчиво, — я купил твоё тело, когда женился. — Элеонора вздрогнула, но не подала виду. — Думая, что мне нужна твои красота, молодость и свежесть. — Он усмехнулся горько, без веселья. — Но ты оказалась... сложнее. В тебе есть ум. И это... опьяняет сильнее, чем твой юный стан. —

Элеонора медленно подняла на него глаза. В его взгляде, обычно таком равнодушном, сейчас горел незнакомый огонь — смесь удивления, восхищения и чего-то ещё, похожего на бессильную злость.

— Я выкупил тебя из твоей нищеты, из-под гнёта бестолковой матери, — продолжил он более глубоким голосом. — Я дал тебе имя, титул, деньги. Тебе не спрятаться за вечным холодом и этим ледяным величием, что буквально сводит меня с ума. —

Он вдруг обошёл её и встал за спиной. Элеонора почувствовала, как чужое дыхание коснулось затылка. — Не оборачивайся, — приказал он негромко. — Слушай. — Его рука легла на её плечо — не грубо, а почти нежно, но с такой собственнической тяжестью, что у неё перехватило дыхание. Он медленно, очень медленно наклонился и поцеловал девушку в обнажённое плечо — чуть выше кружева, где кожа была особенно тонкой. Поцелуй был сухим, горячим, долгим. Элеонора не шелохнулась, лишь побелели костяшки пальцев, сжимавших веер.

— Сегодня ночью, — прошептал он ей прямо в ухо, и в шепоте не было ни просьбы, ни нежности — только приказ, облечённый в форму обещания, — мы продолжим этот разговор. Я хочу услышать, что ты думаешь на самом деле. — Он выпрямился. Его рука исчезла с плеча. — А пока... улыбайся. Ты умеешь это делать так, что даже я верю. —

Он отошёл, оставив её стоять посреди сияющего зала, среди смеха и музыки. Элеонора медленно выдохнула, чувствуя, как на плече ещё горит след его губ. *«Он понял, — мелькнула ледяная мысль. — Или ему кажется, что понял. Он хочет не просто тело — он хочет заполучить меня полностью. Заставить подчиниться не только телом, но и умом. И я... я сама открыла ему эту слабость, когда не сопротивлялась. Когда продала себя. Теперь расплата будет долгой».*

Она вновь надела маску безразличия, но в этот раз за маской скрывалась не просто усталость. Теперь там зрела ледяная решимость. Она знала, что рано или поздно эти знания ей пригодятся. Блэкуоллы, Монтегю, война, опиум, чай — все это было звеньями одной цепи. Цепи, которую предстояло разорвать. *«И возможно, — подумала она, глядя в удаляющуюся*

спину графа, — *ночь, обещенная графом, станет не его победой, а моим первым ходом в этой партии...».*

Мысли в голове гудели, шипели, словно перегретый чайник, готовый сорвать крышку. Опиум мог быть прямой ниточкой к Блэкуоллам, однако без конкретных доказательств всё это окажется лишь домыслом. Элеонора крепче сжала листок в руке, сама не до конца понимая, почему столь яростно зацепилась за братьев рода Блэкуолл. Но маятник было уже не остановить. Холодная ярость, смешанная с ужасом от открывшейся бездны, сжала горло. Подозрения сгустились в один вывод — в этой истории нет места сомнению. Ледяная маска графини Монтегю сомкнулась, скрывая бушующий вулкан. Она вернула лист на стол, после чего, не оставляя секунды на раздумья, стремительно вышла из лаборатории.

Девушка направилась прямо к кабинету Шерлока Веббера. Вошла без стука. Веббер, погружённый в изучение какого-то досье и попивающий портвейн из массивного бокала, вздрогнул и поднял голову. Его пронзительный взгляд под густыми бровями встретился с горящими изумрудными глазами графини. В воздухе повисло напряжение.

— Доброго дня, мистер Веббер, — голос Элеоноры звучал резко, лишённый обычной шелковистой сдержанности. Каждое слово было отчеканено. — Вам известно, где швартуются корабли семьи Блэкуолл?

Веббер медленно поставил бокал, мгновенно оценивая состояние гостьи. Графиня Монтегю не задаёт вопросов просто так.

— И я рад вам, госпожа. Насчёт их верфи... Да, мне известно место. — Ответил он спокойно, с подчёркнутой серьёзностью. Его пальцы потянулись к перу и блокноту.

Элеонора приняла листок. Пальцы сжали бумажку так, что костяшки побелели: — Спасибо, мистер Веббер, — бросила она через плечо, уже разворачиваясь к выходу. Благодарность прозвучала автоматически, так как мысли уже мчались в порт.

Спускаясь по скрипучей лестнице мимо типографии, она машинально повторяла адрес, впитывая его в память. И тут взгляд упал вниз. У самого входа, с небольшой стопкой газет, стоял рыжеволосый мальчишка. Его широко раскрытые глаза смотрели на неё с немым восхищением. Графиня резко остановилась перед мальчиком. Её лицо, обычно непроницаемое, смягчилось на долю секунды. В изумрудных глазах мелькнул странный огонёк — не теплоты, но срочности и доверия к этому юному информатору улиц.

— Как тебя зовут? — спросила внезапная гостья. Голос потерял часть своей ледяной звонкости, став чуть глубже и теплее.

Парнишка едва не подпрыгнул: — Т—Томми, госпожа! Томми ОЛири! — выпалил он, краснея до корней волос.

— Томми, — повторила она, чётко артикулируя. — Можешь оказать мне большую услугу? — Она протянула ему смятый листок с адресом, который только что получила от Веббера. — Передай это мистеру Элмвуду. Лично в руки. Скажи... скажи, что это от графини. И что это очень срочно. —

Мальчик схватил листок, как священную реликвию, и прижал к груди: — Конечно, госпожа! Непременно! — закивал он с энтузиазмом, забыв и про страх, и про недавно ушибленное темя.

— Спасибо, Томми, — Элеонора позволила себе короткую, почти невесомую улыбку, которая осветила лицо на миг. Затем она резко выпрямилась, и маска графини Монтегю снова легла на её черты. — Ты хороший мальчик. —

Она вышла на Флит—стрит, где её ждали бледная от волнения Кора и только что пойманный экипаж. Холодный ветер снова обжёг лицо. Элеонора схватилась за поручень повозки. Движения девушки были резче обычного, лишённые привычной плавности. Она вскинула голову, и взгляд, горящий холодным огнём решимости, устремился сквозь лондонский смог в

сторону Темзы. Жестом она указала Коре, что та может возвращаться в особняк. Кучеру же бросила чёткий приказ:

— В доки Святой Екатерины! — Захлопнулась дверь, и повозка резко тронулась.

Джулиан Элмвуд буквально летел в контору Веббера, дверь за его спиной захлопнулась с громким стуком, эхом отозвавшись в тишине уже опустевшего к вечеру здания. Он был в отчаянии — день, проведённый в беготне за свидетелями, не принёс значительных успехов. А при опросе братьев Блэкуолл, по поводу личности убитого, смог получить лишь имя — **Гурди Сингх**. Оказалось, что в то же время, пока братья находились в чайной, в порт прибыло их последнее судно. Этот человек был назначен доставить письмо о прибытии и отчёт о товаре.

Последней надеждой для Джулиана был анализ тех самых таинственных листьев в платке. Ещё рано утром он смог обнаружить в составе опиумные производные, однако прочие элементы выдавали крайне необычное сочетание. Сегодняшнюю ночь он собирался посвятить исследованию неизвестных алкалоидов. В душе лишь теплилась надежда, что улика укажет нужное направление.

— М—мистер Элмвуд! Мистер Элмвуд! — визгливый, срывающийся от волнения голос разрезал его мысли, как нож масло. Едва Джулиан начал подъём по ступенькам, на него, словно пушечное ядро, налетел Томми. Мальчишка был в таком состоянии, что казалось, вот—вот взлетит от энергии. Лицо пылало, глаза горели, как угли, а рыжие вихры торчали во все стороны из—под помятой кепки. Он запыхался, — явно мчался к сыщику со всех ног.

— Она... она... приходила! — выдохнул Томми, хватая Джулиана за рукав сюртука и тряся с силой, которой от subtilной фигурки никто бы не ожидал. — Сюда! В чёрном... вся такая... ну, она! Графиня! Она... мне... адрес... Очень срочно... Ну, то есть велела передать... срочно! — Слова вырывались из него бессвязным, пугающе быстрым потоком. Он указывал пальцем куда—то вверх, к лестнице, потом на Джулиана, потом вниз, на улицу, при этом продолжая трясти рукав сыщика и судорожно шарить в кармане своей заплатаанной куртки.

Джулиан отшатнулся. Выражение лица сменилось полным недоумением. Слова Томми сливались в один невнятный, тревожный гул. «Она... пришла... графиня... срочно... адрес...» — обрывки долетали до сознания, но смысл ускользал.

— Томми! Томми, стой! — Джулиан крепко взял мальчишку за плечи, пытаясь успокоить и остановить этот словесный водопад. — Глубоко вдохни! Выдохни! Повтори медленно. Кто пришёл? Что случилось? —

Томми, широко раскрыв рот, судорожно глотнул воздух, тут же вытаскивая из кармана смятый по сгибам листок бумаги. Тонкая ручка сунула его Джулиану прямо под нос.

— Графиня приходила. — Он сделал ещё один судорожный вдох, стараясь говорить отчётливее, но от волнения всё равно тараторил. — Ждала тебя! Но потом торопливо ушла... вся взволнованная! И дала мне это! — Он ткнул пальцем в листок, который Джулиан машинально взял. — Сказала: «Передай это мистеру Элмвуду. Лично в руки...» — и уехала! — Тут Томми резко замолк. — Графиня улыбнулась мне... немножко... Мистер Элмвуд, она такая красивая! —

Последнего комплимента Джулиан будто и не слышал. Он быстро развернул смятый листок. Глаза мгновенно схватили знакомый размашистый почерк Шерлока Веббера: «*Доки Святой Екатерины. Причал 3.*»

«*Неужели снова!*» — мысль ударила обухом по голове. Всё разочарование от не самого удачного дня мгновенно сменилось ледяной волной тревоги. Перед глазами встал яркий, жуткий образ: Элеонора, ослепительная и неистовая, в пыльной аптеке Торнтон, идущая по следу убийцы. Да, тогда он успел. Но сейчас? Порт. Причал Блэкуоллов. И она там одна! Вновь бросается в самое пекло, движимая ледяной яростью и своей невероятной, пугающей отвагой. Сердце Джулиана сжалось так, что перехватило дыхание. Адреналин, острый и горький, ударил

в кровь. Все его планы, анализы, надежды — всё это мгновенно превратилось в пыль. Одна мысль гвоздём засела в мозгу, заглушая остальное: *«Ни при каких обстоятельствах. Она не должна пострадать. Никогда...»*

— Шустрик, ты молодец! — Его голос прозвучал резко, с непривычной для мальчишки властной ноткой. Не дожидаясь ответа, Джулиан развернулся. Лицо было бледным и решительным, глаза — серо—голубыми лезвиями. Он бежал, стараясь игнорировать то, что каждая секунда промедления рисовала в воображении всё более страшные картины. Он мчался спасти её. Потому что мысль о том, что леди Сент—Клер может оказаться в опасности, была просто невыносима. Лондон, порт, доки — всё слилось в одну цель, к которой он нёсся, забыв обо всём на свете.

Холодный, пропитанный солью воздух доков Святой Екатерины обволакивал Элеонору, словно влажный саван. Она прижалась спиной к шершавой, просмоленной поверхности огромного ящика, пахнувшего дегтем и дальними морями. Тень, отбрасываемая штабелями грузов, была её единственным укрытием. Перед ней, в тусклом свете редких керосиновых фонарей, копошилась группа рослых грузчиков. Их сгорбленные фигуры, похожие на неуклюжих медведей, перетаскивали небольшие ящики. От них исходил странный, едва уловимый, двойственный запах: поверх тонкого аромата черного чая — горьковатого, с нотками сушеных трав — нависала тяжелая, приторно—сладкая вонь. Сердце Элеоноры забилося тревожным гонгом в груди. Она прищурила изумрудные глаза, стараясь разглядеть маркировку. Мысль была острой, как лезвие. Она сделала осторожный шаг вперед, намереваясь сократить дистанцию, подбравшись к ближайшему. Черный бархат сливался с тенями, делая движения бесшумными. И когда все её существо было сосредоточено на цели, случилось неожиданное.

Грубая, сильная рука в замшевой перчатке резко зажала ей рот, заглушив малейший звук прежде, чем он успел сорваться с губ. Другая рука обхватила талию, развернув с неожиданной легкостью. Элеонора инстинктивно напряглась, готовая к удару... Но в следующее мгновение она узнала запах — смесь дорогого мыла, шерсти и едва уловимого химического дыма лаборатории: *«Джулиан!»*

Он прижал юную графиню спиной к уже известному шершавому ящику. Его серо—голубые глаза, расширенные от адреналина и ужаса, впились в бледное лицо, ища подтверждения, что она не ранена. Дыхание мужчины было частым и горячим у нее над ухом. Убедившись, что девушка цела и скорее готова дать ему пощечину, чем лишиться чувств, он ослабил хватку, но не отпустил. Голос мужчины стал низким, хриплым шепотом, в котором смешались ярость, недоумение и леденящий страх:

— Ради всего святого! О чём вы думали, во имя самой королевы! — Прошипел он. Каждое слово было будто выбито зубилом. — Что вы здесь делаете? Вы сошли с ума?!

Элеонора откинула голову. Взгляд, холодный и твердый, как изумруд, встретился с пылающим взглядом сыщика. Она не стала вырываться, понимая опасность шума. Однако оставить без внимания столь грубые вопросы она не могла. Ответ прозвучал тихо, с ледяной, неоспоримой уверенностью:

— Это партия опиумного мака прямиком из Индии для нелегальной поставки в Китай, мистер Элмвуд. Китай — самый крупный экспортёр чая. Он пользуется большим спросом не только в Англии, но и во всей Европе. Однако Китай практически не покупает западные товары, и британцам приходится расплачиваться за чай серебром, что создает серьезный дефицит. Сомневаюсь, что у Блэкуоллов все закупки легальны. Год назад их семья получила разрешение на продажу опиума. Уверена, что часть уходит на покрытие расходов. А чтобы не вызывать подозрений, они маскируют товар под «эксклюзивный» чай. — Она чуть мотнула головой в сторону грузчиков. Джулиан замер. Его пальцы непроизвольно сжали хрупкое плечо.

— Ого... — вырвалось у него шепотом. Он примерно представлял, сколь невероятной была эта женщина, но масштаб предположения был ошеломляющим. — Выходит, Блэкуоллы перевозят опиум в Китай, чтобы покрывать расходы на покупку чая. И чтобы таможня ничего не заподозрила, смешивают его с остатками индийских сортов? Но к чему тогда вся эта история с выставкой, чайницей и убийством сикха? —

— Это нам и предстоит узнать... Скорее всего, убитый связной что-то знал. Это знание и сгубило несчастного. Когда я увидела анализ листьев из вашего платка, то поняла, что только здесь смогу подтвердить свои подозрения. —

Джулиан резко выдохнул. Воздух свистнул у него меж зубов. Его взгляд метнулся от её решительного лица к работающим грузчикам, к зловонным ящикам. Логика Элеоноры была безупречной и пугающей. Он кивнул, коротко и резко. Профессионал в нем взял верх.

— Хорошо. — Его шепот стал жестким, деловым. — Оставайтесь здесь и не шевелитесь. Я попробую взять образец. Если состав листьев совпадет, то Блэкуоллы уже не смогут отрицать, что смерть связного как-то связана с их бизнесом. — Он отпустил графиню, готовясь метнуться к ближайшему неохраняемому ящику.

— Ну уж нет, мистер Элмвуд, — отрезала Элеонора, схватив сыщика за руку. Пальцы в тонкой лайке ощутили напряжение его мышц сквозь шерсть. — Я иду с вами. Кто-то должен прикрыть вас. И если что... — В глазах мелькнуло что-то древнее и опасное. — Я не столь беспомощная барышня. —

Джулиан хотел возразить, но время было дорого. Он сжал губы, кивнул ещё раз, и они, как две тени, начали красться вдоль стены ящиков, используя каждую неровность, каждую кучу мусора как укрытие. Влажный деревянный настил доков под ногами был скользким от морской соли. Запах опиума стал намного гуще. Один из ящиков, чуть в стороне от основной кучи, стоял открытый. Джулиан, пригнувшись, подобрался к нему. Ловкие пальцы, привыкшие к тонкой работе с замками и пробирками, быстро нащупали один из небольших мешочков. Он начал развязывать его, стараясь не шелестеть. Элеонора прикрывала. Изумрудные глаза, как радары, сканировали пространство, следя за спинами грузчиков и темной гладью воды за причалом. Узел поддался. Джулиан осторожно раздвинул грубую ткань, достал новый платок и запустил руку внутрь, захватывая небольшую пригоршню листьев. Но в жуткой, звенящей тишине доков, нарушаемой лишь плеском воды да отдаленными криками чаек, звук рассыпающихся сухих листьев прозвучал оглушительно громко.

— Эй! Кто там?! — раздался грубый окрик из темноты. Фонарь замигал. Сердце Джулиана упало. Он инстинктивно рванулся назад, в тень. Но Элеонора оказалась быстрее. Она схватила его за руку и резко втянула молодого сыщика в узкую щель между двумя гигантскими ящиками, куда едва мог протиснуться луч света. Теперь они оказались зажаты там вдвоем, лицом к лицу, грудь к груди. Джулиан почувствовал, как холодные ткани прижимаются к плащу, как дыхание, учащенное, но бесшумное, обжигает шею. От волнения он вжался в гнилую древесину, стараясь стать невидимкой. В это время шаги тяжелых сапог приблизились. Свет фонаря скользнул по краю их укрытия.

— Что там случилось? — раздался новый голос, куда более холодный, аристократичный, лишенный грубости докера, но от этого ещё более опасный.

Из-за спины грузчика с фонарем вышел молодой мужчина. Это был Эдгар Блэкуолл — младший брат, чье лицо даже в тусклом свете фонаря выдавало примесь восточной крови: смуглая, с бронзовым отливом кожа, чуть раскосые глаза с тяжелыми, нависающими веками, резкие скулы и тонкие, плотно сжатые губы. Свет падал снизу, подчеркивая мрачную складку у рта и делая его похожим на хищную маску. Он был безупречно одет в дорогой, но практичный костюм для верховой езды — черный сюртук, высокие сапоги, на руке замшевая перчатка. В его глазах не было ни удивления, ни тревоги — лишь холодная настороженность и привычное презрение.

— Все в порядке, сэр, — забормотал грузчик, опуская фонарь. — Мы проверяли товар, видимо, кто-то забыл закрыть один из ящиков. С тех пор как Гурдип пропал, никакого порядка. Он бы никогда такого не допустил. Всегда лично осматривал каждую партию перед погрузкой, а теперь — хоть шаром покати. Старшие смены ругаются, не знают, за что хвататься.

Эдгар Блэкуолл медленно повел взглядом вдоль темного угла, где прятались Джулиан и Элеонора. Его взгляд на миг задержался на щели между ящиками дольше, чем следовало бы. Джулиан почувствовал, как по спине девушки пробежала легкая дрожь — не страха, а яростного напряжения. Сам он затаил дыхание.

— Гурдип, — произнес Эдгар ледяным, ровным тоном, в котором не было ни сожаления, ни гнева, только холодная констатация факта. — Гурдип совал свой нос туда, куда не следовало. И заплатил за это. Запомните, — он резко повернулся к грузчику, и тот инстинктивно отшатнулся, — если вы хотите сохранить свои места и, что важнее, свои головы, вы будете работать вдвое аккуратнее. Никакой небрежности. Никаких лишних вопросов. Продолжайте разгрузку и смотрите в оба. Ясно? —

— Так точно, сэр... — пробормотал докер, опуская глаза. Его руки заметно дрожали, когда он поднимал фонарь.

— И запомните, — добавил Эдгар, уже отворачиваясь, — Гурдипа больше нет. Его обязанности отныне распределены между вами. Если кто-то ещё решит, что может лезть не в свои дела... — он не закончил, лишь многозначительно посмотрел на тонкую гладь воды. — Работайте. —

Он бросил ещё один пронзительный взгляд в темноту, туда, где прятались беглецы, и развернулся. Каблуки его высоких сапог четко отстучали по деревянному настилу, удаляясь в сторону складов. Грузчик, тяжело вздохнув, вытер пот со лба и поспешил к остальным, бормоча себе под нос проклятия.

Тем временем, в тесной щели между ящиками, Элеонора была буквально пригвождена к влажной древесине. Джулиан, вжатый в нее всем телом, чтобы не выдать их присутствия, чувствовал каждую линию хрупкого тела сквозь слои ткани. Грудь девушки высоко вздымалась. Его ладонь была нечаянно прижата к тонким ребрам. Запах духов — холодная лаванда и что-то древесное — смешивался с сыростью доков и его собственным запахом. От этого невероятного стечения обстоятельств, от этой невыносимой близости к «Мраморной Сирене» в самом центре опасности, сердце Джулиана бешено колотилось, как барабанная дробь. Гулкий ритм, казалось, заполнил все пространство, эхом отдаваясь в его собственных ушах.

— Кажется... ушли... — наконец прошептала Элеонора. Она осторожно попыталась отодвинуться, давая ему пространство. Джулиан отпрянул, как обожженный. Его лицо пылало. — Вы... вы успели взять образец? — Изумрудные глаза в полумраке сверкали лихорадочным блеском. В них не было и тени смущения, только сосредоточенность на деле.

— Да, — выдохнул соучастник кражи, пытаясь совладать с дрожью в руках. Джулиан сунул руку в карман жилета и достал свой новенький платок темно-синего цвета. Внутри лежала приличная горсть темно-зеленых чайных листьев странного, скрученного вида.

— Отлично, — на губах Элеоноры мелькнуло подобие торжествующей улыбки. — Тогда немедленно в лабораторию. Надеюсь, анализ всё подтвердит. — Глаза леди горели холодным огнем торжества.

— Нет! — Джулиан покачал головой. Его голос снова обрел твердость, смешанную с заботой. — Сейчас в конторе все закрыто, а шеф... — Мужчина безбожно лгал, но лишь затем, чтобы скрыть собственное волнение, вызванное их близостью, — вряд ли обрадуется ночному визиту. И вам, леди Элеонора, необходимо домой. Уверен, ваши слуги уже вызвали полк гвардейцев на поиски. Вы вновь неоправданно рисковали, и... — он запнулся, — ...и напугали меня до полусмерти. —

— Ох... — Легкая тень досады скользнула по лицу графини. Она опустила глаза на пыльный настил доков. Хотелось спорить, настаивать, но усталость, холод и осознание того, как близко они были к провалу (и как сильно она действительно напугала Джулиана), заставили её отступить. — Вы правы, мистер Элмвуд. — Голос звучал тихо, почти смиренно. — Я... пожалуй, переборщила. —

Джулиан почувствовал странное облегчение: — Завтра наша контора должна присутствовать на закрытии выставки в Хрустальном дворце. После же я планировал нанести визит Генри Блэкуоллу. — Пара медленно шла вдоль темных штабелей к выходу из зоны погрузки. — Обещаю, что обязательно пришлю полный анализ этого чая... — в его голосе зазвучала легкая, снявшая напряжение шутливость, — как только получу результат. —

Элеонора подняла на него взгляд. Тень улыбки снова тронула её губы: — Благодарю вас, мистер Элмвуд.

Наслаждаясь этой редкой, почти теплой улыбкой и сознанием того, что они, наконец, попали на след, Джулиан проводил леди Элеонору Сент—Клер до её мрачного особняка «Черная Магнолия», где у ворот их уже ждала бледная от волнения Кора. В эти скромные минуты Джулиан поймал себя на мысли, что рядом с этой девушкой лондонская ночь, окутанная смогом, показалась ему чуть менее враждебной. А сердце все ещё отбивало странную, счастливую дробь.

Тяжелая дубовая дверь поместья закрылась за Элеонорой с глухим, окончательным стуком, отсекая холодный ночной воздух, запах Темзы и — его присутствие. В холле, освещённом лишь одиноким газовым рожком, воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем огромных часов. Кора уже скользнула куда—то в глубь дома, чтобы приготовить чай и проследить за порядком. Элеонора осталась одна.

Она медленно подняла руку. В пальцах, сжатых так сильно, что побелели костяшки, комкался темно—синий мужской платок — тот самый, из тончайшего батиста, который Джулиан достал, чтобы собрать образцы чайных листьев в доке. Она стащила его незаметно, в той суматохе, когда они выбирались из укрытия. Всего одно быстрое, ловкое движение — и платок переключался в её ладонь, зажатый складками черного бархата.

Сердце кольнуло острой, непривычной болью — совестью. «*Что за ребячество, — подумала она с досадой, — воровать у человека платок, как уличная воровка...*» Но в руке, в маленьком плотном узелке, лежали те самые чайные листья — образцы, которые могли стать ключом к разгадке, опиумного следа Блэкуоллов. Она не могла ждать, пока Джулиан вернется в свою лабораторию, пока проведет анализы, пока отправит посыльного. Время поджимало, а в её собственной секретной лаборатории в подвале «Черной Магнолии» были реактивы и микроскоп не хуже, чем у него. Возможно, даже точнее.

«*Прости, Джулиан, — мысленно произнесла она, глядя на смятую ткань, на которой остались невидимые ей, но такие знакомые следы его пальцев, его дыхания. — Прости за эту маленькую кражу. Я верну тебе платок... когда закончу. И, возможно, вместе с ним — ответы, которые ускорят наше дело.*» Она вздохнула, глубоко и почти беззвучно. Чувство вины было непривычным, почти чуждым её ледяной натуре, но сейчас оно почему—то казалось правильным — живым, человеческим.

Она разжала пальцы, расправила платок, аккуратно переложила чай в металлическую коробочку. Темно—синий батист, все ещё хранивший легкий аромат его одеколона и химических реактивов, она сложила и спрятала в потайной карман платья. «Ненадолго», — пообещала себе Элеонора, поднимаясь по лестнице в подвал, где в тишине и полумраке её ждали пробирки, горелки и жажда правды

Гайд—парк. Хрустальный дворец. 15 октября 1851 год.

Раннее утро выдалось для команды Веббера на редкость напряженным. Воздух внутри Хрустального дворца был холодным и прозрачным, как горный ручей. Огромные простран-

ства, залитые сероватым светом, казались пустынным храмом, где вместо алтаря возвышались укутанные в брезент экспонаты. Их причудливые очертания отбрасывали длинные, фантастические тени на мозаичный пол.

Ещё до того, как первые лучи солнца коснулись хрупких вершушек стеклянных арок, часть людей Веббера вместе с охраной и организационным комитетом начали проверку экспозиций. Остальные заняли заранее отведенные им места. Они были повсюду: притворялись сонными уборщиками, рабочими, спящими по лесам, ворчливыми охранниками в нишах у запасных выходов. Все было проверено до мельчайших подробностей — ни одной незакрытой двери, ни одного подозрительного шороха. Периметр казался неприступным.

Джулиан Элмвуд, облаченный в неприметную рабочую куртку и кепку, слился с толпой немногочисленных служащих, допущенных для последних приготовлений по закрытию. Сколачивая ящики с небольшими и менее ценными вещами, он не спускал глаз с узкой двери служебного коридора, которая, по всем данным, вела к временному хранилищу, где до последнего момента находились самые ценные экспонаты, включая легендарный алмаз «Кохинур». Официально сегодня дворец был закрыт для посетителей, но Джулиан помнил слова начальника: сегодня что-то должно случиться.

Внезапно дверь бесшумно приоткрылась. Из нее, стараясь держаться в тени, вышел мужчина в форме младшего смотрителя. С первого взгляда он казался совершенно невзрачным — серая мышь среди серых стен. Однако опытный глаз заметил несколько подозрительных деталей. Походка — легкая, словно скользящая, будто он старался идти как можно тише. На плече — небольшая сумка.

Сердце сыщика дало сигнал тревоги. Не говоря ни слова, он бесшумно положил молоток и последовал за незнакомцем. Церемония закрытия началась, но Джулиану было не до неё. Размеренный голос распорядителя, провозглашавший начало выноса экспонатов, доносился откуда-то издалека, словно сквозь толщу воды. Охота началась!

Незнакомец двигался с неестественной для смотрителя ловкостью. Он не шел — он струился между ящиками, используя каждую неровность пола, каждый выступ колонны как укрытие. Джулиан не отставал, держась на безопасном расстоянии, но не спуская с цели глаз. Они миновали галерею машин, где застывшие паровые молоты и ткацкие станки отбрасывали зловеющие перекрестья теней. Воздух здесь был густым от запаха машинного масла и ржавого металла. Шаги незнакомца, казалось, не издавали ни звука. И в этот момент ботинки Джулиана предательски скрипнули.

Незнакомец резко обернулся. На одно мгновение Джулиан успел разглядеть бесстрастное лицо с глубокими тенями под глазами — лицо человека, который привык уходить от погони. Затем беглец рванул вперед, с силой толкнув стоявший у стены высокий стеллаж с хрупкими стеклянными колпаками. Конструкция зашаталась. Джулиан едва успел пригнуться, как первый колпак сорвался с верхней полки и разбился о мраморный пол в дюйме от его плеча, взметнув облако осколков.

— Чёрт! — выдохнул сыщик, прикрывая лицо рукой.

Следом посыпались остальные: сначала один, затем второй, третий. Воздух наполнился звоном бьющегося стекла и глухим стуком деревянных подставок. Джулиан рванул вперед, перепрыгивая через разбитые экспонаты и уворачиваясь от падающего сверху тяжелого фонаря, который рухнул прямо на то место, где он только что стоял, выбив фонтан искр.

Незнакомец ускорился. Бежал прочь не оборачиваясь. Его фигура мелькала в проемах дверей, за поворотами, становясь то четкой, то расплывчатой, как призрак. Джулиан рванул вперед, понимая, что сейчас или никогда. Адреналин горячей волной разлился по венам, обостряя все чувства. Начались запутанные служебные коридоры — лабиринт, где эхо шагов множилось, отражаясь от голых кирпичных стен. Где-то капала вода, пахло сыростью и затх-

лостью. Тени здесь были густыми, как чернила, и в любой момент из них мог вынырнуть нож или кулак. Джулиан слышал собственное дыхание — ровное, несмотря на бег.

Внезапно незнакомец, пробегая мимо подвесной лестницы, ведущей на верхние галереи, дернул за страховочный трос. Тяжелая деревянная лестница со скрежетом сорвалась с креплений и рухнула прямо поперек коридора, преграждая путь. Джулиан чудом успел проскочить под ней в последнее мгновение — лестница задела его кепку и сбила ее, но он даже не остановился.

— Стой, мерзавец! — Крикнул он, хотя голос утонул в грохоте падающего инструмента, который посыпался сверху. Беглец, не оборачиваясь, запустил в преследователя тяжелой деревянной киянкой. Инструмент просвистел у самого виска Джулиана и с треском расколол кафельную плитку на стене. Сыщик перекатился через рассыпанные гвозди, обдирая ладони, и продолжил преследование.

Они выскочили в пустующий выставочный зал для сельскохозяйственных орудий. Гигантские косилки и веялки, укрытые брезентом, напоминали спящих доисторических зверей. Незнакомец, словно споткнувшись, резко вильнул в сторону, но Джулиан уже сократил разрыв до минимума.

— А ну стоять! — рывкнул сыщик, хватая беглеца за плечо. Незнакомец мгновенно развернулся. Его правая рука взметнулась вверх, и в тусклом свете блеснуло длинное узкое лезвие. Джулиан успел отшатнуться, но клинок пропорол рукав его куртки, не задев кожи.

— Ты пожалеешь, что сунулся, парень, — прошипел вор низким, ледяным голосом. Вместо ответа Джулиан сделал резкий выпад вперед, захватывая запястье вооруженной руки противника. Они сцепились, кружась на месте. Беглец оказался сильнее, чем казался, — его мышцы бугрились под форменной курткой. Он попытался ударить сыщика головой в переносицу, но Джулиан вовремя отклонился, и удар пришелся в скулу — из глаз посыпались искры.

— Умрёшь здесь, и никто не найдёт, — прохрипел вор, наваливаясь всем телом. Джулиан, чувствуя, что проигрывает в чистой силе, сделал то, чему научился на грязных улочках Лондона. Он резко опустил центр тяжести и с силой наступил ботинком на незащищенную стопу противника. Тот взвыл от боли и на мгновение ослабил хватку. Этого хватило, чтобы вывернуть руку вора, заставляя его выронить нож, и одновременно, со всей силы, толкнуть его на ближайший укрытый брезентом комбайн. Брезент соскользнул с металлических зубьев, и незнакомец с глухим стоном впечатался спиной в острые детали. Он заскользил вниз, оставляя на ткани темные пятна, но, проявив нечеловеческую волю, оттолкнулся ногой от колеса и снова рванул прочь, прихрамывая и держась за бок.

Джулиан сделал отчаянный рывок, и его пальцы вцепились в лямку холщовой сумки, висевшей на плече беглеца. Незнакомец дернулся, пытаясь вырваться, раздался звук рвущейся ткани. Джулиан упал, сумка осталась в его руках. Сам же похититель, не сбавляя скорости, исчез за поворотом, ведущим к черному ходу для вывоза мусора. Секунда — и от пыла погони осталась только звонкая тишина, нарушаемая тяжелым, рваным дыханием сыщика. Он поднялся на ноги, потирая ушибленную скулу, из разбитой губы тянулась тонкая ниточка крови. Ладони саднили от содранной кожи. Преследование сорвалось, но в его руках была добыча поважнее. Сумка оказалась неожиданно тяжелой. Внутри что-то глухо стукнуло. Джулиан огляделся, убедился, что он один, и осторожно, насколько позволяли обстоятельства, заглянул внутрь. И замер. В глубине грубого холста покоилась чайница Блэкуоллов. Джулиан нахмурился: *«Какого чёрта?»*

Флит—стрит, 17. Контора Веббера: Консультанты по деликатным вопросам. 16 октября 1851 год.

В уютной, хоть и заставленной приборами лаборатории, под неодобрительным взглядом доктора Ливии Пендлтон, которая с явным пренебрежением изучала его беглый «сувенир» и одобрительное хмыканье Веббера, Джулиан наконец открыл чайницу. Он готовился к чему

удовно, но только не к этому. Внутри лежали небольшие бархатные мешочки с чаем. Обычный, хоть и высокосортный чай. Скорее всего это образцы того сама чая, о котором говорила миссис Томенстон. Хозяйка «Изумрудного Сада» назвала его «Голубой туман с Горы Феникс»

— Выходит, комитет беспокоился зря. Кроме твоего странного забега по Хрустальному дворцу, который чуть не стоили нам лучших экспонатов, незнакомец ничего не взял. — Веббер многозначительно поправил свои пышные усы.

— Но, что чайница делала на выставке? Блэкуоллы выставили её в «Изумрудном Саду», а после инцидента сразу же забрали. Нет! Очевидно, что есть причина, по которой вору понадобилась вещь, которой даже не должно было быть в этом зале. — Загадка века. Джулиан искренне недоумевал, чувствуя, как это непривычное ему чувство смешивается с растущим разочарованием. Мысли путались. Рядом послышался тяжелый вздох Шерлока Веббера. Начальник искренне сочувствовал молодому сыщику.

— Не волнуйся, мальчик мой. Ты смог вернуть ценную вещь. Блэкуоллы не оставят это без должного внимания. — Шеф подошел чуть ближе и подбадривающе похлопал Джулиана по плечу. — Хотя признаюсь, тоже ожидал увидеть нечто ценное. —

— Уже не знаю, чему радоваться, шеф. — Ответил Джулиан, все ещё глядя на пустую чайницу с видом человека, который только что осознал, что выиграл в лотерею булавку. — Надо вернуть эту шкатулку законному владельцу, пока снова её не украли... —

— Если только мисс Пендлтон не решит, что внутри скрывается новый штамм холеры. — Хохотнул Веббер.

Доктор Пендлтон, не поднимая глаз от лорнета, холодно отчеканила: — Если коллеги намерены и впредь приносить в лабораторию предметы, побывавшие в руках сомнительных личностей, предупреждаю: следующий образец я отправлю на карантин вместе с вами. —

Веббер хмыкнул, пряча улыбку в усы: — Не говори так, Ливия. Даже ты не можешь быть настолько жестокой. — После чего потер переносицу, сжимая губы в тонкую линию. Однако от работников конторы не скрылись пляшущие чертики. — Что ж, давай устроим тебе встречу с живыми Блэкуоллами, а не с их призрачным чаем. —

Улице Мэйфэра. Гросвенор—сквер, 12. Особняк Блэкуоллов. 17 октября 1851 год.

На следующий день Джулиан отправился в особняк Блэкуоллов на тихой, респектабельной улице Мэйфэра. Дом чайных магнатов дышал солидным, вековым благополучием. Каждый кирпич цвета старого золота, каждый резной дубовый косяк, каждая завитушка кованой решетки, каждый аккуратно подстриженный куст тиса в палисаднике говорили о хороших деньгах, безупречном вкусе и традициях, передаваемых из поколения в поколение. Контраст между этим миром упорядоченной роскоши и грубым хаосом в доках Святой Екатерины был разительным.

Джулиана провели в кабинет Генри Блэкуолла. Комната была обставлена с холодным достоинством: стены из темного, почти черного дуба, тяжелые портьеры цвета запекшейся крови, библиотека, полная фолиантов по чаеводству и восточному искусству. Сам Генри, бледный и с подчеркнутыми, синими тенями под глазами, встретил гостя стоя у рабочего стола.

В первую их встречу Джулиан решил, что лицо молодого главы непроницаемое и уверенное. Однако сейчас оно выдавало лишь сильнейшее нервное напряжение. Пальцы, сжимавшие край каминной полки, побелели.

— Мистер Элмвуд, — произнес он глухо, без обычного светского приветствия. — Вы нашли чайницу. Я в неоплатном долгу перед вами и мистером Веббером. —

Джулиан, слегка опешив от такого прямого признания, поставил холщовую сумку на дубовый стол. — Вы знали, что она пропала? — Спросил сыщик, не сводя с Блэкуолла пристального взгляда.

— Лучше скажите, где вы её нашли, — вздохнул Генри, проводя дрожащей рукой по лицу. — Она исчезла прямо из нашего хранилища. Мы ослабили бдительность, так как несколько дней назад начали подготовку к новой экспедиции. Хотели взять с собой несколько экспонатов, включая чайницу. —

— Разрешите пожелать успехов в предстоящих начинаниях. Однако мне не ясно, как ваши ценности оказались в Хрустальном дворце? —

— Ох, это несложно объяснить. Дело в том, что мы не столь выдающиеся знатоки восточных ценностей, как наш отец. Поэтому я решил некоторые из экспонатов показать сэру Генри Коулу. — Собеседник на секунду замолчал. — Мы... мы были в отчаянии. Эта реликвия должна была стать сердцем нашей коллекции. —

— Но чайница исчезла до того, как вы передали ценности мистеру Коулу? — спросил Джулиан, чувствуя, как его собственные подозрения начинают нервно ерзать. — И вы не обратились в соответствующие службы? —

— Мы только вернулись в Англию. Не хотелось, едва вернувшись, угодить в скандал, мистер Элмвуд. Только представьте, что бы началось в газетах? «Короли чая не могут уследить за собственными сокровищами»? Это конец репутации. Поэтому мы и решили начать поиски самостоятельно. И вот, вы принесли её нам. — Он с искренней, щемящей благодарностью посмотрел на мешок. — Так где же вы её обнаружили? —

— Мне кажется, вы удивитесь. У таинственного вора, который проник в Хрустальный дворец — ответил Джулиан, внимательно следя за реакцией хозяина. — Он притворился смотрителем. Нам удалось отобрать сумку, но сам преступник скрылся. —

Генри Блэкуолл побледнел ещё сильнее. Он замер на мгновение. И тут в кабинет зашел Эдгар.

— Не удивляйтесь растерянности моего брата, мистер Элмвуд. Чайница была у меня, о чем он не знал. После я отнес её вместе с другими экспонатами из коллекции в Хрустальный дворец. —

— Вот как... — Джулиан кивнул младшему Блэкуоллу. Разговор тут же подхватил Генри.

— И всё же... Сначала странная смерть Гурдипа. После попытка похищения чайницы... неужели появился кто-то, кто желает навредить нашей семье? —

— Не волнуйтесь, мистер Блэкуолл, мы постараемся это выяснить, — Джулиан выложил на стол драгоценную чайницу. Генри, облегченно вздохнув, подошел к столу и с благоговением взял святыню в руки.

— Спасибо вам, мистер Элмвуд, — произнес он с искренней, глубокой признательностью. — Мы начинаем подготовку к новой большой экспедиции в Индию. Чайница отправится с нами в новое путешествие. Вы не представляете, что для нас значит её возвращение. —

Джулиан лишь молча кивнул. Он попрощался и вышел на залитую полуденным солнцем улицу Мэйфэра. Но чувство триумфа не наступило. Наоборот, его сменила гнетущая, леденящая пустота. Он отчетливо понимал, что-то во всей этой истории было не так. Какая-то деталь, какой-то крошечный пазл не вставал на место. Слишком гладко все закончилось. Слишком чисто. В этом деле, с его призрачным чаем, смертью сикха и таинственным вором, было нечто большее. Нечто, что ускользало от него, прячась в тени, как тот неизвестный «работник» в лабиринтах Хрустального дворца.

Запах заваренного чая, доносившийся из открытых окон кондитерской, показался ему вдруг на удивление горьким. Смог над Лондоном сгустился, предвещая непогоду. И на душе у сыщика было так же пасмурно, как на этом сером, прокопченном небе.

Когда сыщик ушел, Генри подошел к окну. Эдгар молча наблюдал за братом, стоя в тени портьеры.

— Ты вовремя пришел, Эдгар, — голос старшего брата был ровным. В нем проснулась сталь, затаившаяся под бархатом. Он не обернулся к брату, продолжая смотреть в окно на серую улицу.

— Наш горе—сыщик ушел? — Спросил Эдгар тоном приправленным циничной усмешкой.

— Он вернул нам чайницу, — ответил Генри на выпад брата и медленно повернулся. Его лицо в полумраке казалось высеченным из мрамора. — Этого юношу не стоит недооценивать. Он рыщет там, где не нужно, и чует кровь быстрее, чем мы думали. —

— Ох, неужели? — Эдгар позволил себе короткую, ледяную улыбку. — Я думал, он занят тем, что путается под ногами у своей траурной вдовушки. Чай, прогулки по докам... У него нет ни времени, ни ума, чтобы копать глубже. —

— Эдгар... — Генри шагнул вперед. В кабинете резко похолодало. — Скажи мне. И скажи честно, пока я не спросил по—другому. Ко всем последним событиям — к пропаже чайницы, к смерти Гурдипа, к этому вору во дворце — ты имеешь какое—то отношение? —

Тишина стала вязкой, как смола. Эдгар выдержал взгляд брата несколько долгих секунд. На его губах застыла полуулыбка — не теплая, не живая, а та, что бывает у статуй Будды перед тем, как они обрушатся на грешников.

— Не волнуйся, брат, — произнес он наконец, и каждое слово падало в тишину, как капля ледяной воды на раскаленный камень. — Всему свое время. Чай должен настояться. —

Эдгар бесшумно развернулся и вышел, не закрыв за собой дверь. Сквозняк колыхнул тяжелые портьеры цвета запекшейся крови. Генри остался стоять, глядя вслед брату. В глубине души он понимал: короткая фраза, брошенная Эдгаром, лишь сильнее разожгла тревогу в сердце старшего Блэкуолла. Теперь он знал наверняка — кошмар только начинался.

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 8 ноября 1851 год.

Кабинет графини Монтегю утонул в сгущающихся сумерках. Единственная настольная лампа под черным шелковым абажуром отбрасывала на стены причудливые тени, делая и без того мрачное убранство похожим на декорации к трагедии. Элеонора, забыв о гордой осанке, мерила шагами персидский ковер — от готического письменного стола до камина, где догорали поленья, и обратно. Ее черное платье из тяжелого бархата с тихим шелестом скользило по полу.

На столе, придавленная серебряным пресс—папье в виде химеры, лежала свежая «Таймс». Заголовок на первой полосе кричал, как базарный зазывала: *«Блэкуоллы готовят новую экспедицию в Пенджаб! Слухи о сокровищах и тайнах Востока вновь будоражат Лондон»*.

Пальцы Элеоноры, тонкие и белые как мрамор, сжались в кулак.

— Слишком гладко, — прошептала она, останавливаясь у запотевшего окна. — Слишком чисто. Гурдип мертв, чайница возвращена, а они... они просто уплывают, как ни в чем не бывало. —

Зрачки её изумрудных глаз сузились. Душа разрывалась на части. Холодный голос разума шептал: *«Ты ничего не докажешь. Улики косвенны. Отпусти»*. Но другое, более древнее чутье — то, что когда—то спасло ей жизнь в темных переулках Блумсбери, — кричало: *«Они что —то скрывают. Смерть Гурдипа — лишь верхушка айсберга, причалившего к докам Святой Екатерины»*.

Она вспомнила лицо убитого сикха — не просто посыльного, а человека, который *знал*. Знал слишком много и поплатился за это. Теперь Блэкуоллы торопились покинуть Англию, словно за ними уже захлопывались двери темницы.

Резкий, условный стук в дверь нарушил тишину.

— Войдите, — голос графини прозвучал хриловато от напряжения, которого она уже не пыталась скрыть.

В кабинет бесшумно скользнула Кора. На серебряном подносе, который она держала лежал конверт из плотной, дорогой бумаги. Сургучная печать с изображением стилизованной чайной ветви зловеще алел в свете лампы, как капля запекшейся крови.

— Кора, оставь нас, — бросила Элеонора, беря письмо. Ее пальцы дрожали, пока она разламывала сургуч и усаживалась в кресло. Внутри оказался всего один лист. Взгляд побегал по коротким, рубленным фразам. Содержание явно взволновало получательницу, заставив сердце пропустить удар. — Нужно остановить экспедицию! — Девушка резко встала, опрокинув кресло. Оно с глухим стуком упало на ковер, но хозяйка не обратила на это внимания, так как все её мысли были уже далеко. Кора, немая свидетельница этого внезапного порыва, застыла с подносом в руках. В глазах читался немой, отчаянный вопрос: «Одна? Опасно!». Однако Элеонора уже накинула на плечи тяжелый черный плащ с капюшоном, превращавший её в тень. Так, не сказав больше ни слова, она выбежала из дома, оставив слуг в полном, гнетущем недоумении.

Судно «Восточная звезда», доки Святой Екатерины. 8 ноября 1851 год. Сумерки.

Порт встретил ее запахом гниющей древесины, мазута и соленой, холодной воды, перемешанным с едким туманом, ползущим с Темзы. Фонари горели тускло, их свет тонул в сырой мгле. Среди безмолвных, похожих на скелеты кранов и штабелей ящиков высился единственный корабль — «Восточная звезда». Ее черный корпус, освещенный редкими сигнальными огнями, казался притаившимся чудовищем.

Элеонора, закутанная в плащ так, что видны были только ее сверкающие в полутьме глаза, бесшумно ступала по скользким от водорослей доскам причала.

— Вы заблудились, миледи? — грубый голос окликнул из тени. Рабочий в промасленной куртке, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, с подозрением уставился на девушку.

— У меня назначена встреча с мистером Блэкуоллом, — ровно, не допускающим возражений тоном, ответила графиня. — Он здесь? —

— Сэр Генри сегодня не будет, — хмыкнул рабочий, сплюнув на землю. — А вот сэр Эдгар... скоро должен прибыть. — Глаза его скользнули по хрупкой фигуре, оценивая скрытое под платьем богатство, но в итоге он лишь пожал плечами. — Можете подождать наверху, в каютах. Там теплее.

— Благодарю. — Она поднялась по трапу, стараясь ступать как можно тише. Древесина жалобно скрипела под тяжестью бархата. Смотритель, махнув рукой на странную гостью, тут же потерял к ней всякий интерес и вернулся к своим обязанностям — благо, погрузка была в самом разгаре. Элеонора без труда нашла каюту Эдгара Блэкуолла. Дверь была не заперта. Слишком самоуверенно. Или слишком отчаянно. Она скользнула внутрь, тихо притворив за собой створку.

Каюта была выдержана в аскетичном, почти спартанском стиле: койка, застеленная серым одеялом, письменный стол с парой книг, карта побережья Индии на стене и... небольшая стеклянная витрина на почетном месте. Внутри нее, на черной бархатной подушке, покоилась чайница — та самая, с перламутровыми узорами, что была в «Изумрудном Саду». Воздух в каюте был тяжелым, пропитанным запахом дорогого табака, пота и чего-то едва уловимого, металлического. «Запах крови?» — мелькнула мысль, но Элеонора быстро отбросила её.

Время поджимало. Нужно было действовать быстро. Она подошла к витрине. Пальцы, ловкие и натренированные годами игры на фортепиано и — более мрачным ремеслом — вскрытием конвертов и тайных шкатулок, легко открыли хрупкий замок. Чайница была теплой на ощупь. Элеонора осторожно взяла вещь в руки, провела кончиками пальцев по холодной инкрустации, ощупывая каждый шов, каждую неровность. Где-то внизу, в трюме, гулко ударила подвеска крана. Элеонора вздрогнула, но не отвела взгляда от чайницы. И тут пальцы

нащупали едва заметный зазор у основания. Едва слышный *щелчок* — и гладкая стенка отъехала в сторону, открыв узкое, потайное отделение.

На дне лежал небольшой бархатный мешочек — пурпурный, с вышитой серебряной нитью звездой. Сердце Элеоноры забилося так сильно, что, казалось, его стук вот—вот выдаст её. Она вынула мешочек, развязала шелковый шнурок и... замерла. На ладони, впитывая скудный свет, переливалась «Гора Света». Легендарный алмаз. Даже в полутьме каюты он жил своей зловещей, внутренней жизнью, отбрасывая на стены призрачные, кровавые блики. Он был не просто красив. Он был тяжел. Не физически — метафизически. В нем, как в капле смолы, застыли проклятия, предательства и смерть империй.

— Браво, графиня! —

Резкий, издевательский голос заставил её вздрогнуть. Камень едва не выскользнул из ослабевших пальцев. Элеонора резко обернулась.

В дверях, опираясь плечом о косяк и поигрывая тонким кинжалом с гравированной рукоятью, стоял Эдгар Блэкуолл. Его светлые волосы были растрепаны, глаза — безумно блестящие, а на губах играла та самая пугающая, пустая улыбка, от которой у Элеоноры по спине пробежал холодок.

— Я восхищен вашей находчивостью, — продолжил он, не двигаясь с места. — И смелостью. Или это безрассудство? Вы обнаружили мой маленький секрет. —

— Похищение сокровища короны, — ровно, стараясь не показывать страха, произнесла Элеонора, сжимая мешочек с алмазом, — для вас лишь *маленький* секрет? Вы слишком скромны, сэр Эдгар. —

— О, этот камень, — он кивнул на её руку, — воодушевит униженный и разбитый народ Сикхской империи. Знать Пенджаба, увидев «Гору Света», поднимет восстание. Мы сметем англичан с нашей земли, как грязь с сапог. Мы восстановим независимость! — Голос мужчины звенел. В нем слышались ноты дикого, фанатичного восторга.

— При том, что *вашей* истинной родиной является Англия? — Тихо спросила Элеонора. — Ваш прадед, Солмон Блэкуолл, поклялся в верности британской короне. Вы родились в Лондоне. Вы учились в Оксфорде. Для кого вы — герой, и для кого — предатель? —

Эдгар громко, надрывно рассмеялся. Смех его был похож на лай раненого пса.

— Истинной родиной? — Лицо Блэкуолла исказила гримаса ненависти. — Как родиной может стать место, где на тебя смотрят с отвращением из—за жалкой капли сикхской крови?! Где ты вынужден из раза в раз доказывать этим чопорным толстосумам, что достоин своего высокородного места?! Они позволяют нам богатеть, пока мы торгуем чаем и опиумом. Но сесть с нами за один стол? Выдать за нас дочь? Никогда! —

— Ваш старший брат, — перебила его Элеонора, чувствуя, как время истекает, — совсем недавно стал главой семьи. Вы готовы поставить под угрозу его честь, его репутацию, даже жизнь ради этого... безумия? —

Упоминание о брате подействовало как удар хлыста. Эдгар замер. Улыбка сползла с его лица, обнажив на миг растерянность и... боль.

— Генри... — прошептал он, и голос предательски дрогнул. — Увы, и он прогнулся под мерзким смрадом лондонской элиты. Он стал таким же, как они. Но ничего. Мы всегда были вместе, даже если не понимали друг друга. А значит, однажды я смогу убедить его. — Взгляд собеседника снова стал жестким, а в голосе зазвучала сталь. — А вас к этому моменту уже будут поедать черви. —

Одним стремительным, отточенным движением Эдгар выхватил из ножен длинный, тонкий кинжал. Лезвие тускло блеснуло в свете корабельного фонаря.

«*Им ты ударил Гурдина?*» — нестати, с леденящей ясностью, мелькнуло в голове Элеоноры. Она отступила на шаг, крепче прижимая к груди чайницу с алмазом. Противник надви-

гался, загораживая единственный выход. Но в тот самый миг, когда Эдгар занес кинжал для удара, дверь в каюту с грохотом распахнулась.

— Стоять! — Рывкнул знакомый, до боли родной голос.

На пороге, сжимая в руке револьвер, стоял Джулиан Элмвуд. За его спиной теснились двое крепких мужчин в штатском, но с цепкими взглядами полицейских ищек. Они оценили ситуацию мгновенно: секунда — и Эдгар, ещё не успевший опомниться, был скручен. Кинжал со звоном покатился по полу. Джулиан перевел взгляд с поверженного врага на Элеонору. В его серо-голубых глазах смешались ярость, облегчение и немой укор: «Опять?! Одна?!». Но он сдержался, понимая, что сейчас не время. А графиня, быстро придя в себя, ловко спрятала чайницу с алмазом за спину, скрыв её в складках тяжелого плаща.

— Эдгар Блэкуолл! — Голос Джулиана зазвенел в тесной каюте. — Вы арестованы по обвинению в убийстве Гурдипа Сингха, контрабандной перевозке опиумного чая с целью сокрытия нелегальных финансовых потоков, проникновении в Хрустальный дворец и... — он сделал паузу, многозначительно взглянув на Элеонору, — попытке похищения сокровища Британской Короны — алмаза «Кохинур». —

— У вас нет доказательств! — прошипел Эдгар, извиваясь в руках констеблей, но его голос уже сорвался на фальцет отчаяния.

— Есть, Эдгар, — раздался из-за спины Джулиана тихий, полный боли голос.

Из тени шагнул Генри Блэкуолл. Он был бледен, как полотно, под глазами залегли глубокие тени, а в твердой, обычно непроницаемой фигуре чувствовалась зыбкая дрожь. Молодой глава рода, недавно возложивший на себя бремя семейной чести, смотрел на своего младшего брата. В его взгляде читалась агония, которую невозможно передать словами.

— Ты... предал меня? — Прошептал Эдгар, не веря своим глазам. Ярость в его лице сменилась искренним, детским изумлением.

— Это был единственный способ остановить тебя, — ответил Генри. Его голос прерывался, но он смотрел брату прямо в глаза. — Пока ты не убил кого-то ещё. Пока не разрушил себя... и всех нас. Прости, брат мой. —

Повисло тяжелое, звенящее молчание. Даже констебли замерли, чувствуя неловкость от вторжения в чужую, трагическую семейную драму. Джулиан, не нарушая мрачной торжественности момента, резко качнул головой в сторону выхода.

— Уводите, — коротко бросил он.

Констебли, не проронив ни слова, вывели Эдгара из каюты. Его шаги гулко отдавались по деревянному полу, а затем стихли. Генри закрыл глаза. Его ресницы дрогнули, словно он переносил невыносимую боль. Он открыл их, лишь когда дверь за братом закрылась с глухим, окончательным щелчком.

— Прощай, брат мой... — прошептал он в пустоту.

Элеонора, все это время стоявшая неподвижно, чувствовала, как что-то сжимается у нее в груди. Она, как никто другой, знала, что значит терять самое дорогое в жизни. И пусть цена была чудовищна, она понимала: Генри поступил как истинный глава семьи — не по закону крови, а по закону чести.

— Прошу прощения, графиня, — Генри повернулся к ней, и его голос, наконец, обрел твердость. — Я должен был решиться на это раньше. Вы могли серьезно пострадать. Я... я не нахожу слов. —

— Вам не за что просить прощения, — тихо ответила Элеонора. Она вышла из тени, все ещё держа за спиной чайницу. — Речь шла о вашем брате. Люди часто готовы действовать безрассудно... и даже закрывать глаза на правду — во благо своей семьи. Вы же... вы поступили как настоящий глава рода. Вы спасли его. От него самого. —

Генри посмотрел на неё долгим, тяжелым взглядом. В глубине его глаз блеснула непролитая слеза — дань братству, которое только что было разорвано навсегда.

— Спасибо, — только и смог вымолвить он. Одно слово, вместившее в себя целую бездну боли, благодарности и принятой ответственности.

Спустя несколько дней, отмеченных напряжённым расследованием кражи императорского бриллианта, Джулиан Элмвуд вновь переступил порог «Черной Магнолии». На этот раз привычный путь через мраморный холл изменился. Старый дворецкий молча провёл его в левое крыло, где находился личный кабинет графини. Дверь бесшумно отворилась, и Джулиана окутало знакомое, завораживающее ощущение, словно он погружался на дно океана.

Стены, обитые тёмно—зелёным сафьяном, поглощали дневной свет, что скупо сочился сквозь высокое, чуть затемнённое окно. Воздух был густым от запаха старой кожи переплёттов, сухой бумаги и неуловимой горечи — возможно, от засушенной ветви белены, лежавшей на массивном готическом столе. Книжные шкафы, вздымавшиеся к потолку, казалось, хранили молчание веков. Лишь тиканье старинных часов на каминной полке нарушало торжественную тишину.

В центре этого царства знаний и скрытой силы, у небольшого столика из тёмного полированного дерева, сидела Элеонора. Графиня Монтегю, как всегда, была безупречна в своём чёрном бархате. В руках она держала изящную шахматную фигурку — чёрного ферзя — и перебирала её пальцами с задумчивой, почти медитативной грацией.

— Приветствую, мистер Элмвуд, — голос хозяйки дома прозвучал в тишине кабинета, как чистый звон хрустального колокольчика.

Серо—голубые глаза Джулиана, обычно столь насмешливые и наблюдательные, встретились с её взглядом. И вновь, как в карете, как в «Изумрудном Саду», он ощутил тот странный толчок под сердцем. Красота изумрудных глаз — глубокая, холодная и бесконечно живая — словно сняла невидимые тиски, сжимавшие его грудь. *«Да, — подумал он, задерживаясь у порога на мгновение дольше. — Вот оно, истинное совершенство...»*

Графиня была для него не просто очередной загадкой, не просто клиенткой или светской знакомой. Она стала верным другом и прекрасным напарником. А учащённое биение сердца и внезапный прилив тепла при каждом взгляде на неё — кричали о чём—то большем. О чувстве, которое сын баронета пока боялся признать, но которое уже пустило корни глубоко внутри. Пусть трагичное прошлое вынуждало её носить мрачный траур — в этот миг Джулиан чувствовал с абсолютной ясностью: ни прошлое, ни траур, ни ледяные стены «Черной Магнолии» не имеют значения, пока она рядом. Пока эти изумрудные глаза смотрят на него не с привычной отстранённостью, а с едва уловимым, живым интересом.

— Благодарю за приглашение, леди Сент—Клер, — наконец произнёс он, кланяясь безупречно, но на этот раз чуть менее формально. Голос его, обычно лёгкий и насмешливый, звучал теплее и глубже. — Ваш кабинет внушает благоговение. —

Доска из чёрного эбена и светлой слоновой кости уже ожидала игроков. Фигуры — тяжёлые, резные, вероятно, старинные — стояли в безупречном порядке, готовые к битве умов. Напротив хозяйки кабинета стояло пустое кресло с высокой спинкой, обтянутое тёмно—зелёной кожей, — явно ожидающее гостя.

— Приятно слышать, мистер Элмвуд, — ответила она, едва заметно коснувшись кончиком пальца головы чёрного ферзя. — Однако не стоит отвлекаться. Особенно перед игрой в шахматы. Здесь ценится лишь хладнокровие. Прошу, садитесь. — Она кивнула на стул. — Надеюсь, ваше расследование не отняло все силы, необходимые для достойной партии? —

Джулиан снял перчатки и аккуратно положил их вместе с цилиндром на ближайшую консоль. Затем подошёл к столику и сел, ощутив мягкое сопротивление тёплой кожи.

— Напротив, — улыбнулся он, взглядом скользнув по расставленным фигурам, уже оценивая возможные дебюты. — Оно лишь обострило ум. — Уверенная рука осторожно подвинула вперёд пешку королевского фланга. — Ваш ход. —

И началось. Не просто игра — танец интеллектов в тишине зелёного кабинета. Они делали ходы, их голоса звучали тихо, сохраняя уютную атмосферу, поддерживаемую мерным тиканьем часов да потрескиванием углей в камине.

— Вас можно поздравить. Слышала, вознаграждение за бесценный бриллиант было внушительным. —

— В том нет моей заслуги. Если бы Генри Блэкуолл не решился дать показания, боюсь, это дело так и осталось бы нераскрытым. — Джулиан внимательно посмотрел на собеседницу. — Однако больше всего меня мучает вопрос: как вы догадались о потайном отделении? —

— Всё куда проще, чем вы думаете. Просматривая полученные вами результаты анализа чая из «Изумрудного Сада», я вспомнила, что ещё год назад Блэкуоллы получили официальное разрешение на продажу опиума. Однако количество, которое они закупали, было чрезмерным. Тогда я и начала подозревать, что часть товара идёт контрабандным путём. В Китае нет прямых ограничений на продажу опиума, но это касается лишь пяти открытых для нас портов. На остальной территории его распространение сильно ограничено. Готовить контрабандный товар сэр Генри доверял Гурдипу. Скорее всего, так он и узнал о тайных планах младшего брата. Когда он пришёл в чайную, то хотел не только передать отчёт о прибытии корабля, но и рассказать о делах сэра Эдгара. Младший Блэкуолл не мог этого допустить — и быстро устранил нежеланного свидетеля. —

— Значит, вы уже тогда начали его подозревать? —

— Да. Чтобы подтвердить подозрения, мне пришлось забрать у вас образец чая, который мы добыли в доках, и отправить срочным письмом в Пенджаб, где живёт один из знакомых моего отца. Он подтвердил, что этот чай производят при финансовой поддержке рода Блэкуоллов, а также сообщил мне об общей обстановке в стране и последних передвижениях братьев. Они много общались с высшей знатью, высказывавшей надежды на восстановление Сикхской империи. —

— Так вы и получили мотив. —

— Верно. Однако была и другая проблема. Братья всегда держались вместе, поэтому я не знала, замешаны ли оба в заговоре. Подсказкой стали показания миссис Томенстон. Сэр Генри был инициатором того, чтобы выставить чайницу на её выставке. Эдгар же настоял на её немедленном возвращении. Убийство — серьёзный повод беспокоиться о безопасности, но прямой угрозы экспонатам не было.

— Ему необходимо было вернуть чайницу. Ведь он планировал перевезти в ней украденный бриллиант. —

— Не только. Комитет выставки не поднял шума, потому что ваш таинственный вор ничего не забрал. —

— Блэкуолл подменил бриллиант стекляшкой, когда принёс часть коллекции Коулу, а после решил отвлечь внимание следствия на таинственного вора при попытке выкрасть чайницу. Он знал, что я верну её. —

— Когда я получила письмо, то сразу же решила осмотреть чайницу. Ну, а дальше вы знаете. —

— Вы вновь подвергли себя опасности, графиня. Эдгар убил бы вас, и глазом не моргнул. —

— Вы правы. Моим поступкам нет оправдания. Впредь постараюсь сдерживать свои порывы. —

Их игра продолжилась. Они беседовали на любимые темы, давно уже вышедшие за рамки формальностей: о тонкостях китайской керамики, замеченных Джулианом в одном из антикварных магазинов; о новой теории токсикологии, которую Элеонора обнаружила в трактате на пыльной полке; о забавном случае в конторе Веббера с участием Джека Хопкинса и его вечной бороды.

Джулиан рассказывал истории с присущим ему лёгким азартом и самоиронией. Элеонора слушала внимательно. Её реплики были кратки, но часто содержали убийственно остроумные замечания, от которых молодой сыщик не мог сдержать смеха. Время текло незаметно. Напряжение первых минут, ощущение святости места сменилось глубоким, почти интимным спокойствием. Джулиан ловил себя на мысли, что не просто наслаждается обществом леди Элеоноры — он чувствует себя *на своём месте*.

Здесь, за шахматной доской в её кабинете, под сводами, обитыми тёмно—зелёным сафьяном, среди книг и карт, отражавших сложность её мира. Здесь его острый ум, его любознательность, даже его некоторая бесшабашность находили не осуждение, а понимание и вызов. А редкие, едва уловимые улыбки юной графини, вспыхивавшие в ответ на удачный ход или меткую шутку, были для него ценнее любой награды. Два ума, два сердца нашли друг в друге редкую гармонию взаимопонимания и тихого, глубокого уважения — посреди сложного и очень опасного мира Лондона.

Глава 4 Рождественский подарок леди Изабеллы

Солнечный свет, золотистый и густой, как акациевый мед, просачивался сквозь высокие арочные окна читального зала, оставляя на полированном дереве длинных столов теплые, мерцающие прямоугольники. В воздухе висела тишина: уютная, наполненная шелестом страниц, скрипом перьев и почтительным шепотом знаний, накопленных веками.

Элеонора, девушка лет семнадцати с копной непослушных волос цвета дубовой коры, сидела рядом с отцом. Сэр Эдгар Вэнхольм склонился над развернутым папирусом, его пальцы — длинные, тонкие, с вечной чернильной отметиной на указательном — бережно водили по хрупкой поверхности, словно лаская саму историю.

— Смотри, моя «Маленькая Афина», — голос отца был тихим, но в нем звенела та самая страсть, которую Элеонора так редко слышала в материнских речах о приданом и выгодных партиях. — Это фрагмент «Истории» Геродота. Копия, конечно, но представь: те же слова, что читали в Александрии, в Риме, при дворе императоров... —

— Они пахнут пылью и морем, — тихо сказала девочка, вглядываясь в изгибы греческих букв. Медленно разбирая древний текст, она чувствовала тепло отцовского плеча, чувствовала, как мир за стенами музея — с его сплетнями, балами и требованиями матери — отступал, превращаясь в далекий, почти нереальный гул. Сэр Эдгар рассмеялся — негромко и счастливо.

— В каждой свитке, в каждой табличке, Элеонора, живет душа того, кто их создал. Ты слышишь их шепот? Они рассказывают о любви и предательстве, о войнах и мире, о людях, которые жили задолго до нас и будут жить после. Пока есть такие, как мы, кто помнит. —

Он протянул руку и погладил её по голове — жест, полный такой безоговорочной, тихой любви, что у девочки защипало в глазах.

— Ты будешь помнить, когда меня не станет? —

— Не говори так, — она прижалась к нему, вдруг почувствовав ледяной сквозняк там, где секунду назад было тепло. Отец не ответил. Только улыбнулся той грустной улыбкой, которую Элеонора видела слишком часто в последнее время — когда мать повышала голос, когда приходили счета, когда он смотрел на неё, свою единственную отраду, и понимал, что не может дать ей того будущего, которое требовал их мир.

«Ты будешь помнить?» — вопрос повис в воздухе, и солнечный свет вдруг дрогнул. Элеонора почувствовала внезапный холод. Он не был похож на естественный холод утра или вечера — он был внутренним, неправильным, словно кто-то невидимый вынул солнце из-за стекол музея и заменил его льдом. Она подняла голову. Отец исчез. Папирус исчез. Длинные столы, залитые мгновение назад светом, теперь стояли пустыми, покрытыми слоем пыли, словно их не трогали десятилетиями.

— Отец? — голос сорвался, утонул в звенящей, враждебной тишине. Она встала. Ее шаги — прежде бесшумные на толстых коврах — теперь гулко отдавались от голых каменных плит, многократно повторяясь эхом, как в склепе. Высокие окна, ещё недавно пропускавшие золотой свет, затянулись мутной пеленой, за которой угадывалось не небо, а лишь бесконечная, серая пустота.

— Отец! — крикнула девушка громче, и эхо разнесло её отчаяние по всему пустому залу, отражая его от стен, как насмешку. Она побежала. Не разбирая дороги, сбивая ноги о невидимые ступени, мимо пустых стеллажей, мимо статуй, чьи мраморные глаза смотрели на неё с безразличной вечностью. Дверь — тяжелая, дубовая, какой никогда не было в Британском музее — распахнулась перед ней сама, выплюнув девочку на улицу. И здесь холод стал невыносимым.

Элеонора не сразу поняла, где находится. Все вокруг было серым — небо, камень, фигуры людей, собравшихся тесной, молчаливой толпой. Моросил дождь, мелкий, ледяной,

пронизывающий до костей. Его капли смешивались со слезами, которых Элеонора не замечала на своем лице.

Отец лежал в гробу. Она видела его профиль — тот самый, знакомый до боли, с чуть заостренным носом и мягкой линией подбородка. Его глаза были закрыты, руки сложены на груди. Он казался спящим, но Элеонора знала — это не сон.

— Он ушел, — чей-то голос прозвучал глухо, равнодушно, словно сообщали о погоде. — Больное сердце. Как несправедливо... —

— Ш—ш—ш, — зашипел другой, полный притворной скорби, за которой угадывалось светское любопытство. — Бедная миссис Вэнхольм. Что теперь будет с ней? А с их дочерью? —

Люди шептались. Но Элеонора не слышала их. Она смотрела на отца. В руке она сжимала камео с Афиной — ту самую, что он подарил ей на двенадцатилетие, сказав: *«Богиня мудрости, моя девочка. Она будет хранить тебя, когда меня не станет»*.

Тогда она не понимала, а теперь осознала это слишком хорошо.

Кто-то взял её за плечо — рука была холодной и жесткой, как сталь. Она подняла глаза и встретила взгляд матери. Леди Изабелла стояла рядом, в её глазах не было слез. Тогда девушка оправдывала это чрезмерной суровостью характера своей матери. Однако в действительности причиной было облегчение и жестокий расчет.

— Возвращайся в экипаж, Элеонора, — голос матери звучал ровно, почти ласково, но в нем слышался приказ. — Люди смотрят. —

Они всегда смотрят. Всегда судят. Но никогда не увидят того, что видела она.

Время, как неуловимый вор, проскользнуло незаметно. Лондон, словно гигантский, усталый зверь, вполз в объятия зимы. Холодный декабрьский воздух, пропитанный влагой с Темзы, смешался с густым, удушливым дымом от миллионов каминов, печей и ненасытных фабричных топок, пожиравших уголь тоннами.

Элеонора открыла глаза. Потолок спальни медленно проявился из серого утреннего полумрака. Она лежала неподвижно, чувствуя, как сердце постепенно успокаивается, отпуская остатки сна. Ее рука инстинктивно сжала простыню — тонкий батист был прохладен под пальцами: *«Сон. Всего лишь сон»*. Но сладкий привкус отцовского тепла все ещё держался где-то глубоко в груди, смешиваясь с горечью утраты. Она видела его. Слышала его голос. Ощущала руку на своих волосах.

Элеонора медленно села, кутаясь в одеяло. Первый свет нового дня — робкий, ещё не решившийся прогнать тени — просачивался сквозь тяжелые бархатные шторы, окрашивая комнату в серебристо-серые тона. Где-то за окном чирикнула птица — одна, потом вторая. Их голоса были тихими, почти застенчивыми, словно они тоже только просыпались.

«Как долго я не слушала птиц», — подумала Элеонора с легким, щемящим чувством. В Лондоне, в этой каменной клетке, их голоса тонули в грохоте экипажей и стуке копыт. А здесь, в этот ранний час, тишина была почти полной. Она подошла к окну, отодвинула штору. Сад за стеклом был окутан легкой дымкой, сквозь которую угадывались очертания спящих деревьев. Природа спала. Несмотря ни на что.

Элеонора прижала ладонь к холодному стеклу и закрыла глаза. Сон отпускал её, оставляя лишь легкое, почти невесомое чувство — не грусть, но что-то вроде теплой печали. Словно она держала что-то хрупкое и драгоценное и знала, что должна отпустить, но медлила в последний миг.

— Я помню... — прошептала она, не открывая глаз. В ответ — только щебет птиц и тихий, успокаивающий шум утреннего Лондона, который постепенно пробуждался, не зная о её маленькой, личной утрате, случившейся в мире снов.

Элеонора вздохнула, провела рукой по лицу, словно стирая остатки видения, и решительным шагом направилась к умывальнику. День только начинался. И какие бы призраки ни

являлись ей в ночи — она оставалась графиней Монтегю. Женщиной, у которой не было права на слабость. Даже в тишине собственной спальни.

Холодная вода отрезвила окончательно. Она подняла глаза на свое отражение в мутноватом зеркале — бледное, с тенями под глазами, но спокойное. Рядом, на туалетном столике, лежало письмо от матери, полученное накануне. Элеонора не открывала его. Знала, что там — приказ, вызов, очередная битва в бесконечной войне. Сегодня она ответит. Но сначала — вдохнуть этот утренний, чистый воздух. Напомнить себе, что мир не состоит из одних лишь мраморных стен и запертых дверей. Даже в «Черной Магнолии».

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 10 декабря 1851 год.

За окном рождался знаменитый «реа—sourer» — густой, желто—коричневый туман. Он висел над городом не часами, а днями, заволакивая здания призрачными силуэтами, замедляя движение экипажей до похоронного шага, пропитывая шерсть пальто и самые глубины легких едким, неистребимым запахом серы и гари. Дышать становилось подвигом.

Мороз, словно невидимый стеклодув, сковывал лужицы хрупким, грязным льдом, а по краям великой Темзы нарастали мутные, серые забереги. И все же этот холод был особым, лондонским — он пробирал до костей не столько от низкой температуры, сколько от пронизывающей, почти стопроцентной влажности, впитывавшейся в самую душу. А когда температура чуть поднималась, начинались морозящие, ледяные дожди, превращавшие немощные улицы Ист—Энда в непроходимое грязное месиво, а мощеные мостовые Вест—Энда — в коварно скользкие катки.

Над городом висела не просто непогода, а депрессивная нота, усиленная коротким серым днем и ранними сумерками. Газовые фонари, эти бледные островки цивилизации, зажигались рано, освещая главные артерии и площади, но их свет едва пробивался сквозь плотную пелену смога. Он дробился, создавая вокруг фонарей призрачные ореолы и отбрасывая глубокие, зыбкие тени, в которых легко было потеряться или споткнуться. Переулки же тонули в непроглядном, зловещем мраке, где звук шагов по булыжнику отдавался эхом в тишине.

Однако, вопреки холоду, грязи и удушью, городское чудовище не засыпало. Улицы пульсировали своей особой, стойкой жизнью. Уличные торговцы, закутанные в несколько слоев одежды, кричали хриплыми голосами, предлагая каштаны, горячий печеный картофель или крепкий эль. Кэбы, запряженные усталыми лошадьми, фыркавшими клубами пара, пробирались сквозь толпу, извозчики ругались и подхлестывали животных. Водоносы с коромыслами, сторбленные под тяжестью ведер, пробирались к колонкам, их сапоги чавкали в грязи. Мелькали фигуры трубочистов, их лица и руки были черны от сажи — зима их страдная пора. Повсюду стоял гул — стук бесчисленных копыт по камню, скрип колес, крики разносчиков, сливавшиеся в непрерывный, низкий гул мегаполиса, пытающегося согреться.

В преддверии праздника, словно вызов мраку, затеплились огоньки надежды. На площади Ковент—Гарден развернулся шумный базар. Все пространство заполнили ели — традиция, привезенная принцем Альбертом и быстро прижившаяся. Их свежий, смолистый запах, смешиваясь с дымом и гарью, создавал странный, но узнаваемый аромат лондонского Рождества. Ряды ломились от игрушек — деревянных солдатиков, кукол с фарфоровыми личиками, стеклянных шаров; от украшений — гирлянд, мишуры, позолоченных орехов. Воздух дрожал от аппетитных запахов: жирных гусей и индеек, висящих на крюках, сладких пудингов, пропитанных ромом, пряных пирогов с фаршем.

Истинно начиналась лихорадочная подготовка к главному семейному торжеству года. Богатые горожане в дорогих экипажах закупали провизию горой и разоряли лавки на дорогие подарки. Бедные же, затянув потуже пояса, лелеяли скромную надежду хотя бы на теплый очаг, кусок жареной свинины или курицы и, может быть, апельсин в подарок ребенку.

Графиня Монтегю, сидела в своей Голубой гостиной. Камин пылал, но его жар, казалось, разбивался о холодное величие комнаты и поглощался бархатом стен цвета грозового неба. Она

не грелась у огня, а скорее *находилась* рядом с ним, как изящная статуя. В её тонких, бледных пальцах мерцала игла, вплетающая серебряную нить в темную ткань вышивки — абстрактный узор, напоминающий морозные кристаллы. До Рождества оставалось чуть больше недели, и даже в её строго упорядоченном мире требовалась подготовка.

Украшение особняка: *«Кора проследит за гирляндами вечнозеленого цвета — минимально, но в соответствии с традицией, а также свечами — только белыми».*

Праздничная закупка провизии: *«Составила список для Гривза. Уверена он уже сделал заказ у поставщиков. Гусь, устрицы, трюфели — стандартный набор. Никаких излишеств...».*

Элеонора справилась со всем с привычной ледяной эффективностью, потратив даже меньше, чем закладывала в бюджет. Слуги, как положено, взяли на себя всю физическую работу. Они убрали, готовили, украшали — всё с точностью часового механизма. Поэтому графиня могла позволить себе роскошь сосредоточиться на подарках — единственной части, требовавшей её особого внимания. И она уже мысленно разложила получателей по категориям:

Слуги (Кора, Гривз, горничные, повар и садовник). Для них Элеонора подготовила практичные денежные премии в конвертах, строго пропорциональные рангу и заслугам. Изысканная коробка дорогого чая для Кору — единственный намек на личное расположение.

Не стали исключением и три чудака из типографии «Гриффин» (Джек Хопкинс, Эллен Брайт и Томми). Джеку — бутылка выдержанного шотландского виски. Для Эллен — набор редких перьев для каллиграфии и бутылочка чернил исключительной стойкости. А для Томми — теплые перчатки и монета в пол соверена, — восторг будет искренним и шумным.

Малочисленным родственникам — стандартные, безликие корзины с дорогими, но бездушными деликатесами — икра, шампанское, фрукты. Выполнение долга, не более.

И... Джулиан Элмвуд. Здесь мысль Элеоноры задержалась дольше. Рукодельница остановила иглу, разглядывая почти готовый узор. В качестве подарка она выбрала набор платков из самого тонкого батиста, каждый уголок которого был украшен изысканной ручной вышивкой — геометрическим орнаментом, перекликающимся с узором на жилете Джулиана. *«Не столь эффектно, как безделушка от Фаберже, — подумала она, — но... практично. Его платки вечно страдают. То он в них улики заворачивает, словно в тряпицу, то непонятные химические пятна вытирает, то вовсе использует как временную повязку в какой-нибудь потасовке.»* Легкая, почти невидимая тень чего-то, отдаленно напоминающего усмешку, скользнула в уголках её губ. *«Возможно, платки моей работы постигнет та же незавидная участь. Но... меня это совершенно не заботит. Пусть портит. Главное, чтобы они выполняли свою функцию и... напоминали.»*

Именно в этот момент, когда её мысли уже скользили к проверке меню рождественского ужина, бесшумная, как тень, Кора появилась в дверях. На серебряном подносе, который она держала с церемониальной важностью, лежал один—единственный конверт. Бумага — дорогая, вензель — знакомый до боли. Леди Элеонора почувствовала, как холод, более пронизывающий, чем декабрьский туман за окном, сковал душу изнутри. Она отложила вышивку.

— Я так и не прочла его... — голос хозяйки был ровным, но в нем прозвучала сталь. Кора, встретив взгляд госпожи, как смогла выразила искреннее сочувствие. Элеонора взяла письмо. Конверт был тяжелым, словно свинцовым. Она сломала простую восковую печать и развернула лист. Почерк матери — четкий, безличный, как отчет управляющего. Она пробежала глазами по строчкам, каждая фраза — отточенный кинжал в бархатных ножнах:

«Дорогая Элеонора, Приближающиеся Святки напоминают о семейных узах, сколь бы ни были они... растянуты расстоянием и обстоятельствами. Считаю своим долгом сообщить, что я намерена прибыть в твою... резиденцию («Черную Магнолию», как её столь мрачно именуют в свете) дабы провести праздники в кругу семьи, то есть с тобой, моей единственной дочерью. Ожидай меня семнадцатого числа к полудню. Надеюсь, ты обеспечишь достойное

размещение и программу, соответствующую нашему положению. Твой траур, хотя и понятен, не должен омрачать дух Рождества окончательно. Искренне твоя, матушка.»

Элеонора медленно сложила письмо. Визит матери. Пальцы внезапно стали ледяными. Ни капли радости, лишь холодное, знакомое напряжение. Они обе прекрасно понимали истинную подоплеку этого визита: формальность, прикрывающая инспекцию и попытку контроля. Леди Изабелла не ехала «к дочери». Она ехала *проверить* графиню Монтегю. И, возможно, напомнить, кто держал ниточки в её жизни до замужества.

«Программу, соответствующую нашему положению...» — мысленно повторила Элеонора слова матери. Это означало бесконечную критику. Траур окажется «недостаточно показным» или, наоборот, «излишне театральным». Дом — «мрачной дырой, лишенной уюта». Слуги — «странными немymi тенями, внушающими подозрение». Каждое блюдо, каждая деталь интерьера, каждое слово станут мишенью для язвительных, приправленных сладкой улыбкой замечаний.

Рядом с матерью Элеонора, сохраняя безупречное спокойствие, всё время чувствовала себя под прицелом. В тоже время, под маской светской любезности, леди Изабелла таила вечную угрозу — вновь втиснуть дочь в прокрустово ложе своих ожиданий.

Она подошла к окну, отодвинув тяжелую портьеру. За стеклом, на котором оседали мельчайшие капли влаги, разворачивалась картина застывшего величия. Белоснежные фасады особняков, оттененные темной зеленью у оснований, горделиво несли свои классические колоннады. Изысканные кованые ограды, чьи завитки и шишечки сверкали каплями недавнего дождя, обозначали невидимые границы неприкосновенных владений. А чуть дальше, вдоль широких, поражающих своей геометрической выверенностью улиц, начинало дышать само пространство.

Шуршание — нет, скорее, бархатный шелест опадающей листвы наполнял воздух над тихими, элитными садовыми площадями. Эти огороженные сердцевины кварталов, скрытые от посторонних глаз, хранили прохладу тенистых аллей и ощущение абсолютной, недостижимой. Царствовала атмосфера строгой респектабельности. Поведение, одежда, экипажи — все должно соответствовать высочайшим стандартам.

Здесь, в «Черной Магнолии», всегда преобладала тишина. И в этой тишине, под поверхностью праздничных приготовлений, Элеонора ощутила, как начинают klokотать старые, глубоко запрятанные обиды. А где обиды, там недалеко и до... новых интриг. Мать всегда была мастером последних. Она вздохнула, легкое облачко пара на мгновение затуманило холодное стекло. Делать было нечего.

— Кора, — голос Элеоноры прозвучал четко, нарушая тишину. Горничная мгновенно выпрямилась, ожидая. — Готовь гостевую спальню. К приезду леди Изабеллы Вэнхольм. Семнадцатого. К полудню. — Пауза. её взгляд стал ещё холоднее. — И... проследи, чтобы в комнате были свежие цветы. Белые каллы. —

«Пусть наслаждается их траурной красотой,» — промелькнуло у нее в голове. Цветы смерти в комнате матери — маленькая, изящная месть, понятная только ей самой. Кора склонила голову в безмолвном подтверждении и растворилась в полумраке коридора, чтобы начать подготовку к визиту, который никто в «Черной Магнолии» не ждал с радостью. Зима в Лондоне обещала быть долгой и непростой.

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 17 декабря 1851 год.

В полдень густой, желтоватый туман ещё цеплялся за крыши и деревья Белгрейв—сквер, когда к особняку 44 подкатил экипаж. Он пылал богатством, подобно кричащему заявлению. Темно—бордовый лак сиял в тусклом свете. Гербы Вэнхольмов на дверцах отливали золотом. Кони — чистокровные гнедые великаны — били копытами по замерзшей земле с нетерпением, которое, казалось, отсутствовало у их хозяйки. Экипаж остановился у черной дубовой двери с головой Горгоны. Казалось, сама «Черная Магнолия» на мгновение затаила дыхание.

Кучер спрыгнул и, торопливо семеня, поспешил опустить подножку. Дверца бесшумно открылась. Слуга, безупречный и холодный, как мраморная колонна, встал рядом. Его лицо не выражало ничего, кроме абсолютной готовности к служению.

— Леди Изабелла Вэнхольм! — произнес он. Из экипажа появилась леди Изабелла. Она была закутана в роскошную соболью шубу. Из—под меховой шапочки с вуалью выбивались тщательно уложенные седые пряди. Её лицо, когда—то красивое, теперь было изрезано морщинами недовольства и высокомерия. Она окинула мрачный портик, черную дверь, бесстрастного слугу одним быстрым, оценивающим взглядом. В глазах женщины промелькнуло то, что Элеонора знала с детства: *«Недостаточно...»*. Театрально вздохнув она вошла в дом.

— Гривз, — кивнула она с ледяной вежливостью, протягивая руку, чтобы он помог ей раздеться. — Наконец—то. Эта дорога... вечность. Воздух здесь просто невыносим. Весь Лондон скоро задохнется от этой гари. — Дама взглядом скользнула по затемненным окнам. — И этот дом... Все так же мрачен. «Черная Магнолия». Какое претенциозное название для дорогого склепа. —

Элеонора появилась в холле. Встала неподвижно, как изваяние, в своем строгом черном платье Ворта, без единого намека на праздничный акцент. Лицо её было безупречно спокойным.

— Матушка, — произнесла она тихо, сделав шаг вперед. Многих усилий ей стоило сохранить голос ровным, подобно поверхности замерзшего пруда. — Добро пожаловать. —

Леди Изабелла остановилась перед дочерью, осматривая ту с ног до головы. Взгляд был придиричвым скальпелем, вскрывающим каждую деталь.

— Элеонора, — протянула она, не спеша снимать перчатку. — Ты выглядишь... бледной. Чрезмерно бледной. Траур — это одно, милое дитя, но превращать себя в призрака — совсем другое. Разве Рождество не пробуждает в тебе ничего, кроме этой... вечной скорби? — Она намеренно сделала паузу, давая ядовитому вопросу повиснуть в воздухе. — Хотя, кто знает, может, это и к лучшему. Цвета тебе никогда особо не шли. Черный скрадывает... резкость черт. —

Гостья протянула щеку для холодного, церемонного поцелуя. Элеонора коснулась её кожи губами, ощущая знакомый запах тяжелых духов с нотками фиалки.

— Я рада, что вы добрались благополучно, — отозвалась юная графиня, отступая ровно настолько, чтобы восстановить дистанцию. — Кора проводит вас в гостевую спальню. Надеюсь, она вам подойдет. —

— Подойдет? — Леди Изабелла сняла шапочку, передавая её Гривзу. — Посмотрим, посмотрим. Я помню, здесь вечно дует. И эти огромные комнаты... Нагреть их — целое состояние. Но, конечно, теперь ты можешь себе это позволить, не так ли? — её взгляд скользнул по мраморным плитам, по огромным часам с остановленными стрелками, по статуе Артемиды. — Благодаря твоему... непродолжительному замужеству, граф не смог по достоинству оценить все твои... добродетели. Как жаль. —

Элеонора не дрогнула. Лишь тень, мелькнувшая в глубине изумрудных глаз, выдавала удар. Игнорируя колкость, она предложила: — Позвольте и мне проводить вас, пока вещи поднимают наверх. — Голос девушки оставался тихим, но в нем появилась стальная нить. Спустя несколько минут вещи подняли, и гостевая спальня была подготовлена безупречно. На столе у окна стояла высокая ваза с белыми каллами — строгими, холодными, траурными. Леди Изабелла остановилась перед ними.

— Каллы? — произнесла она, приподняв бровь. — На Рождество? Какой... неожиданный выбор, Элеонора. Или это твой маленький намек? — Мать не ждала ответа, поворачиваясь к горничной. — Воду для умывания. Горячую. И уберите эти цветы. Они напоминают мне о похоронах. Принесите что—то... жизнерадостное. Гвоздики. Красные. —

Горничная метнула испуганный взгляд на Элеонору, стоявшую в дверях. Графиня едва заметно кивнула. Цветы уберут. Но красные гвоздики не принесут.

Позже последовал «осмотр владений». Леди Изабелла шествовала по комнатам, как генерал, инспектирующий казармы.

Бальный зал: — Огромная пустая дыра! И зачем эти зеркала закрыты? Чтобы не видеть, как уныло? Хотя... это и к лучшему. Твое положение... вряд ли предполагает балы. —

Голубая гостиная: — Бархат? Цвет грозы? Как мрачно. И кресла спиной к камину... Это что, новый светский тренд? Замерзать напоказ? — её взгляд упал на витрину с флаконами. — Античные склянки? Странное увлечение, дорогая. Не слишком ли оно напоминает о... твоих химических шутках? — Голос стал опасным.

В кабинет Элеоноры леди Изабелла даже не вошла. Уже около двери запричитала: — Боже, какие книги! Буль? Орфилу? Анатомия и токсикология? Элеонора, это неприлично. Ум женщины должен быть занят домом и приятными мелочами. Ты рискуешь прослыть синим чулком. Или того хуже. —

Недовольно крутя носом, матушка завершила осмотр. Она едва заметно покивала головой, и тут её взгляд зацепился за личную служанку дочери: — Хм, всегда было интересно, как ты воспитываешь своих слуг? Они появляются и исчезают, как призраки. И эта твоя Кора... Немая? Как удобно для сплетен. И как... жутко. —

Элеонора сопровождала мать молча, отвечая лишь на прямые вопросы короткими, не дающими повода для развития темы фразами: *«Так было задумано... Это удобно... Они эффективны...»*. Каждое ядовитое замечание встречало ледяную стену спокойствия, что, казалось, лишь раздражало леди Изабеллу сильнее.

Вечером того же дня они встретились за изысканно сервированным столом. Гривз бесшумно руководил подачей блюд. Тишина была густой, нарушаемой лишь звоном приборов. Свечи в канделябрах отбрасывали трепещущие тени на лица. Леди Изабелла отодвинула тарелку с устрицами, едва притронувшись.

— Устрицы... — вздохнула она. — Знаешь, дорогая, с тех пор как твой отец... — она сделала многозначительную паузу, — оставил нас, я с трудом переношу их вид. Напоминают о бедности, которая последовала за его... уходом. — Она посмотрела на Элеонору. — Ты ведь помнишь, как нам приходилось считать каждый пенни? Благодаря твоему браку ты избавлена от этого. Хотя... — она оглядела столовую, — здесь чувствуется какая-то... скупость. Предполагается минимализм? Или просто демонстрируешь отсутствие вкуса? —

Элеонора медленно положила вилку. Она смотрела не на мать, а на пламя свечи перед ней: — Я предпочитаю называть это целесообразностью, матушка. Роскошь ради роскоши — пустая трата ресурсов. —

— Ресурсов? — Леди Изабелла фыркнула. — У тебя их теперь океан, милое дитя! Можно позволить себе немного радости. Хотя бы на Рождество. Украсить дом. Надеть что-то... не похоронное. — Она жестом остановила Гривза, подносившего ей соусник. — Нет, спасибо. Твой повар... он явно переусердствует с перцем. Или это я, отвыкшая от лондонской кухни? — Она отпила глоток вина. — Кстати, о Лондоне. Я слышала, ты возвращаешься в каком-то... странном кругу. Сыщики? Элеонора, это неприемлемо. Ты графиня Монтегю! Помни о своем положении. Какие слухи могут пойти... —

— Мои знакомства — моя личная забота, матушка, — прозвучало тихо, но так, что леди Изабелла на мгновение умолкла. — И они не влияют на мое положение. —

— Не влияют? — Голос матери зазвенел. — Ты наивное, дитя. Каждое твое действие, каждое знакомство — на вес золота в глазах света. Ты уже и так окружена... таинственностью. Не нужно добавлять к этому сомнительные связи. Особенно с каким-то... сыном баронета, играющим в детектива! — Она выпалила это как обвинение.

Тишина повисла густая, звенящая. Элеонора медленно подняла глаза. Изумрудный взгляд встретился с материнским. В нем не было гнева, только бездонный холод и нечто нечитаемое.

— Мистер Элмвуд, — произнесла она с ледяной четкостью, — компетентный специалист. И его происхождение безупречно. Мои связи не вызывают сомнений у тех, чье мнение для меня значимо. —

Леди Изабелла замерла. Она поняла, что зашла слишком далеко, но отступить не собиралась.

— Значимо? — язвительно повторила она. — И кто же определяет эту значимость? Ты сама? Осторожно, Элеонора. Гордыня — смертный грех. Особенно для женщины, чье положение все ещё... шатко, несмотря на все её богатство. Вспомни, как быстро оно может уйти. Как ушло наше. — Она отпила вина, скрывая за этим непринужденным жестом то, как задрожала рука — от гнева или от возбуждения схватки.

Первый день подходил к концу, но битва только начиналась. Стены «Черной Магнолии», казалось, впитали яд слов и приготовились к долгой осаде. Элеонора отодвинула свою тарелку. Еда осталась почти нетронутой. Лицо девушки в свете свечей было похоже на прекрасную, безжизненную маску. Но под столом пальцы, спрятанные в складках черного платья, сжались в тугой, болезненный узел.

На следующий день, вопреки всё ещё цепкому туману, запряженная парой вороных, карета графини Монтегю выехала в направлении Ист—Энда. Внутри царило ледяное напряжение. Леди Изабелла облачилась в роскошное, мрачное платье из темно—бордового бархата, дабы не «слишком выделяться» на фоне траура дочери, но и не слиться с ним:

— Благотворительность — это, конечно, похвально, Элеонора, — начала она, поправляя муфту из чернобурки. — Но тут? Среди этой... вони и грязи? Разве нельзя было просто перевести деньги через управляющего? Личное присутствие графини Монтегю в таких... местах — это демонстрация. И не всегда уместная. —

Элеонора смотрела в запотевшее окно на мелькающие серые фасады, сменявшиеся все более обшарпанными. В памяти зазвучал голос отца — сэра Эдгара, теплый, несмотря на вечную пыль библиотеки: *«Дитя мое, истинное благородство — не в гербе на карете, а в умении видеть человека за его положением. Рука помощи, протянутая без высокомерия, значит больше, чем золотая монета, брошенная с высоты кареты.»*

— Личное присутствие, матушка, — ответила Элеонора тихо, но твердо, не отрывая взгляда от улицы, — дает надежду. И показывает, что о них не забыли. Это не демонстрация. Это долг. И единственный способ увидеть, куда идут деньги на самом деле, — добавила она про себя.

Леди Изабелла фыркнула, выразительно понюхав флакончик с солями, который всегда был при ней: — Долг... Надежда... Ты все ещё говоришь его словами. Сентиментальность опасна. Особенно здесь. —

Карета остановилась у импровизированной арки, украшенной потрепанными гирляндами из еловых веток и бумажными звездами. Это был благотворительный базар в складском помещении, который организовала больница на Грейт-Ормонд-стрит, в том числе при поддержке Элеоноры. Воздух внутри был густым и горячим: смесь запахов дешевой выпечки, жареных каштанов, влажной шерсти и немытых тел. Гул голосов стоял оглушительный. Здесь толпились матери с грудными младенцами, оборванные старики, босоногие дети с широкими, испуганными глазами. На столах лежали скромные поделки: грубо связанные варежки, деревянные игрушки, горшки с выгоревшими гераньками. Все для того, чтобы собрать хоть немного денег на еду и уголь к Рождеству.

Появление Элеоноры вызвало волну. Не крики восторга, а тихое, почти благоговейное движение. Люди расступались, низко кланяясь, шепча: «*Графиня... Спасибо, ваша милость...*». Дети тянулись к подолу её строгого черного платья, не смея прикоснуться. Леди Изабелла шла следом, как королева, вынужденная инспектировать трущобы. Лицо женщины было искажено безразличностью, она прижимала к носу всё тот же флакончик с солями.

— Господи, этот запах... — прошептала она дочери. — Как ты можешь это выносить? —

Элеонора не ответила. Она остановилась у стола, где продавались пучки засушенных трав и скромные рождественские открытки, сделанные детьми из приюта. К ней робко подошли две девочки лет восьми, в стоптанных башмаках и поношенных, но чистых платицах. Одна держала в руках жалкий, но тщательно подобранный букетик: несколько пожелтевших кленовых листьев, веточка вечнозеленого плюща и пара засохших, но ярко—желтых цветков бессмертника.

— Для вас, миледи, — смелее прошептала девочка, протягивая букет. Детские щеки горели румянцем смущения. — Зато, что помогаете. Чтобы у вас Рождество было хорошим. —

В глазах Элеоноры, обычно таких холодных, мелькнуло что—то теплое, почти уязвимое. Она не улыбнулась широко, но её строгие черты смягчились. Графиня наклонилась, принимая скромный дар так же бережно, как если бы ей вручали орхидеи.

— Спасибо вам, — голос звучал непривычно мягко, так, чтобы девочки её услышали и не испугались. — Это очень красиво. Я поставлю их в вазу у камина. — Она проводила их сияющие глаза, отворачиваясь. В этот миг её собственный взгляд, поднявшись, наткнулся на знакомый силуэт. Это был мистер Элмвуд!

Мужчина стоял у соседнего прилавка, где были разложены грубые глиняные свистульки, но на товар он не смотрел. Джулиан наблюдал за Элеонорой. Его сланцево—серый костюм выглядел немного чужеродно в этой обстановке, но не вызываяще. Увидев, что девушка смотрит на него, сыщик мгновенно расплылся той самой ослепительной, чуть беспечной улыбкой. Он сделал несколько шагов навстречу к ней, легко лавируя в толпе.

— Графиня! Какая неожиданная и приятная встреча в столь... оживленном месте, — его голос, звонкий и жизнерадостный, резал гул базара. Он учтиво поклонился сначала Элеоноре, потом её матери. —

Миссис Вэнхольм, как очнувшись от приступа тошноты, выпрямилась. Её взгляд, быстрый и оценивающий, как у ястреба, прошелся по Джулиану: растрепанные темные волосы, отсутствие траурных аксессуаров, легкая небрежность в костюме (несмотря на качество ткани), живой, насмешливый блеск в серо—голубых глазах. Перед собой она видела не сыщика из конторы Веббера. Она видела второго сына баронета. Без состояния и серьезных перспектив. Хуже этой оценки было его присутствие рядом с Элеонорой, ещё и в этом отвратительном месте. Кусочки сложились в единую ядовитую формулу: «*Попрошайка! Вертится вокруг богатой вдовы!*»

— Мистер... Элмвуд, я полагаю... — произнесла она, растягивая имя, как будто пробуя его на вкус и находя отвратительным. Она не подала руки, лишь кивнула с ледяным высокомерием. — Да, слышала о вас. Вы тот самый... младший сын сэра Генри? Занятой человек, вижу. И здесь, на базаре? Или это тоже часть ваших... детективных игр? — Последние слова были произнесены с убийственной язвительностью.

Джулиан не моргнул. Его улыбка лишь слегка сместилась в сторону вежливой усмешки. Он уловил ненависть и презрение, идущие от женщины волнами.

— Отчасти, леди Изабелла, отчасти, — ответил юноша, игриво подбрасывая в руке мелкую монету, которую только что опустил в кружку для пожертвований. — Расследую досадную кражу. Некто нехороший прибрал к рукам щедрый рождественский подарок для сиротского приюта по соседству — целый ящик теплых одеял и сладостей. Дело, как вы понимаете, срочное. Дети мерзнут. — Он посмотрел прямо на Изабеллу, и в его взгляде, несмотря на легкость

тона, промелькнула сталь. — А доброта, даже в Ист—Энде, заслуживает защиты, не правда ли? —

Элеонора наблюдала за этим обменом ударами, держа в руках детский букет. Она видела, как при словах Джулиана о деле и детях брезгливость на лице матери сменилась ещё большим раздражением, а потом... в прищуренных глазах вспыхнула та самая опасная искра. Искра не просто презрения, а подозрения, смешанного с азартом охотника, почуявшего добычу. Изабелла увидела в Джулиане не просто нежеланного знакомого, а потенциальную угрозу своему влиянию на дочь.

— Доброта? — Женщина фыркнула. Её голос стал громче, привлекая внимание стоящих рядом. — Очень трогательно, мистер Элмвуд. Защищать одеяла... И как удобно, что ваша... защита приводит вас именно туда, где вращается моя дочь. Благотворительность — такое благодатное поле для случайных встреч, не находите? — Взгляд острых глаз скользнул с Джулиана на Элеонору, полный ядовитого намека.

Девушка почувствовала, как холодный гнев поднимается у неё внутри. Она не могла позволить матери осквернить этот момент и бросить тень на мотивы Джулиана. Графиня Монтегю сделала шаг вперед, слегка приподняв руку с букетом, как бы невзначай преграждая путь взгляду матери, направленному на дерзкого детектива. Голос её был тише обычного, но в нем зазвенела та самая сталь, которая заставляла трепетать неосторожных.

— Матушка, мистер Элмвуд выполняет важную работу по поручению конторы Веббера. Его присутствие здесь продиктовано долгом, а не праздным любопытством или... иными соображениями. — Она подчеркнула последние слова, давая понять, что улавливает намек. — И я прошу вас воздержаться от спекуляций, которые могут повредить репутации человека, делающего доброе дело. Особенно здесь и сейчас. — Изумрудные глаза, холодные и неумолимые, встретились с материнскими, не отступая. В них читался четкий приказ: *«Остановись. Сейчас же!»*

Леди Изабелла замерла, слегка откинув голову. Щеки покрылись нездоровым румянцем. Она не ожидала такого прямого и публичного отпора, так как привыкла, что Элеонора отмалчивается или уходит в себя. Дочь никогда не защищала кого-то открыто. Особенно такого, как этот Элмвуд. Молчание повисло густое, тяжелое. Даже шум базара вокруг них на мгновение стих, почувствовав напряжение.

Джулиан наблюдал за этим молчаливым поединком с непроницаемым лицом, лишь слегка приподняв бровь. Понять, что его присутствие стало катализатором чего-то очень опасного между матерью и дочерью было весьма просто. И та искра, которую молодой человек уловил в глазах леди Изабеллы, обещала проблемы. Поэтому он сделал ещё один легкий, учтивый поклон, скрыв эмоции за формальной улыбкой.

— Дамы, прошу прощения, что отвлек вас от благородного дела, — ловкое прощание для выхода из зоны напряженности. — Мне пора, след ждет. Желаю вам плодотворного дня. —

Взгляд серо—голубых глаз на мгновение задержался на Элеоноре, став чуть теплее, — Графиня, прекрасный букет. Действительно замечательный. — И, ловко развернувшись, мужчина растворился в толпе так же быстро, как и появился, оставив двух женщин в звенящей тишине, нарушаемой лишь отдаленным гулом базара и тревожным стуком сердца Элеоноры. Детский букет из желтых листьев вдруг показался ей невероятно тяжелым.

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 19 декабря 1851 год.

Спустя пару дней после ледяного столкновения на базаре «Черная Магнолия» распахнула свои двери для делового света. В Голубой гостиной, где холодное величие лишь слегка смягчалось трепещущим пламенем камина и светом дополнительных газовых рожков, собрались инвесторы и заместители, управляющие угольными шахтами, входящими в империю Монтегю. Повод был серьезный — обсуждались стратегии развития и решения проблем с логистикой на севере. Воздух был густ от запаха дорогих сигар, дубленой кожи и скрытого напряжения.

Леди Элеонора Сент—Клер была безупречна. Холодный воздух гостиной, казалось, замерзал ещё больше в её присутствии. Строгое черное платье от Ворта, с серебряной геометрической вышивкой по вороту и манжетам говорило о власти больше, чем любой кричащий наряд. Власти основанной на знании и контроле.

Несмотря на то, что она официально руководила обширным угольным наследием Монтегю всего несколько месяцев после смерти мужа, её присутствие на квартальном собрании управляющих и инженеров не вызывало снисходительных улыбок. Те, кто уже столкнулся с методами графини — будь то через её личного аудитора, мистера Ривза, или в ходе предыдущих, шокирующе кратких встреч — знали: за ледяной внешностью скрывается острый, аналитический ум, способный видеть не состыковки там, где другие видели лишь столбцы цифр. Вопросы на предварительных встречах были точны, как скальпель, а осведомленность: в бухгалтерских тонкостях, геологии пластов, логистике перевозок и даже в опасностях рудничного газа или слабости определенных типов крепления — вне всяких сомнений. Она говорила мало, но каждое слово было взвешено и било в цель, заставляя даже издававших виды управляющих ёжиться.

Сейчас она сидела во главе стола из темного дуба. Её поза была безупречно прямой, а руки сложены на папке с отчетами. Перед ней разворачивался ритуал представления данных: управляющие шахтами докладывали о добыче, расходах, авариях и простоях. Гул голосов, перешептывания, скрип стульев — все это было фоном, который она отсекала, фокусируясь на цифрах и интонациях докладчиков. Изумрудные глаза скользили по строчкам в копии отчета, сравнивая их с устными показаниями. Умелая хозяйка видела: подземные галереи, наполненные скрежетом вагонеток, стуком кирки и кашлем рабочих, сложную механику подъема угля на поверхность, ветхие жилища шахтеров и лавки, где им продавали товары в долг, привязывая к шахте.

Мистер Норентон, управляющий шахтой «Глубокий пласт» — крепкий мужчина с седыми висками и руками, все ещё хранящими память о работе забойщиком в молодости — докладывал о плановом ремонте вентиляционной системы, вызвавшем простой.

— ...Таким образом, графиня, — его голос, привыкший командовать под землей, звучал здесь с натянутой почтительностью, — общий простой вагонеток на участке 3 составил 72 часа за отчетный период. Это в рамках допустимого при таких работах, учитывая... —

— Мистер Норентон, — тихий, но неоспоримо властный голос легко перекрыл сухую речь и негромкий гул бесед за столом. Атмосфера стала такой, словно что-то разрезало натянутую нить. Все взгляды мгновенно устремились к ней. — Ваши цифры по простоям вагонеток на участке «Глубокий пласт» — 72 часа, как вы только что сказали, — она слегка коснулась пером строки в своем отчете, — расходятся с отчетом инженера Маклина, представленным в приложении 4б. Он указывает 75,5 часов. 5% расхождения. —

В зале воцарилась тишина. Норентон замер, его щеки под смуглой кожей слегка побледнели. 5% — это не ошибка наборщика. Это либо попытка сгладить цифру, либо неучтенный инцидент. Элеонора знала, что Маклин — молодой, педантичный шотландец — имел репутацию скрупулезного фиксатора. Его данные о простое, записанные в сменных журналах у ламповой, были детализированы до минуты.

— Гр—графиня, — начал Норентон, слегка запнувшись, — должно быть, небольшая неточность в сводке... Или инженер Маклин учел время на пересменку и профилактику, которое обычно не включается в чистый простой из—за ремонта... — Он пытался найти объяснение, но его голос потерял уверенность под её непроницаемым взглядом.

— Мистер Норентон, — Элеонора не моргнула. Изумрудный взгляд был холоден и сосредоточен, как у хищника, обнаруживший слабость у добычи. Каждый слог звучал как удар молотка по наковальне, — объясните точное расхождение в 3,5 часа. Не «неточности» или «особенности учета», а фактическое расхождение до конца этого совещания. — Она сделала

микроскопическую паузу, позволяя угрозе нависнуть в воздухе. — Или, — голос стал ещё тише, но от этого только опаснее, — я пришлю своего аудитора, мистера Ривза, разобраться на месте. И он начнет не с ваших сводок, а со сменных журналов ламповой и опросов бригадиров участка 3. Вы ведь понимаете, что 3,5 часа простоя вагонеток — это не просто цифра. Это недополученные тонны угля. Это лишние часы работы людей в забое, ожидающих порожняк. Это вопрос эффективности и, в конечном счете, прибыли шахт. —

Последние слова прозвучали как приговор. Норентон понял, что отговорки не пройдут. Графиня знала слишком много. Она знала не только цифры, но и процесс. Знать о существовании сменных журналов у ламповой — это одно. Понимать, что именно там кроется правда о каждом часе простоя — это уровень осведомленности, пугающий для человека, никогда не спускавшегося в шахту глубже уровня конторы.

— К—конечно, графиня, — он кивнул, чувствуя, как капли пота выступают на лбу. — Сейчас же все перепроверю лично. — Его тон был подобострастным, в нем звучала откровенная тревога. Он мысленно уже проклинал клерка, допустившего оплошность, или бригадира, не доложившего о какой-то мелкой поломке: *«5% — как она это увидела среди десятков столбцов цифр?»*

Элеонора лишь слегка кивнула, перенося свой ледяной, аналитический взгляд на следующего докладчика. Палец уже указывал на другую строку в другом отчете. Работа продолжалась. Она не просто управляла шахтами — она вскрывала их, слой за слоем, как геологический пласт, выявляя неэффективность, расточительство и попытки сокрытия с хирургической точностью. Каждая сэкономленная минута простоя, каждая выявленная махинация с поставками крепи или углем, отпущенным в счет зарплаты, укрепляла её власть и увеличивала доходы состояния. Графиня знала цену углю — и цену человеческой хитрости и лени. Она была готова платить только за первое, безжалостно искореняя второе.

Тяжелые, резные дубовые двери гостиной графини Монтегю бесшумно распахнулись под рукой Гривза, впуская волну прохладного воздуха из холла и троих мужчин. Внезапно возникшая тень перекрыла мягкий свет газовых рожков, и атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Деловая сосредоточенность сменилась почтительным, чуть напряженным ожиданием.

Вошел сэр Генри Элмвуд. Он был воплощением викторианского патриархата, высеченным из гранита условностей. Его строгий темно-серый костюм из тончайшей шерсти казался доспехами респектабельности, а высокий жесткий воротник рубашки подпирал челюсть, придавая образу ещё более непреклонное выражение. Лицо его, обрамленное аккуратной седой бородкой, было мрачным, словно он нес на плечах не только вес своего титула, но и все тяготы Империи. Каждый шаг по роскошному персидскому ковру отдавался гулким эхом в наступившей тишине. Он окинул присутствующих властным, оценивающим взглядом, сделав легкий, почти невидимый кивок в сторону Элеоноры. Баронет являлся одним из крупнейших инвесторов угольной империи Монтегю. Семья Элмвуд, в частности сам сэр Генри, долгое время поддерживала связь с покойным графом. Его нынешнее присутствие — прекрасная демонстрация связи с прежним управлением и попытка сохранения влияния в делах наследницы. Кроме того, сэр Генри имел весьма крупную финансовую долю в йоркширских угольных шахтах. Собрание было для него шансом лично оценить состояние дел, проверить эффективность управления Элеоноры и защитить свои вложения. Такой человек не доверился бы «женскому» отчету на бумаге.

Рядом с ним, словно тщательно отполированное отражение в чуть искривленном зеркале, шагал Джеймс Элмвуд, старший сын и наследник. Он был чуть выше отца, подтянутый и менее массивный. Лицо отличалось резкими чертами, тяжелой челюстью, явно унаследованной от барона, и волосами цвета воронова крыла, уложенными с прямым, надменным пробормом. Но главным среди всего было его бесстрастное выражение лица, как символ человека, безраздельно владеющего своим положением. Костюм безупречен, галстук завязан с матема-

тической точностью, а на жилете поблескивала тяжелая золотая цепочка карманных часов — символ ожидающего его состояния.

Старший из братьев излучал спокойную, непоколебимую уверенность в своей значимости. Войдя он склонил голову в сторону хозяйки дома. В его глазах читалось уважение к графине и капля удовлетворения от собственного соответствия обстановке.

Сэр Генри считал своим долгом приучать наследника к серьезным делам. Поэтому при удобном случае знакомил его с важными фигурами и демонстрировал «правильный» подход к управлению капиталом. Сегодняшний день не стал исключением. Очередной практический урок для Джеймса под отцовским контролем.

Стоит добавить, что для старого баронета графиня Монтегю весьма крупный, а потому важный игрок. Сэр Генри видел в ней потенциального, при этом крайне загадочного, делового партнера. Его личное присутствие позволяло оценить её слабости, связи и стиль. Да, даже такой консерватор, как сэр Генри, мог испытывать любопытство, желая увидеть «Черную Магнолию» и её хозяйку в деле.

И лишь потом, словно намеренно отстав на полшага, нарушая стройную линию патриархального величия, вошел Джулиан. Его бежево—песочный костюм из мягкого твида выглядел весьма неформально на фоне строгой черно—серой гаммы отца и брата — но очень живым. Солнечное пятно в этой мрачноватой роскоши. Легкая небрежность в узле галстука, чуть растрепанные шоколадные волосы и глаза. Те самые серо—голубые глаза, которые сейчас метнули быстрый, как молния, взгляд на сложившуюся обстановку.

«Боже, каменный мешок,» — пронеслось в голове Джулиана, пока он делал формальный поклон. *«И зачем отец потащил меня сюда? Просиживать штаны среди этих монументов скуки и слушать, как они переливаются из пустого в порожнее о ценах на уголь...»*

Но затем его взгляд нашел леди, сидящую во главе стола в своем привычном черном цвете, холодную и безупречную, как алмаз. И в глубине глаз, скрытых за мгновенной формальностью поклона, мелькнула та самая искорка — смесь веселья, тепла и немного вопроса: *«Выдержим?»*.

Леди Изабелла Вэнхольм, восседающая чуть в стороне в глубоком кресле, словно почетный судья или, вернее, бдительный надзиратель, не пропустила этой искры. Острый, как игла, взгляд женщины, привыкший выискивать малейшие изъяны и скрытые смыслы, мгновенно зафиксировал движение глаз Джулиана и едва уловимое изменение в его позе, когда он посмотрел на Элеонору. Тонкие, подведенные сурьмой, губы сжались в жесткую, недовольную линию. Брови чуть приподнялись в выражении ледяного презрения.

«Вот он, этот выскочка, младший сынок без гроша за душой и без будущего!» — Мысль ядовито сверлила её сознание. *«Вертится вокруг Элеоноры, как муха вокруг меда. И она... она позволяет это! Этот взгляд... Нет, это не просто вежливость. В этом что—то есть. Что—то неприличное!»*. Подозрения, зародившиеся на благотворительном базаре, укрепились, как сталь, закаленная в холодной ненависти.

Собрание возобновилось. Зазвучали голоса управляющих, цифры из отчетов о добыче угля в Йоркшире, размеры поставок и расходов. Воздух сгустился от важности и скуки.

Джулиан старался сохранять вид внимательности, но мысли блуждали. Скучающий сыщик изучал сложный узор на ковре под ногами — переплетение замысловатых восточных мотивов, что казались куда интереснее, чем графики производительности. Периодически чувствуя на себе два совершенно разных взгляда: серьезный, аналитический взгляд Элеоноры, который сканировал комнату, отмечая каждую деталь, и ядовитый, колющий взгляд леди Изабеллы, что буквально прожигал его кожу, полный немного осуждения и предвзятости. Поддавшись усталости, мужчина чуть подавил зевок. Стало душно. Сухость во рту напомнила о жажде. Поймав взгляд одного из слуг, стоящих у стены с подносом, Джулиан сделал едва замет-

ный жест — два пальца, слегка сведенные к губам. Молодой официант, ловкий и тихий, как тень, засуетился и, спустя несколько мгновений, приблизился.

— Прошу вас, сэр, — прошептал официант, едва слышно, протягивая высокий бокал с кристально чистой водой. Ледяные кубики мелко позванивали о хрусталь.

— Благодарю, — улыбнулся Джулиан, принимая бокал. Его улыбка была искренней, благодарной. Он сделал небольшой, освежающий глоток. Вода была холодной, чистой, но... странной. Поначалу все складывалось нормально. Просто вода. Но уже через полчаса на языке появилось слабое, чуть сладковатое послевкусие, неуловимо знакомое и не из приятных, — химическое, терпкое. Однако Джулиан не придавал этому значения — может, от хрусталя, может, от льда. После чего вернулся к созерцанию ковра, пока сэр Генри что-то важно бубнил о *«незыблемости традиционных ценностей в управлении промышленностью»*.

Внезапно голос отца показался далеким и гулким. Именно тогда он почувствовал первое странное ощущение. Небольшое тепло, разлившееся не снаружи, от камина или духоты, а изнутри. Оно исходило от желудка, легкой волной поднимаясь к груди. Как от глотка хорошего бренди, но без приятного жжения. Тепло было странным, тревожным. Джулиан слегка поерзал в кресле, пытаясь отогнать нарастающее беспокойство. Затем пришла слабость. Она накатила внезапно, как морская волна, сбивающая с ног. Не просто усталость от скуки, а физическая, глубокая слабость. Веки вдруг стали непомерно тяжелыми. Силы будто вытекали из него, как песок из перевернутого стакана. Он попытался сосредоточиться на отчетливом голосе Элеоноры — она что-то говорила о *«производительности на тонну угля»*, слова были четкими, логичными. Но звук голоса стал отдаленным, приглушенным, словно доносился из-за толстой стеклянной стены или из глубины колодца. Слова теряли смысл, превращаясь в белый шум.

Ковер под ногами словно ожил. Традиционные узоры начали двигаться, переливаться, плыть. Зеленые и бордовые завитки закружились в медленном, гипнотическом танце. Джулиан инстинктивно попытался встать, опереться о высокую резную спинку своего кресла из черного дерева. Но рука, посланная мозгом, не нашла опору. Пальцы скользнули по гладкому лакированному дереву, не зацепившись. Он почувствовал, как теряет равновесие, как мир наклоняется.

Дыхание. Вот что стало настоящим кошмаром. Вдруг стало невыносимо тяжело дышать. Словно невидимая, ледяная удавка сжимала горло изнутри. Он судорожно глотнул воздух, но в легкие будто попадал не живительный кислород, а раскаленный, тяжелый песок. Каждый вдох давался с мучительным усилием, сопровождался коротким, хриплым звуком где-то глубоко в груди. Его грудную клетку сдавила невидимая свинцовая плита, не давая расшириться.

Зрение. Оно сужалось стремительно, как диафрагма фотокамеры. Периферия погрузилась во мрак. Туннель. Все, что осталось — узкий, дрожащий туннель зрения. И в конце этого туннеля, как единственный маяк в наступающей тьме, мелькало черное платье Элеоноры. Её фигура и лицо — расплывались, теряя четкие очертания, и тонули в нарастающей туманной дымке. В висках застучал тяжелый, глухой молот — пульс, бешено ускорившийся, заглушающий все другие звуки. Последнее, что он успел подумать, прежде чем тьма поглотила его полностью, было ощущение жгучего стыда — упасть здесь, сейчас, при ней, при них всех... и панический вопрос: *«Что со мной?!»*

Леди Элеонора как раз заканчивала фразу. Ровный голос резал тишину гостиной: *«...следовательно, инвестиции в угольные шахты Йоркшира требуют не только капитала, но и безупречного контроля за...»*. Щелк. В сознании сработал внутренний детектор, куда более точный, чем любой прибор в лаборатории младшего Элмвуда. Взгляд, отточенный годами наблюдения за малейшими изменениями в мимике, дыхании, пульсации вен, мгновенно сместился с управляющего на Джулиана.

Цвет лица, только что игравший здоровым румянцем на его скулах, сбежал, оставив кожу мертвенно—серой. Обычно ясные, насмешливые серо—голубые глаза, всегда искрящиеся азартом или иронией, помутнели, словно их заволокло грязным льдом. Они смотрели сквозь пространство, не фокусируясь, стеклянные и пустые. Молодой человек сидел неестественно прямо, застыв в своей позе, будто статуя, внезапно пораженная ужасом. По его рукам, все ещё сжимающим пустой хрустальный стакан, пробежала мелкая, неконтролируемая дрожь — как у птицы, попавшей в силки. И главное — дыхание. Оно было поверхностным, частым, хватаящим воздух короткими, судорожными рывками, с едва слышным, но ледящим душу хрипом на вдохе. Звук, напоминающий ржавую пилу по кости.

Весь её мир, все расчеты, цифры, планы — мгновенно испарились. Под ледяной маской графини Монтегю, столь привычной и надежной, вспыхнул первобытный ужас. Он обжег горло изнутри, как глоток кислоты. Девушка резко оборвала управляющего, который, раскрыв рот, пытался что—то пробубнить про вагонетки:

— Мистер Элмвуд? — Голос прозвучал громче и резче обычного, словно взрезая тишину лезвием по шелку, привлекая внимание всех присутствующих. В нем не было привычной сдержанности — только сталь и тревога. — Вы неважно выглядите. Вам дурно? —

Джулиан медленно, с мучительным усилием, повернул голову в её сторону. Взгляд скользнул по женскому лицу, пытаясь поймать фокус, но не смог. Губы, обычно складывающиеся в дерзкую ухмылку или язвительную усмешку, беспомощно шевельнулись. Он пытался что —то сказать, сформулировать хоть слово, но вместо звуков из горла вырвался лишь хриплый, прерывистый стон — звук утопающего. В последний миг ясности он увидел её изумрудные глаза. Не привычный холод аналитического ума, не светскую маску вежливой отстраненности, а настоящую, неистовую тревогу и искренний, человеческий ужас. Этот взгляд стал последним образом в стремительно сужающемся мире.

Потом пространство вокруг бешено закружилось, накренилось под невозможным углом. Звуки — возгласы гостей, потрескивание камина, голос Элеоноры — ушли, словно их заглушили ватой, погрузив в звенящую, нарастающую пустоту. Затем наступила тьма. Хрустальный бокал выскользнул из его бессильных пальцев и разбился о дубовый паркет с пронзительным, режущим звоном, похожим на крик. Джулиан рухнул вперед, как подкошенный, тяжело ударившись плечом о край стола, прежде чем безжизненно сползти на пол.

Тишина. Не просто пауза, а гробовое, ошеломляющее безмолвие, накрывшее гостиную тяжелым саваном. Его нарушали лишь треск дров в камине — вдруг ставший оглушительно громким — и тот самый жуткий, прерывистый хрип, вырывавшийся из груди Джулиана. Он звучал как предсмертный рапорт угасающей жизни. Потом тишину взорвал хаос:

— Боже милостивый! Что это?! —

— Господи, что с ним?! —

— Обморок? —

— Воды! Кто—нибудь, воды! —

Элеонора мгновенно оказалась рядом с ним, опустившись на колени на холодный паркет. Она не обращала внимания на суету гостей и заломы на дорогом бархате платья. Движения девушки были лишены паники — напротив вооружены быстрыми, точными, отточенными знаниями. Пальцы с ледяной скоростью нащупали пульс на шее — под кожей бешено, как у загнанной птицы, билась тонкая, нитевидная волна. Слишком частый. Она приподняла веко — зрачок был огромным, черным, почти поглотившим радужку. Он вяло, с запозданием сужался под резким светом люстры. *«Отравление. Симптомы... стремительные. Бледность, цианоз (губы синеют), угнетение дыхания, тахикардия, мидриаз... Цианид? Никотин? Аконит?»* — пронеслось в её голове с безумной, нечеловеческой скоростью, сметая все остальное.

Она сорвала с его шеи галстук. Решительными действиями расстегнула верхние пуговицы рубашки, освобождая горло и грудь. Без колебаний резко ударила пострадавшего по щеке — звонкая, оглушительная пощечина, призванная вернуть Джулиана в сознание.

— Господа помогите! — голос, резкий, командный, прорезал панику, как сирена. В нем не было просьбы — только приказ. — Ему нужна немедленная медицинская помощь! Дыхание нарушено! —

Сэр Генри Элмвуд, лицо которого секунду назад пылало багрянцем негодования по поводу «неуместного поведения» и «срыва важного собрания», мгновенно побледнело, как мел. Все его важность, гнев, напускное величие сдулись, обнажив растерянного, испуганного старика. Он ринулся вперед, сметая стул на своем пути. Дорогие туфли скользили по паркету. Джеймс последовал за ним. Его безупречная респектабельность треснула, как фарфоровая маска, обнажив шок и беспомощность. В глазах читался ужас и какое-то детское непонимание.

— Джулиан?! Сын мой! Что случилось?! — Голос сэра Генри дрожал, срываясь на хрип. Он упал на колени рядом с Элеонорой, схватив Джулиана за плечи, тряс его, будто пытаясь вытряхнуть из забытья. — Очнись! Джулиан! Говори! —

— Отравление, — холодно, как хирург, констатировала Элеонора, поднимаясь. — Чай! Крепкий! Сюда! Быстро! —

Слуги бросились выполнять приказ. Графиня с помощью сэра Генри и Джеймса приподняла Джулиана. Когда чай подали, она, крепко сжав его челюсть, влила в безвольный рот три стакана: «*Танин...* — лихорадочно ворошились мысли, — *должен осадить алкалоиды, не дать им всасываться дальше...*»

Затем она осторожно развернула его, поднесла черенок ложки к корню языка и надавила. Тело Джулиана содрогнулось в мучительном спазме, последовала рвота. После этой изматывающей судороги он тяжело моргнул и обмяк, полностью отключившись. Голова сына бессильно упала на руки отца.

Изумрудные глаза, острые как скальпели, метнулись к осколкам разбитого бокала, к каплям воды на паркете. Затем стремительно просканировали комнату, выискивая того самого официанта. Его нигде не было видно. Исчез. «*Слишком удобно*», — промелькнула мысль.

— Ему нужен врач. Срочно в больницу Святого Варфоломея. У них лучшая токсикология и самое современное оборудование для таких случаев. Гривз! — Зов прозвучал, как удар грома, заставляя вздрогнуть даже самых растерянных гостей. Дворецкий появился в дверях мгновенно, словно материализовался из тени. Его лицо оставалось непроницаемой каменной маской самурая, но в глубине темных глаз вспыхнула искра экстренной готовности. Он уже оценил ситуацию одним взглядом.

— Карету! Четверкой! — Приказала хозяйка, чеканя слова, как пули.

Сэр Генри и Джеймс поднимали обмякшее тело Джулиана, за ними поднялась Элеонора. Её лицо было воплощением ледяного, безупречного спокойствия — щитом против хаоса. Но внутри бушевал ураган. Бешеный гнев за покушения *здесь*, в её доме, смешался с леденящим страхом за дерзкого, неудобного, талантливого человека, который... стал чем-то важным в её жизни. Безжалостный, молниеносный анализ складывал факты в чудовищную картину.

Холодный изумруд прекрасных глаз, как отравленный кинжал, скользнул по лицам гостей и остановился на матери. Леди Изабелла стояла в стороне у камина. Оставаясь в тени, она вела себя слишком тихо. Не проявила ни капли волнения, ни искры человеческого сочувствия. На её лице, обрамленном седыми локонами, читалось лишь глубокое, почти зловещее удовлетворение, а в глазах, устремленных на уносимого мужчину, горел странный, торжествующий огонек. Как будто мгновение назад здесь произошла не трагедия, а долгожданное исполнение плана.

«Этим же взглядом вы провожали отца, матушка?» — пронеслось в голове Элеоноры. Однако на этот раз мысль была наполнена смертельной, ледяной угрозой. Она сжала руки в кулаки так сильно, что острые ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы на безупречной коже. Детали мозаики начинали складываться в чудовищную, неоспоримую, расчетливую попытку убийства.

Она проводила взглядом Элмвудов, уносящих Джулиана, а затем медленно, с ледяным достоинством, обвела взглядом потрясенных, перешептывающихся гостей. В гостиной снова воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь удаляющимся стуком копыт по мостовой и стуком её собственного сердца в ушах.

— Господа, — произнесла леди Сент—Клер. Тихий голос зазвенел в тишине, как удар хрустального колокола, не оставляя места для возражений. — Собрание, по очевидным и трагическим причинам, объявляется закрытым. Гривз проводит вас к выходу. — Она спешно удалилась прочь. Ход игры изменился. Кто—то перешел черту, и графиня Монтегю намеревалась наказать виновного. Холод в её изумрудных глазах был глубже арктических льдов. Он гарантировал, что расплата будет неотвратимой и страшной. Тишина в гостиной стала осязаемой, тяжелой, как предчувствие бури.

Тусклый рассвет за окнами палаты больницы Святого Варфоломея казался отражением состояния Джулиана. Ему ещё раз дали рвотное средство — сироп ипекакуаны (распространенный рвотный корень). И сейчас он лежал неподвижно, бледный, как мраморная статуя на фоне грубых больничных простынь. Только слабый и ровный подъем груди под одеялом свидетельствовал о жизни. Воздух пах лекарствами и тишиной, нарушаемой мерным тиком часов.

Дверь палаты приоткрылась бесшумно. Первой вошла Элеонора. Она выглядела безупречно, как всегда — черное платье, волосы убраны в строгую прическу. Но тени под глазами, глубже обычного, и легкая бледность выдавали бессонную ночь. За ней, словно мрачные тени, втиснулись Джек Хопкинс, Эллен Брайт и Томми О'Лири. Лицо Джека было красным не только от привычного ворчания, но и от подавленного волнения. Эллен закусила губу, её пальцы нервно теребили уголок платка. Томми, обычно такой вертлявый, стоял притихший, с огромными глазами, полными немого вопроса: «Почему?». Они замерли у порога, пораженные видом своего обычно неугомонного коллеги, лежащего без сознания и сил.

— Доктор, — голос Элеоноры, тихий, но не допускающий возражений, разрезал тишину. К ней подошел молодой врач с усталым лицом. — Как он? —

— Графиня, Мистер Элмвуд перенес тяжелое отравление. Токсикологический анализ крови наиболее соответствует отравлению *Hyoscyamus niger*, — ответил врач.

— Белена? —

— Приятно удивлен вашей осведомленности. Верно. Доза... — врач сделал паузу, — была смертельной. Скорое вмешательство позволило избежать худшего исхода. Сейчас пациент стабилен, но состояние остается тяжелым. —

Элеонора слушала, размышляя: «В больших дозах белена действует почти мгновенно. Значит отравителем мог быть только один из гостей на собрании. Но в этом нет никакого смысла. Все знают, что у сэра Генри два сына, однако Джулиана многие видели впервые. Учитывая его род занятия, он крайне редко сопровождает отца. Да, и зачем травить младшего, который не имеет прямого отношения к деятельности отца?». Мысли тревожным роем путались в голове: «Кто же хотел погубить тебя?»

Не замечая задумчивости графини, врач продолжал говорить. Он пытался убедить девушку, что сделает всё возможное для мистера Элмвуда. Не успел он договорить, как вздрогнул: собеседница одним резким движением остановила его.

— Благодарю вас, доктор. Прошу оставьте нас. — Врач кивнул, понимая, что с этой женщиной спорить бесполезно. Он вышел.

Элеонора жестом велела команде остаться у двери и подошла к кровати. В палате остались только они двое — она и спящий Джулиан. Шум города за окном казался далеким и нереальным. Она почти обрушилась на жесткий стул у изголовья, словно ноги внезапно отказали. Её всегда безупречная, как стальной прут, осанка дрогнула, выдав невидимую дрожь, пробежавшую по спине.

Взгляд, тяжелый от непролитых слез, скользнул по бледному, почти восковому лицу Джулиана, задержавшись на: резкой линии скулы, подчеркнутой тонким, как паутинка шрамом, неестественно длинных темных ресницах, безжизненно лежавших на мертвенно—бледной коже, пересохших, потрескавшихся губах, шепчущих беззвучные слова боли. Рука в черной перчатке, холодная даже сквозь материал, непроизвольно потянулась, инстинктивно желая укрыть, защитить — поправить одеяло. Но замерла в нескольких сантиметрах, будто наткнулась на невидимую стену. Прикосновение стало бы кошунством, нарушением хрупкой границы этого мира, где царили только боль и беспомощный сон. Сердце сжалось в комок.

— Как же... — голос сорвался в шепот, хриплый, непривычно сдавленный. Собственные слова, всегда такие четкие и ровные, застряли в горле. Они звучали жалко, обращенные к глухим ушам. — Как же я была слепа. И вот оно наказание. — Печаль отозвалась острой болью в груди. — В прошлом я потеряла отца... Через год — мужа. Тогда я была не готова к этим потерям. И сейчас терять не готова... —

В уголках глаз заблестели слезы. Мысли невольно вернулись в день, когда произошел тот несчастный случай. Она сделала мучительный глоток воздуха, ощущая, как в горле колет сухость: *«Чувствую себя потерянной, как тогда с отцом...»* — Ресницы задрожали, как струна перед разрывом. — *Отец умер так внезапно... я не смогла ему помочь.* — Девушка сжала кулаки до боли в суставах, пытаясь выдавить из себя признание. — *Но тебе помочь я в силах...*

Элеонора резко сглотнула, чувствуя, как подкатывает тошнотворный ком отчаяния и ярости. Глаза жгло. Губы искривились в горькой усмешке. — Я не знаю, что произошло с отцом. Все что у меня есть — это предчувствие, что умер он не своей смертью... — Шепот окреп, стал пронзительным, как ледяная игла. — В этот раз я найду ответы... ради тебя... — её взгляд, только что туманный от боли, внезапно стал острым, стальным. Он загорелся мрачным, неумолимым огнем в сгущающемся полумраке комнаты.

Уходя, она бросила прощальный взгляд на больного друга. Губы зашептали, будто вонзая слова в его беспамятство. — Тебя не потеряю... Не потеряю... — В резком шепоте звенела нечеловеческая решимость, холодная, как лезвие. — Ты мне... — Она искала слово, чтобы описать то чувство, что пугало её своей силой. Губы дрогнули. — ...важен. — Концовка вышла коряво, но смысл её был ясен.

Странное чувство заполнило пространство, обернувшись тяжким грузом в больничной тишине и предательством собственного тела. Из—под темных ресниц, вопреки всей железной воле, выкатилась единственная слеза. Горячая, обжигающе живая, она проложила блестящий, искрящийся путь по мраморно—холодной щеке Элеоноры. Она ощутила её, как пощечину, как каплю расплавленного свинца. Девушка вздрогнула всем телом, словно кожей коснулась раскаленного металла. Рука в перчатке дернулась вверх с резким, почти звериным движением и, тыльной стороной, с силой, смахнула слезу. Графиня безжалостно рубила голову собственной слабости. И всё же на щеке остался едва заметный влажный след.

Уже в коридоре Элеонора мгновенно вернула себе безупречный вид и повернулась к команде. Взгляд скользнул по их обеспокоенным лицам: по Джеку, чьи кулаки были сжаты, по Эллен, смахивающей слезу, по Томми, пытающемуся выглядеть стойким. Душа девушка наполнилась теплом: *«У Джулиана есть верные друзья. Они его не оставят...»*.

— Это нападение на одного из агентов конторы. Уверена мистер Веббер с особым вниманием возьмется за это дело. — Голос зазвенел, как обнаженная сталь. — Однако покушение случилось в моем доме, а значит и расследование я беру под свой полный контроль. — Она

сделала шаг вперед. Её тень легла на порог палаты, где лежал Джулиан. — Тот, кто посмел принести яд в мой дом, посчитав, что может безнаказанно делать, что ему вздумается, чудовищно ошибся. Ему ещё предстоит узнать, какой из меня охотник! —

Работники типографии молча смотрели на графиню. Слова девушки их явно взволновали. Смотря прямо в изумрудные глаза, они кивнули, готовые оказать ей всякую посильную помощь.

— Томми, первым делом, необходимо узнать источник яда и найти слугу, что работал в тот день. Я передам тебе список. Надеюсь, мистер Хопкинс поможет тебе. Используй все доступные ресурсы. Я намереваюсь вытащить этого человека на Свет Божий, даже если мне придется перевернуть каждый камень в Лондоне. Они узнают, что значит разозлить «Мраморную Сирену»! —

Графиня бросила последний взгляд на дверь палаты Джулиана, после чего добавила: — Мисс Брайт, прошу останьтесь с ним... — её черное платье всколыхнулось, как знамя. — Если очнется... скажите ему, что леди вышла на охоту. И я не вернусь, пока не доведу её до конца. — Аура опасности веяла вокруг графини, подобно холодному пламени. Виновному, в её праведном гневе, можно было только посочувствовать.

Покинув больницу, Элеонора намеревалась сразу же направиться в поместье, но у кареты её ожидали. Сильнее закутавшись в черный бархатный плащ, она подошла ближе. Рядом с экипажем, отчасти скрытом в тени высокого фасада, стоял сэр Генри Элмвуд.

Барон выглядел очень уставшим. Его обычно надменное лицо было серым и обвисшим, а руки, сжимавшие цилиндр, мелко и беспомощно дрожали. Когда они оказались на достаточном расстоянии друг от друга, мужчина заговорил.

— Леди Сент—Клер, — голос громовой и повелительный, прозвучал хрипло и прерывисто. Он сделал шаг вперед, заслонив собой путь к дверце кареты. Элеонора остановилась, окинув внезапного собеседника холодным и непроницаемым взглядом. Она не сказала ни слова, просто позволила ему говорить. Сэр Генри сглотнул, с трудом подбирая слова. Гордыня, годами ковавшая его панцирь, с треском ломалась под грузом случившегося.

— Я дождался вас, чтобы... выразить свою признательность. За сына. То, что вы сделали... — Он замолчал, борясь с комом в горле. — Вы спасли ему жизнь. Когда все, включая меня, оказались растеряны, вы действовали. И за это я... в неоплатном долгу. —

Он выдохнул, и его плечи слегка поникли, будто с них сняли невидимую, но невыносимо тяжелую мантию. Элеонора молча кивнула, принимая слова старого барона. Лицо девушки не выражало ничего, кроме ледяной собранности и понимания.

— Вы ничем мне не обязаны, сэр Генри, — произнесла она ровным, лишенным эмоций тоном. — Я сделала то, что должен каждый на моем месте. —

— Нет! — Мужчина покачал головой с неожиданной горячностью. — Даю слово, что найду способ отплатить вам за добро. — В голосе звучала не просто формальная благодарность, а клятва. Клятва истинного аристократа, которая для него значила больше, чем любой юридический контракт. На мгновение холод в глазах Элеоноры дрогнул, уступив место признанию и принятию этой клятвы.

— Ваше слово принято, — сказала она тихо. — А теперь прошу вас простить меня. Есть срочное дело, что требует особого внимания. —

С этими словами графиня грациозно обошла его и поднялась в карету. Сэр Генри молча отступил, провожая девушку взглядом. Он стоял неподвижно, пока карета не тронулась с места и не скрылась из виду, увозя с собой «Мраморную Сирену», готовую к возмездью.

Знакомый кабинет на втором этаже левого крыла «Черной Магнолии». Как и всегда высокие стрельчатые окна выходили на засыпанный гравием внутренний двор. Поздний вечер.

Свечи на столе оплавившись почти до основания. В комнате пахло воском, старым деревом и чем—то ещё — неуловимо—горьким, миндальным, вьевшимся в тяжёлые портьеры.

Элеонора сидела в кресле, просматривая смету на следующий месяц. Несколько часов работы не прошли без следа, — глаза очень устали. Отложив бумаги, она встала и подошла к окну. Приближающаяся ночь завораживала. Непроизвольно ладони девушки коснулись холодного стекла. Вдали клубился лондонский смог, превращая луну в мутное, большое пятно.

Раздался едва слышный шелест — лёгкое движение воздуха. Комната наполнилась отчетливым ароматом сигар и коньяка, следом тёплая, тяжёлая ладонь легла ей на плечо. За спиной стоял Уильям. Его пальцы — крупные, с заметной дрожью, которой при жизни он не допускал, — жали ткань траурного платья. Элеонора замерла, не оборачиваясь. Мужчина наклонился. Горячее, прерывистое дыхание коснулось виска, затем опустилось ниже, к шее. Губы почти коснулись кожи там, где билась тонкая, синеватая жилка. Один миг, но он сдержался. Резко выпрямился, отпустил её плечо, сделал шаг назад. В тишине кабинета этот короткий, сдавленный выдох прозвучал как всхлип.

— Знаешь, — начал он. Голос мужа был низким и хриплым, словно из—под земли, — я всегда знал, что умру не своей смертью. — Он усмехнулся — Горько... Мне так горько, любовь моя... —

Элеонора хотела обернуться, но не смогла. Тело не слушалось, словно приросло.

— Ты не плакала... я видел... — продолжил граф. Его голос стал ближе. Звучал почти у самого уха. — Это было... правильно. Я не заслужил твоих слёз... — Он запнулся, и в тишине раздался глухой, сдавленный кашель. — Прости, что не смог защитить... — Голос его оборвался, словно нить.

— От кого? — прошептала Элеонора, наконец обретя дар речи.

Но ответа не последовало. Она резко развернулась. Кабинет был пуст. Только догорающая свеча дымила, оставляя на стене чёрный, маслянистый след. — Уильям! — крикнула она, в ответ услышав лишь, как эхо заметалось по высоким углам, не находя выхода.

Она проснулась от собственного голоса. Серый, скудный рассвет пробивался сквозь круглое закопчённое окно астрономической комнаты на чердаке. Вокруг — холодный камень, запах пыли и старых карт, металлический блеск окуляра телескопа, давно не использовавшегося по назначению. Настольная лампа под шёлковым абажуром горела всё так же ровно, как тогда, когда она забылась в кресле несколько часов назад. Элеонора медленно поднялась, чувствуя, как ноет каждый сустав. Рука сама потянулась к шее. То место, которого едва не коснулись губы мужа, горело, словно обожжённое.

— Однажды я узнаю... — Отгоняя видение, она подошла к гигантской доске, превращённой в поле битвы.

Булавка 1

Круг подозреваемых был не так велик, как могло показаться на первый взгляд. Элеонора, действуя с ледяной методичностью, приказала Гривзу составить поименный список всех, кто находился в Голубой гостиной в момент, когда Джулиану подали отравленный стакан. Всего — пятнадцать человек: десять гостей, включая её саму, сэра Генри, Джеймса, леди Изабеллу и других инвесторов с управляющими, и пятеро слуг, сновавших между столом и буфетной.

Графиня лично опросила каждого, не доверяя эту щепетильную миссию никому. Её изумрудные глаза, холодные и немигающие, сканировали лица, ловили дрожь в голосах, отмечали неестественные жесты. Она потратила на это несколько часов, сопоставляя алиби, проверяя, кто из слуг приближался к графину с водой, а кто оставался у стен. Результат оказался и обнадеживающим, и зловещим одновременно: прямое отравление Джулиану могли организовать только четверо.

Первыми в этом мрачном квартете стояли сэр Генри Элмвуд и его старший сын Джеймс — отец и брат жертвы, имевшие доступ к напиткам и место за столом. Однако после их откоро-

венного, полного искренней паники и растерянности, поведения, а также разговора около больницы Святого Варфоломея, Элеонора вычеркнула обоих. Она помнила, как сэр Генри, потрясённый до глубины души, сжимал руку сына. Джеймс же, бледный и растерянный, не мог скрыть ни ужаса, ни чувства вины — но вины не убийцы, а человека, допустившего роковую оплошность. Мотивов для покушения на младшего брата и сына у них не было. А значит, осталось двое. Сбежавший официант — безликая тень, — и её родная мать.

Какой бы удушающей ни была власть этой женщины над прошлым Элеоноры, какой бы ледяной ни оставалась пропасть между ними — Изабелла Вэнхольм оставалась её матерью. Кровь, пусть и отравленная ложью и амбициями, была общей в их жилах. Элеоноре стоило неимоверных усилий сохранить объективность и холоднокровие, вписывая это имя в свой список подозреваемых. Она не смотрела на мать сквозь призму детских обид или дочерней любви — только сквозь увеличительное стекло улик и мотивов. И мотив у леди Изабеллы был: Джулиан Элмвуд угрожал её абсолютному контролю над дочерью.

С трудом подавив внутреннее содрогание, графиня приняла решение. Она не могла позволить себе слепоту. Поэтому, помимо прочего, распорядилась установить за матерью негласное наблюдение — через Гривза и проверенную прислугу. Каждый шаг леди Изабеллы, каждый её разговор, каждый выход из комнаты отныне должны были фиксироваться. Элеонора понимала: если виновна окажется мать, это разорвёт её душу. Но если она промолчит и не проверит — это предаст всё, во что она верила. Охота только начиналась, и её первой жертвой могла стать собственная кровь.

Булавка 2

Подозрения, словно ядовитые ростки белены, пробились на свет почти мгновенно, едва утренний туман начал таять под первыми лучами солнца. В ближайшее утро, когда парк ещё цеплялся за прохладные объятия ночи, окутанный серебристой, осязаемой дымкой, сквозь которую с трудом пробивался бледный, нерешительный рассвет, Элеонора прогуливалась с матушкой. Леди Изабелла была закутана в дорогую шерстяную накидку цвета голубого льда — нарочито скромного покроя, что лишь подчеркивало её аристократическую статью и привычку к роскоши, не выставляемую напоказ, но ощутимую в каждой детали. Дамы размеренно вышагивали по гравийной аллее, где каждый камешек, казалось, был уложен с геометрической точностью, свойственной истинно английским садам. Хруст гравия под ногами звучал успокаивающе — монотонно, нарушая тишину, в которой, однако, не было покоя.

Поза Изабеллы была образцом невозмутимости — прямая спина, чуть приподнятый подбородок, руки, сомкнутые на муфте из чернобурки, — словно она искренне наслаждалась утренним променадом. Но Элеонора знала эту маску слишком хорошо. Под вуалью, прикрывавшей её собственное лицо от случайных взглядов и утренней росы, таилась ледяная сосредоточенность. Каждое движение матери, каждый вздох, каждая, казалось бы, небрежная фраза тотчас же фиксировались её острым, как скальпель, умом, складываясь в общую картину, где не было места случайностям.

— Последние дни ты стала тише прежнего, Элеонора, — нарушила молчание леди Изабелла. Её голос звучал ровно, почти ласково, но в этой ласке сквозила привычная стальная нотка. — Хотя понять можно. Не представляю, как бы я вела себя, случись такое в моем доме. — Она сделала выразительную паузу, давая ядовитому намёку пропитать утренний воздух, и затем, словно невзначай, поинтересовалась: — Как чувствует себя мистер Элмвуд? Всё ещё восстанавливается после того... досадного происшествия? —

— Лучше, — коротко ответила Элеонора, не позволяя себе лишних слов. — Благодарю, что спросили. —

— Его состояние... — Изабелла слегка наклонила голову. Взгляд из-под полей шляпы стал задумчивым, почти мечтательным, — напомнило мне об Эдгаре. —

— Об отце? — Элеонора не смогла скрыть лёгкого удивления. В голосе её впервые за утро промелькнула живая, неподдельная нота. — Ты не говорила о нём с самых похорон. —

— Хэээ... — выдохнула матушка. Этот вздох был долгим, полным той искусной, отрепетированной горечи, которую трудно отличить от истинной скорби, если не знать актрису. — Последние дни жизни он часто жаловался на сердце. Я умоляла его пойти к лекарю, но Эдгар... твой отец... всё откладывал. *«Пустяки, Изабелла, всего лишь усталость»*, — говорил он, а сам бледнел с каждым днём, и круги под глазами становились всё глубже. — Она замолчала, глядя куда—то вдаль, на покрытые утренней изморозью лужайки. — Эта чудовищная болезнь забрала его так внезапно. Так... безжалостно. —

Элеонора задумчиво кивнула на слова матери. Однако мысли её, подобно ртути, скользили совершенно в ином направлении: *«Жаловался на сердце? Откладывал визит к врачу?»*. Вслух же графиня Монтегю произнесла лишь то, что требовали приличия: — Он ушёл слишком рано. И слишком тихо. —

Леди Изабелла не ответила. Она лишь крепче сжала муфту и ускорила шаг, оставив дочь на несколько мгновений позади — одну на гравийной аллее, под бледным, ещё не успевшим согреть землю солнцем. И в этом одиночестве, среди спящего парка и едва уловимых запахов сырой земли и увядающих листьев, Элеонора вдруг с новой, пугающей ясностью осознала: смерть отца, скоропостижную кончину мужа и отравление Джулиана — связывала нить.

Булавка 3

Слова, сказанные матерью тем утром, впились в сознание Элеоноры, как заноза, — не смертельно, но с каждой минутой всё глубже, всё болезненнее. Очевидно, что леди Изабелла, по—своему, пыталась её утешить. Или, по крайней мере, создать видимость материнского участия. Но в сказанном было нечто, что никак не укладывалось в картину мира, выстроенную острым умом графини.

«Отец часто ездил в долгие экспедиции, — мысленно перебирала Элеонора слова матери, шагая по знакомым коридорам «Черной Магнолии» после прогулки. — Человека с плохим здоровьем никак не могли допустить до столь трудного дела. Матушка никогда не говорила о причине смерти отца — ни тогда, ни позже. Ни слова о слабом сердце, ни о каком—либо недуге. А теперь вдруг эти жалобы, этот отложенный визит к лекарю... Стоит проверить. Стоит проверить её слова о состоянии отца».

Решение созрело не сразу. Оно выкристаллизовывалось в тишине ночного бдений, когда Элеонора, оставшись одна в кабинете, перебирала старые письма и отчёты, пытаясь отыскать хоть какую—то нить, ведущую в прошлое. И когда рассвет очередного серого лондонского утра окрасил небо в свинцовые тона, она знала, куда направится сегодня.

Блумсбери. Уоберн—уок, 18. Кабинет доктора Эверарда. 22 декабря 1851 год.

Старый дом на тихой улице Блумсбери хранил запахи вековых книг, йодоформа и сушёных трав. Кабинет доктора Эверарда — лечащего врача Эдгара Вэнхольма, находился на втором этаже, и Элеонора помнила эту лестницу с детства — крутую, скрипучую, с потёртыми деревянными перилами. Сколько раз она поднималась по ней, зажимая ладошкой разбитую коленку или ссаженный локоть, а добрый доктор, немолодой уже тогда, усаживал её на кушетку, промывал ранку и, улыбаясь в пышные седые усы, приговаривал: *«Ну что, моя юная леди, опять покоряли вершины?»*

Сегодня она поднималась по этой лестнице с иным чувством. Не боль от ушиба, а ледяная тяжесть многолетних подозрений сжимала грудь. Дверь в кабинет была приоткрыта. Элеонора постучала — три коротких, сдержанных удара.

— Войдите, — раздался из—за двери голос, хриловатый от возраста, но всё ещё твёрдый.

Она переступила порог. Кабинет почти не изменился: те же высокие стеллажи с медицинскими фолиантами в кожаных переплётах, тот же массивный письменный стол, заваленный

рецептами и банками с лекарствами, тот же запах — карболки, воска и чего—то сладковато—приторного, возможно, настойки опия, стоявшей на дальней полке. За столом, подняв голову от толстого журнала, сидел доктор Эверард.

Он постарел. Элеонора заметила это сразу: глубже стали морщины, рыжеватые некогда бакенбарды совсем поседели, а глаза, всегда такие пронизательные и добрые, потускнели, приобрели цвет усталого, выцветшего неба. Доктор же узнал её мгновенно.

— Графиня... — Он начал приподниматься, но Элеонора жестом остановила его.

— Прошу, доктор, не вставайте. — Она опустилась на стул напротив, положив руки на колени. Изумрудные глаза встретила его взгляд прямо, без тени смущения или просьбы о пощаде. — Вы знаете, зачем я пришла. —

Доктор Эверард тяжело вздохнул. Вздох этот был долгим, будто он выдыхал груз, который носил в себе долгие годы. Он отложил перо, снял очки в тонкой золотой оправе и принялся медленно, почти ритуально, протирать стёкла мягкой замшей. Тишина в кабинете стала густой, почти осязаемой. Лишь маятник настенных часов отсчитывал секунды с пугающей неумолимостью.

— Я знал, что однажды вы придёте ко мне, Элеонора, — наконец произнёс он. В голосе старика не было удивления, только глубокая, вековая печаль. — Знал с того самого дня, как подписал свидетельство о смерти вашего отца. —

— Выходит, мои подозрения... — Элеонора не договорила, давая ему возможность самому продолжить.

— Вы с детства были внимательной и умной леди. — Доктор надел очки и посмотрел на неё поверх стёкол. — Ваш отец... Генри... он приложил все усилия для этого. Читал вам вслух древних философов, учил отличать истину от лжи, видеть то, что другие стараются скрыть. — Он замолчал. Пальцы нервно забарабанили по столешнице. — Я не горжусь тем, что скрыл правду от вас. Не горжусь, что подписал те бумаги. Я понимаю, если вы пожелаете справедливости. Если захотите, чтобы меня лишили лицензии, отдали под суд... —

— Прошу, не надо, — перебила Элеонора. Голос её, обычно такой холодный, дрогнул едва уловимой нотой. — Отец доверял вам. Вы были его другом, а не просто лекарем. Вашего письменного признания будет более чем достаточно. Я не требую большего. —

Врач печально выдохнул. Плечи его поникли, словно невидимый груз, наконец, придавил его к земле. Он потянулся к верхнему ящичку стола, достал оттуда тяжёлый, перевязанный тесёмкой конверт и положил перед собой, но не раскрыл.

— Когда я готовил к похоронам вашего отца, — начал доктор тихим шёпотом, словно боясь, что стены могут услышать, — то обнаружил несколько... странностей. На его теле. — Пожилой лекарь поднял глаза на Элеонору. — Простите, графиня, это может быть неприятно. Вы уверены, что хотите... —

— Не волнуйтесь, — перебила она. Зазвучала сталь, та самая, что заставляла трепетать самых надменных аристократов. — Я готова. Говорите. —

Доктор Эверард кивнул, словно принимая её приговор, и медленно, будто вытаскивая иглы из собственного тела, начал перечислять:

— Расширенные зрачки. Неравномерные, почти не реагирующие на свет. Венозное полнокровие кожных покровов шеи и плечевого пояса — тёмные, застойные пятна, которых не могло быть при сердечной недостаточности. И... стойкая, мелкопузырчатая пена у отверстий носа. — Он сделал паузу, давая каждому слову впитаться в тишину кабинета. — Все эти признаки... характерны для отравления некоторыми растительными алкалоидами. Те, что вызывают паралич дыхательного центра и угнетение нервной системы. —

— Белена... — закончила за него Элеонора.

Голос её был тихим, ровным, почти безжизненным, как у человека, что слышит приговор, который уже давно вынесен в его собственной душе. Слова повисли в воздухе, тяжёлые, неопровержимые, как камни на могильной плите.

Доктор Эверард медленно кивнул. Его лицо было серым, измождённым, словно сама исповедь отняла у него последние силы.

— Да. Белена. Или, возможно, смесь с чем—то ещё — я не берусь утверждать наверняка, ведь вскрытия не проводилось, а токсикологические пробы... тогда никто не требовал. Но я видел достаточно, чтобы понять: ваш отец не умер от большого сердца. Его убили. —

Элеонора не шелохнулась. Сидела прямая, как мраморная статуя, её бледные пальцы сжимали ткань платья так сильно, что костяшки побелели. Только в глубине изумрудных глаз, в их непроглядной, ледяной зелени, зажегся огонь — холодной, ослепительной ярости, которую она сдерживала огромным усилием воли.

— Кто? — спросила она, хотя ответ уже знала.

Врач покачал головой, и в этом жесте было бессилие человека, который давно догадывался, но не смел произнести имя вслух.

— Я не могу утверждать наверняка. Не имею права. Но... — он посмотрел на конверт, лежащий перед ним, и подвинул его к Элеоноре. — Здесь всё, что я смог вспомнить. Мои записи, мои свидетельства, мои... сомнения. Возьмите. Делайте с ними что считаете нужным. —

Элеонора взяла конверт. Он был тяжёлым — не столько бумагой, сколько грузом правды, которую она теперь должна была нести.

— Благодарю вас, доктор, — произнесла девушка, вставая. — Вы поступили честно. Ныне, когда время упущено, когда все улики остыли... ваше признание — единственное, что осталось. Этого достаточно. —

Она повернулась к выходу, но на пороге остановилась и, не оборачиваясь, добавила: — Я сохраню ваше имя в тайне. Вы не заслуживаете суда толпы. Только... пожалуйста, будьте осторожны. Тот, кто однажды отравил отца, может убрать случайного свидетеля. —

— Я стар, графиня, — тихо ответил доктор Эверард. — Мне немного осталось. Помнить... я буду помнить вашего отца. И молиться, чтобы правда восторжествовала. —

Элеонора не ответила. Она вышла в коридор, и тяжёлая дубовая дверь закрылась за ней с глухим, окончательным стуком. В руке она сжимала конверт, в котором лежала не просто бумага — в нём лежало доказательство убийства. Доказательство того, о чем она смела и предполагать.

Солнце, наконец, пробилось сквозь тучи, но его свет показался Элеоноре холодным, безжизненным — как и её собственное сердце, которое только что получило тяжелый удар.

Булавка 4

Тем временем по грязным, запорошенным снегом улицам беднейших кварталов носился Томми. Его огненно—рыжие вихры, как сигнальный флажок, мелькали среди толпы, а быстрые ноги, привыкшие к погоням и увёрткам, стучали по булыжникам. Он знал каждую подозрительную аптечную щель в Уайтчепеле. Искал старую Мэгги — «аптекарьшу от отчаяния», чья память была хроникой темных дел Ист—Энда. Нашел её, кряхтящую над ступкой в закопченной лавчонке, пахнувшей сушеными травами и крысиным пометом. Мальчишка с природным обаянием и энергией быстро разговорил старушку. Подробности же долгой беседы передал леди Элеоноре уже в типографии «Гриффин».

Стоя перед строгой графиней, Томми, едва отдышавшись, выпалил свой доклад. Его щеки пылали от мороза и волнения, а глаза победно горели: — Старушка Мэгги, мисс! — Начал он, пытаясь выровнять дыхание. — Помнит, как ломоту в своих костях, что пару недель назад к ней заходила важная дама! В добротном платье и лицом, скрытым за вуалью! Назвалась миссис Смит. — Юный разносчик газет презрительно фыркнул. — Говорила, мол, что

ей нужны корни белены. Для отвара от зубной боли⁶. — Томми вдруг замялся, сглотнув. Его взгляд метнулся к непроницаемому лицу Элеоноры. — Мэгги, не дура, заподозрила неладное. Но дама дала золотую монету, такую толстенькую! — Томми показал размер пальцами. — После чего пригрозила тихонько, да так что у старухи мороз по коже пошел! Та и продала ей сушеный корень белены. — Склонив голову, юный **О'Лири** замолчал.

— Ясно... — Элеонора сидела за массивным столом в «Гриффине». Слушая рассказ Томми, графиня непроизвольно сжала пальцы в тугой замок. За несколько дней, она мало продвинулась в деле. Попытка отравления слилась с её семейной драмой. С каждым шагом, с каждой новой деталью в голове начинал бушевать хаос. Внутреннее чутье, то самое, что помогло ей не раз, вопило неистовым набатом, заглушая голос разума, который ещё пытался найти рациональное объяснение.

— Мне стоит ещё раз всё проверить. — Скромный ответ прозвучал больше для нее самой, чем для Томми. Откинувшись на спинку стула, она устремила взгляд в пустоту за окном, где в ярком танце кружились снежинки. Голос звучал устало, но непоколебимо.

Булавка 5

Пока Элеонора продумывала следующий шаг, вернулась Мэри. Секретарь конторы одолела очередной светский рейд, скидывая мокрый от снега плащ. Её лицо, обычно игривое, сейчас было крайне серьезным.

— Леди Сент—Клер, — начала она тихо, подходя к столу. — Я была у леди Агаты Мелфорд. Той самой древней маркизы, которая помнит Наполеона и знает все сплетни до потопа. — Мэри имитировала старческий, но пронзительный шепот маркизы:

— *Милая моя, — пила она свой эрл грей, а глаза так и блестели, — драгоценная матушка нынешней графини... Она ведь встречалась с её супругом, графом Монтегю, незадолго до его печального ухода! Наедине. В каком—то салуне. Ох, многие тогда шептались, что у них роман! Прямо у неё под носом, представьте! Скандал назревал нешуточный! А потом... бац! И его светлость скоростижно скончался. Странное совпадение, не находите? Очень... очень странное.* —

Элеонора откинулась в кресле. Её пальцы сомкнулись на ручках. Новые нити сходились в одну точку с неумолимой точностью часового механизма. Она закрыла глаза, погружаясь в воспоминания того рокового дня, когда умер муж: «Скрип дубовой двери кабинета Уильяма. Его голос, раздраженный, доносящийся из—за порога. Закрытая дверь, что оставила Элеонору стоять в холле с чашкой остывающего чая, с холодком недоумения и плохого предчувствия под сердцем. Через полчаса, когда графская чета собралась на ужин, Уильям пожаловался на «боль» и ушел в кабинет... чтобы не вернуться...»

«Жаль, Фэрнсворт мертв...» — мысль пронеслась холодной искрой. «Непотопляемый» банкир, тот самый, кого Джулиан считал «надутым индюком», утонул в собственных интригах, оказавшись последним, кто мог бы пролить свет на скоростижную смерть бывшего компаньона. Элеонора открыла глаза. Шанс узнать что—то ещё был.

— Джек, — её голос резал тишину, как нож. — Заканчивайте с официантом. Я знаю ещё одного человека, кто может его найти... Запишите показания у старушки Мэгги. Мэри, — взгляд скользнул к секретарю, — леди Агате... стоит напомнить, что столь беззаботная откровенность ценится только в мемуарах. — Графиня встала. Черный силуэт словно стал выше и темнее в полумраке конторы. — И... — в голосе появился опасный, стальной оттенок, — узнайте, как сейчас поживает вдова Арчибалда Фэрнсворта. Даже мертвые банкиры иногда оставляют живые секреты. —

⁶ Корни белены, сваренные в уксусе или вине применяли для полоскания рта или прикладывания к больному зубу

Тишина больничной палаты в Святом Варфоломее была гнетущей, нарушаемой всё тем же мерным тиканьем часов на стене и ровным дыханием спящего Джулиана. Серый свет декабрьского утра, пробиваясь сквозь запотевшее окно, слабо освещал помещение, выхватывая из полумрака бледное лицо пациента на подушке и строгую, неподвижную фигуру у его изголовья.

Элеонора стояла как изваяние. Черное платье сливалось с тенями, сильнее выделяя холодный блеск изумрудных глаз, что был отчетливо виден в этом унылом свете. Она смотрела на Джулиана. Мужчина выглядел несравнимо лучше, чем в тот страшный вечер в Голубой гостиной. Смертельная бледность отступила, сменившись обычной, для выздоравливающего, слабостью. Щеки слегка порозовели, дыхание стало глубоким, без тех ужасающих хриплых рывков. Но он был хрупким, уязвимым. Жилистая рука, лежащая поверх одеяла, казалась слишком тонкой, а тени под глазами — слишком глубокими. Вид его спокойного сна, после всех кошмаров, вызывал в Элеоноре странную смесь облегчения и новой волны ледящего гнева.

Булавка 6

Дверь палаты открылась с едва слышным скрипом. Вошел главный токсиколог больницы. Человек сухой, как гербарий, и педантичный, как швейцарские часы. Его движения были точными, экономными, а лицо, обрамленное седыми бакенбардами, выражало лишь профессиональную сосредоточенность. В руках он держал папку с бумагами, а под мышкой — старую, потрепанную тетрадь в кожаном переплете.

— Графиня, — произнес он тихим, но отчетливым голосом, слегка склонив голову в формальном поклоне. Элеонора не ответила на приветствие, лишь слегка кивнула. Её внимание всецело принадлежало тому, что принес врач. Воздух в палате словно сгустился в ожидании.

Доктор подошел ближе, положил папку на тумбочку и открыл её. Внутри хранилось множество старой пожелтевшей бумаги, исписанной мелким, убористым почерком, до боли знакомым Элеоноре — почерк санитара, что готовил её мужа к похоронам.

— Как вы и просили, графиня, — начал токсиколог, понижая голос до шепота и бросая осторожный, быстрый взгляд на дверь, словно проверяя, не подслушивает ли кто. — Записи о состоянии сэра Уильяма Сент—Клера. —

Девушка едва заметно вздрогнула. Имя покойного супруга прозвучало, как приговор. Граф взял её в жены из своих корыстных побуждений, дабы потешить взвинченное «эго». Однако осудить его за это Элеонора не могла, ведь, в действительности, он любил её.

— Официальное заключение, вам известно — слабое сердце. — Указательным пальцем доктор заскользил по строчкам. — Знаю, что вы настаивали на вскрытии, но прочие родственники отказались его проводить. —

— Доктор, вы осматривали тело моего супруга. Прошу, скажите мне правду. —

— Нехарактерное, для классического инсульта, расширение зрачков. Аномальное количество слюны... — Он поднял глаза, снял очки и протер линзы платком. Его взгляд стал острым, пронзительным. — Очень напоминает действие определенных растительных алкалоидов. Вызывающих паралич нервной системы. Тот же механизм угнетения дыхательного центра. —

Элеонора не двигалась. Казалось, даже не дышала. Её лицо было маской из белого мрамора, где изумрудным ледяным пламенем горели драгоценные камни, впиваясь в старую бумагу.

— И... — мужчина сделал ещё одну паузу, более долгую. Он вернул очки на переносицу и посмотрел на Элеонору. — Боюсь, графиня... вы оказались куда более прозорливы. Симптомы схожи с апopleксией и сердечной недостаточностью, однако грубо было отрицать токсикологическое вмешательство. —

Ледяная рука сжала сердце Элеоноры. Не метафорически — физически. Острая, сковывающая боль пронзила грудь, заставив её чуть согнуться, опереться ладонью в черной пер-

чатке о холодный металл спинки кровати. Перед глазами, ярче серой больничной реальности, всплыли картины прошлого.

Волна ледящей ярости, смешанной со жгучим стыдом за свою былую слепоту, накатила на Элеонору. Она сжала пальцы так, что тонкая кожа перчатки натянулась на костяшках. Её взгляд, острый как бритва, метнулся от старых записей к лицу Джулиана. Тот мирно спал, не подозревая какую бездну ненависти и коварства раскопала его «Мраморная Сирена».

— Благодарю вас... — Голос прозвучал удивительно ровно, почти монотонно, но в нем стояла сталь, закаленная в горниле этой страшной правды. — Ваша профессиональная добросовестность... неоценима. — Она сделала шаг вперед. Тонкая тень упала на спящего Джулиана. — Прошу, сделайте копию. — Доктор лишь кивнул, понимая всю серьезность ситуации.

— Конечно, графиня. — Оценивающий взгляд врача ещё раз прошелся по больному. — Прогноз для мистера Элмвуда благоприятный. Слабость пройдет. Последствий, я полагаю, не будет. Но ему нужен покой. И... осторожность. — Последнее слово он произнес с особым ударением.

Элеонора кивнула, не отводя взгляда от спящего. Врач тихо вышел, оставив её наедине с тяжелой правдой и беззащитным сном того, кто чудом избежал участи её отца и мужа.

Уже будучи в палате одна, она подошла к окну. Сосредоточенный взгляд принялся рассматривать серые крыши Лондона, окутанные зимней мглой. В отражении на стекле её лицо было спокойным, бесстрастным. Но внутри бушевала буря. Охота была почти закончена. Девушка медленно повернулась. В изумрудных глазах мерцали слезы и непоколебимая решимость молчаливого мщения.

— Спи, мой милый друг... —

Булавка 7

Вдова Фэрнсворта встретила Элеонору в полумраке гостиной, укутанной в траурный креп, как в саван. Воздух был тяжел от ладана и несвежих цветов. Женщина казалась тенью былой роскоши — глаза запавшие, руки дрожали, обвисая в складках черного шелка.

— Арчи... — голос её сорвался в шепот, когда Элеонора, не тратя слов на соболезнования, осторожно коснулась темы последнего дня графа Монтегю. Вдова сжала платок так, что костяшки пальцев побелели. Страх боролся в ней с горечью и, возможно, запоздалым желанием справедливости. — В тот день... когда граф... — она выдохнула, глядя куда-то мимо Элеоноры, в прошлое. — Арчи вернулся от него... странный. Весь — как струна. Не страх... нет. Волнение. Лицо серое. Говорил... бормотал, что граф должен был вечером встретиться с кем-то *очень* важным... в том самом... уединенном месте. У Гайд-парка. В «Элизиуме». — Последнее слово она произнесла с отвращением, как будто это было логово змей. — Говорил, что это... переломный момент. Или конец. Я не поняла тогда... — Слезы, жгучие и бессильные, выступили на глазах. — А наутро... графа не стало. И Арчи... Арчи стал молчать. Бояться. Пока его самого... —

Элеонора подошла к вдове как можно ближе и положила руку ей на плечо. Девушка и сама уже больше полутра года носила траур, и только сейчас поняла, что совершенно не умеет утешать. Возможно, это лишь потому, что и её саму никто не утешил, когда она потеряла, пусть не любимого, но все-таки мужа. Из вежливости она ещё какое-то время пробыла в особняке Фэрнсвортов. Убедившись, что одинокая жена банкира успокоилась, скорее поспешила в Гайд-парк.

Булавка 8

Салон «Элизиум» встретил графиню Монтегю волной теплого, насыщенного ароматом дорогих духов и выдержанного коньяка, воздухом. Мягкий свет канделябров, бархатные портьеры, приглушенный смех из-за полуоткрытых дверей — здесь царил оазис роскоши и тайны. Элеонора вошла не как посетительница, а как судья, врывающийся на пир грешников.

Её появление заставило замолкнуть пару у стойки. Бармен замер, полируя бокал. Она была ледоколом, рассекающим тихую, мутную гавань иллюзий.

Хозяин, месье Леблан, материализовался словно из воздуха. Человек с лицом профессионального хранителя секретов — гладким, вежливым и абсолютно непроницаемым. Он скользнул к ней с безукоризненным поклоном.

— Графиня! Какая честь... Чем могу служить? — Голос его был как шелк, натянутый на лезвие. Элеонора не улыбнулась. Изумрудные глаза впились в него, сковывая холоднее зимней Темзы.

— Хочу знать всё, что случилось вечером, 3 мая 1850 год. —

Леблан слегка побледнел под слоем безупречного пудренного грима. Попытка отмахнуться замерла на его губах под тяжестью её взгляда. Он начал было стандартное: *«Конфиденциальность, мадам... Привилегия наших гостей...»*, но Элеонора лишь слегка наклонила голову. Рука в черной перчатке скользнула по стойке, оставив на полированном красном дереве несколько банкнот крупного номинала. Она не произнесла ни слова. Не нужно было.

Леблан вздохнул, тихий, почти неслышный звук капитуляции. Он огляделся и наклонился ближе: — Тем вечером... Его светлость арендовал «Обсидиановый кабинет». Он был... очень зол. — Хозяин салуна понизил голос. — Пил «Арманьяк» 1811 года. Ожидал гостя. Очень... тревожно ожидал. —

Элеонора не двигалась, лишь её пальцы слегка сжались. Леблан нервно провел языком по губам.

— Гость... пришел поздно. Это была дама, что скрывала лицо под густой вуалью... — Он сделал паузу, собираясь с духом. — Но я... *узнал её*. — Маленький жест рукой, изобразил плавную, властную поступь. Леблан закрыл глаза на мгновение, вспоминая. — Когда она снимала перчатку, чтобы заплатить за дополнительную бутылку коньяка... Заметил кольцо на мизинце левой руки. — В глазах читался ужас перед тем, что он скажет. — С большим, почти идеально круглым *черным жемчугом* Такое... есть только у одной дамы в Лондоне. — Он посмотрел на Элеонору с немим извинением и глубоким страхом.

Воздух в салуне, казалось, кристаллизовался. Тепло ушло, сменившись полярным холодом, исходящим от неподвижной фигуры графини. Леблан поспешно продолжил, торопясь выложить все:

— Они пробыли внутри около часа. Граф вышел первым... А мадам... — Он замолчал, ища слова. — Вышла минут через пять. Оплатила счет золотом... и ушла. На следующее утро... — мужчина не закончил, заголовки газет в тот день были красноречивее слов.

Элеонора не дрогнула. Снаружи она была воплощением спокойствия, но внутри бурлил вулкан. В ответ на откровение хозяина заведения графиня лишь медленно, с достоинством, кивнула. Изумрудные глаза, казалось, поглотили весь свет, став темными, бездонными омутами, где зрела буря возмездия.

— Благодарю вас, месье Леблан, — её голос прозвучал ровно, низко, как гул далекого грома. В нем не было ни угрозы, ни благодарности. — Вы оказали... неоценимую услугу правосудию. — Мужчина не взял деньги со стойки. Они были уже не нужны. Паутина постепенно сплеталась в узор. Отравленные пряди мертвенно тянулись к одному человеку. Элеонора развернулась и вышла в сгущающиеся лондонские сумерки. Дверь за ней закрылась с тихим шелчком, отсекая мир роскоши и тайн. Лондон встретил же с грохотом экипажей, криками разносчиков, гулом жизни, но девушка его не слышала. В ушах стояла глухая, звенящая тишина. Тишина перед бурей, знаменующей гром битвы. Возмездие обретало свою цель, имя и форму.

Булавка 9

Томми и Джек работали не покладая рук. Проверив весь список, они выяснили, что официантом, подавшим стакан с водой и исчезнувшим сразу после отравления, был Джонатан

Блейк, однако разыскать его местоположение не смогли. Указанное в анкете место проживания оказалось поддельными. Даже универсальная сеть уличных слухов не дала результата.

— Гривз, — голос, тихий, как скольжение тени по камню. Дворецкий бесшумно возник из полумрака, готовый к служению. — Свяжись с Эдмундом. Скажи, чтобы нашел для меня Джонатана Блейка. Когда найдет, пусть доставит в «серую комнату» на складе у Темзы. —

— Слушаюсь, госпожа. — Гривз лишь чуть склонил голову. Его каменное лицо не дрогнуло, но в глазах промелькнуло понимание.

«Серая комната» — место для особо деликатных и неофициальных допросов, где стены не имели ушей. И она оправдывала свое название. Это был голый бетонный куб, лишенный окон, где каждый шум отдавался глухим эхом. Стены, потолок, пол — все сливалось в безликое, давящее пространство. Разбавляли картину: единственный стул, брошенный посередине, как остров в пустоте, и слепящая лампа, заливающая центр комнаты безжалостным, режущим светом. Все остальное тонуло в густых, почти осязаемых тенях. Воздух стоял тяжелый, пропитанный запахом старой пыли и сырости, вьющейся в бетон, с отчетливым, горьковатым смрадом страха.

Джонатан Блейк сидел на стуле, в самом эпицентре этого светового круга ада. Он дрожал мелкой, непрекращающейся дрожью, как осиновый лист на ветру. Его костюм, когда—то чистый, теперь был мятым, с грязными пятнами на коленях. Капли пота стекали по вискам, оставляя грязные дорожки на бледном, как мел, лице. Перед ним, скрытая в полумраке, но владеющая всей комнатой, сидела Элеонора. Она восседала в простом, но прочном кресле, как темное, неподвижное воплощение возмездия. Строгий костюм сливался с тенями. Ледяной блеск изумрудных глаз выделялся в свете лампы.

У стены, за её спиной, сливаясь с бетоном, как естественное продолжение, стоял сэр Эдмунд. Его мощная фигура казалась монолитом. Лампа отбрасывала тень — огромную, искаженную, угрожающую. Она нависала над Блейком, готовая обрушиться в любой момент.

— Мистер Блейк, — зазвучал голос графини. Он был на удивление мягким, почти бархатистым, однако в глубине, словно застыл стальной сердечник, отражая неумолимую твердость. — Уверена, вы прекрасно понимаете, почему вас пригласили в столь... неофициальную обстановку. Мне известно, что совсем недавно вы совершили нечто ужасное. — Она сделала микроскопическую паузу, позволяя слову повиснуть в зараженном страхом воздухе. — Едва не погубили человека, добавив в его стакан сок белладонны. —

Блейк затряс головой с безумной энергией, его скулы болезненно задвигались. Бормотание вырывалось сквозь сжатые зубы — бессвязный поток отрицаний, «не я», «не знаю», «ошибка». Элеонора не шевельнулась. Не повысила голоса. Она лишь плавно подняла руку в черной перчатке — изящный, почти небрежный жест. Однако это был сигнал. Эдмунд сделал один тяжелый, гулкий шаг вперед. Его реальная тень слилась с проекцией на стене, накрыв Блейка целиком, поглотив жалкую фигурку. Воздух словно сгустился, — стало трудно дышать.

— Не смейте отрицать, — голос потерял бархат, став холодным, как лезвие скальпеля. — Не думайте, что я затащила вас сюда, не имея на то веских оснований. — Блейк вздрогнул всем телом, будто от удара током. Кровь отхлынула от лица, оставив его землисто—серым, как стены вокруг. Пальцы вцепились в края сиденья стула, костяшки побелели. — Сейчас у вас только два выбора, мистер Блейк, — продолжила девушка, отчеканивая каждое слово. — Рассказать мне всю правду, без утайки, и получить шанс выжить. Или... — Она намеренно оборвала фразу. Её взгляд, безжалостный и оценивающий, скользнул к Эдмунду. Взгляд помощника, тусклый и неумолимый, как взгляд хищной птицы, довершил мысль. Или — признание. Или — конец.

Давление стало физически невыносимым. Казалось, бетонные стены сдвигаются, свет лампы прожигает кожу, а тень Эдмунда душит. Что—то внутри Джонатана Блейка с громким, незримым треском сломалось. Плечи обвисли, голова упала на грудь, а затем резко дернулась вверх.

— Я не хотел вредить этому человеку! Да, я его даже не знаю! — Выдохнул он хрипло и сдавленно, тут же захлебываясь в рыданиях. — Когда увидел, как та дама, что—то подливает в графин сразу же хотел сообщить... Но она заплатила мне... и много. — Слезы, мутные и обильные, хлынули из глаз, смешиваясь с потом и грязью на щеках, оставляя блестящие, отвратительные дорожки. — Она... она дала мне 10 фунтов стерлингов! Сказала... — Он всхлипнул, а тело сотряс спазм. — Сказала, чтобы я молчал! — Его рыдания, грубые и отчаянные, заполнили комнату, отражаясь жалким эхом от стен. — Я не знал! Клянусь всеми святыми, не знал, что это яд! —

Элеонора оставалась неподвижной статуей. Ни один мускул не дрогнул на её безупречном лице. Только изумрудные глаза, сузившиеся до щелочек, сверлили сломанного человека.

— Флакон видел? — Голос вновь стал ровным, лишенным всякой интонации.

— Да! Маленький... из толстого стекла... как... как из—под дорогих духов! — Выпалил Блейк, торопясь, словно боясь, что голос предательски дрогнет. — С серебряной крышечкой! — Он задыхался, вымученно глотая воздух.

Графиня на долю секунды перевела взгляд на Эдмунда, сделав почти незаметный кивок. Когда же он вернулся к Блейку, в нем не было и тени надежды или снисхождения. Только лед. Изумрудные глаза прищурились ещё сильнее, в них мелькнуло что—то острое, ядовитое. Лицо Блейка превратилось в маску ужаса. Слезы мгновенно застыли. Кровь, только что прилившая к лицу от рыданий, снова отхлынула, оставив мертвенную бледность. Глаза округлились, полные панического отрицания.

— Не надо... — он прохрипел, едва шевеля губами. — Я же вам всё рассказал... — Он не смог договорить, запутавшись в собственном страхе. Приговор был очевиден. Спасения не было. — Графиня! —

Элеонора вышла на свежий воздух, следом за ней появился Эдмунд. Какое—то время они стояли в тишине, наслаждаясь прохладой ночного ветра: — Отвези его в контору мистера Веббера, — Голос Элеоноры снова стал гладким и бесстрастным. — Пусть дожидается там окончания расследования. Под усиленной охраной. —

Эдмунд молча двинулся вперед, вставая рядом с девушкой: — Рад, что вы наконец обратились ко мне, графиня, — произнес он негромко. — Честно говоря, уже не надеялся. Больше года прошло со смерти графа. Я думал... вы предпочли бы действовать без... такой тени, как я. —

Элеонора повернулась к нему. Во мраке ночи её изумрудные глаза казались почти черными, бездонными: — Вы ошиблись, сэр Эдмунд, — ответила она ровно. — Времена меняются. Те немногие, кто был верен моему мужу, решили остаться рядом со мной. Рада, что они столь же преданы мне, как и ему когда—то. —

— Его светлость был для меня больше, чем работодатель, — тихо согласился помощник. В его голосе, несмотря на внешнюю сдержанность, прозвучала странная, почти личная нотка. Он смотрел не на Элеонору, а куда—то в темноту за её плечом, словно видел там давно минувшие дни. — И вы, графиня... — он запнулся, словно слова застревали в горле, — вы заслуживаете уважения и вечной преданности. —

Элеонора уловила эту мимолетную ноту. Что—то теплое, почти неуместное в голосе этого сурового человека. Но она не стала ничего додумывать, приписав это чувство к одним из многих отголосков его давней преданности графу.

— Я ценю это, — сказала она. — А сейчас, прошу вас, займитесь Блейком. И проследите, чтобы в конторе Веббера его встретили как положено. Никаких послаблений. Даже если он — лишь пешка. —

Эдмунд кивнул. Его фигура, огромная, как скала, на мгновение замерла, словно он хотел сказать что—то ещё. Внимательный взгляд на миг задержался на бледном, безупречном профиле, на тени усталости под глазами, на жесткой линии сжатых губ. В душе шевельнулось дав-

нее чувство, спрятанное глубоко под коркой профессиональной отстраненности. Он помнил тот день, когда впервые увидел её. Свадебный бал в «Черной Магнолии». Ей было девятнадцать. Она стояла рядом с графом, холодная, величественная, с глазами, в которых не было ни капли счастья. И тогда, посреди фальшивого блеска и притворных улыбок, он — солдат, видевший смерть и предательство, вдруг почувствовал укол чего-то острого, невыносимого. Он понял, что это чувство будет с ним навсегда. И что никогда, ни единым словом, ни единым жестом он не выдаст его. Особенно теперь, когда она стала ещё более неприступной, свободной и желанной для других.

— Будет исполнено, — только и сказал Эдмунд, подавляя тяжелый вздох. Затем резко развернулся и тяжелой, грузной походкой направился обратно в «серую комнату», откуда уже доносились приглушенные всхлипывания Блейка.

Элеонора осталась одна. Холодный ночной воздух, пропитанный запахом Темзы и гниющих водорослей, коснулся её лица. Она глубоко вдохнула, пытаясь выветрить из легких вонь страха и унижения, пропитавшую «серую комнату». *«Верность, — подумала она. — Интересное слово для такого человека, как Эдмунд».* И тут же память, как киноплёнка, прокрученная назад заботливой рукой,хватила другое лицо. Другое время.

Томми и Джек работали не покладая рук. Проверив весь список прислуги, они выяснили, что официантом, подавшим стакан с водой и исчезнувшим сразу после отравления, был Джонатан Блейк. Однако разыскать его местоположение не смогли — указанное в анкете место жительства оказалось поддельным, а универсальная сеть уличных слухов, на которую так полагался Томми, впервые дала сбой. Мальчишка метался по Ист—Энду, выпрашивая у знакомых торговков, шарманщиков и ночных сторожей, но Блейк словно сквозь землю провалился. Джек Хопкинс, в свою очередь, обшарил все портовые кабаки и ночлежки, но тщетно. Стало ясно: беглец умел замечать следы.

— Гривз, — голос Элеоноры прозвучал тихо, как скольжение тени по камню. Дворецкий бесшумно возник из полумрака, готовый к служению. — Свяжись с Эдмундом. Скажи, чтобы нашёл для меня Джонатана Блейка. Живым и способным говорить. Когда найдёт, пусть доставит в «серую комнату» на складе у Темзы. —

— Слушаюсь, госпожа. — Гривз чуть склонил голову. Его каменное лицо не дрогнуло, но в глазах промелькнуло понимание. Он знал, что Эдмунд — бывший телохранитель покойного графа, человек с тёмным прошлым и безграничной преданностью — справится там, где пасуют даже лучшие сыщики Скотланд—Ярда.

«Серая комната» — место для особо деликатных и неофициальных допросов, где стены не имели ушей. И она оправдывала своё название. Это был голый бетонный куб, лишённый окон, где каждый шум отдавался глухим эхом. Стены, потолок, пол — всё сливалось в безликое, давящее пространство. Разбавляли картину: единственный стул, брошенный посередине, как остров в пустоте, и слепящая лампа, заливающая центр комнаты безжалостным, режущим светом. Всё остальное тонуло в густых, почти осязаемых тенях. Воздух стоял тяжёлый, пропитанный запахом старой пыли и сырости, вьёвшейся в бетон, с отчётливым, горьковатым смрадом страха.

Эдмунд доставил Блейка в считанные часы. Как именно он его нашёл — осталось тайной, но, судя по сбитым костяшкам и помятой одежде арестованного, встреча была не из приятных. Джонатан Блейк сидел на стуле, в самом эпицентре этого светового круга ада. Он дрожал мелкой, непрекращающейся дрожью, как осиновый лист на ветру. Его костюм, когда-то чистый, теперь был мятым, с грязными пятнами на коленях. Капли пота стекали по вискам, оставляя грязные дорожки на бледном, как мел, лице. Перед ним, скрытая в полумраке, но владеющая всей комнатой, сидела Элеонора. Она восседала в простом, но прочном кресле, как тёмное,

неподвижное воплощение возмездия. Строгий костюм сливался с тенями. Ледяной блеск изумрудных глаз выделялся в свете лампы.

У стены, за её спиной, сливаясь с бетоном, как естественное продолжение, стоял Эдмунд. Его мощная фигура казалась монолитом. Лампа отбрасывала тень — огромную, искажённую, угрожающую. Она нависала над Блейком, готовая обрушиться в любой момент.

— Мистер Блейк, — зазвучал голос графини. Он был на удивление мягким, почти бархатистым, однако в глубине, словно застыл стальной сердечник, отражая неумолимую твёрдость. — Уверена, вы прекрасно понимаете, почему вас пригласили в столь... неофициальную обстановку. Мне известно, что совсем недавно вы совершили нечто ужасное. — Она сделала микроскопическую паузу, позволяя слову повиснуть в заражённом страхом воздухе. — Вы едва не погубили человека, добавив в его стакан сок белладонны. —

Блейк затряс головой с безумной энергией, так, что скулы болезненно задвигались. Борьмотание вырывалось сквозь сжатые зубы — бессвязный поток отрицаний, «не я», «не знаю», «ошибка». Элеонора не шевельнулась. Не повысила голоса. Она лишь плавно подняла руку в чёрной перчатке — изящный, почти небрежный жест. Однако это был сигнал. Эдмунд сделал один тяжёлый, гулкий шаг вперёд. Его реальная тень слилась с проекцией на стене, накрыв Блейка целиком, поглотив жалкую фигурку. Воздух словно сгустился, — стало трудно дышать.

— Не смейте отрицать, — голос потерял бархат, став холодным, как лезвие скальпеля. — Не думайте, что я затащила вас сюда, не имея на то веских оснований. — Блейк вздрогнул всем телом, будто от удара током. Кровь отхлынула от лица, оставив его землисто-серым. Пальцы вцепились в края сиденья стула, костяшки побелели. — Сейчас у вас только два выбора, мистер Блейк, — продолжила девушка, отчеканивая каждое слово. — Рассказать мне всю правду, без утайки, и получить шанс выжить. Или... — Она намеренно оборвала фразу. Её взгляд, безжалостный и оценивающий, скользнул к Эдмунду. Взгляд помощника, тусклый и неумолимый, как взгляд хищной птицы, довершил мысль. Или — признание. Или — конец.

Давление стало физически невыносимым. Казалось, бетонные стены сдвигаются, свет лампы прожигает кожу, а тень Эдмунда душит. Что-то внутри Джонатана Блейка с громким, незримым треском сломалось. Плечи обвисли, голова упала на грудь, а затем резко дёрнулась вверх.

— Я не хотел вредить этому человеку! Да, я его даже не знаю! — выдохнул он хрипло и сдавленно, тут же захлёбываясь в рыданиях. — Когда увидел, как та дама что-то подливает в графин, сразу же хотел сообщить... Но она заплатила мне... и много. — Слёзы, мутные и обильные, хлынули из глаз, смешиваясь с потом и грязью на щеках, оставляя блестящие, отвратительные дорожки. — Она... она дала мне 10 фунтов стерлингов! Сказала... — Он всхлипнул, а тело сотряс спазм. — Сказала, чтобы я молчал! — Его рыдания, грубые и отчаянные, заполнили комнату, отражаясь жалким эхом от стен. — Я не знал! Клянусь всеми святыми, не знал, что это яд! —

Элеонора оставалась неподвижной статуей. Ни один мускул не дрогнул на её безупречном лице. Только изумрудные глаза, сузившиеся до щёлочек, сверлили сломанного человека.

— Флакон видел? — Голос вновь стал ровным, лишённым всякой интонации.

— Да! Маленький... из толстого стекла... как... как из—под дорогих духов! — выпалил Блейк, торопясь, словно боясь, что голос предательски дрогнет. — С серебряной крышечкой! — Он задышался, вымученно глотая воздух.

Графиня на долю секунды перевела взгляд на Эдмунда, сделав почти незаметный кивок. Когда же он вернулся к Блейку, в нём не было и тени надежды на снисхождение. Только лёд. Изумрудные глаза прищурились ещё сильнее, в них мелькнуло что-то острое, ядовитое. Лицо Блейка превратилось в маску ужаса. Слёзы мгновенно застыли. Кровь, только что прилившая к лицу от рыданий, снова отхлынула, оставив мертвенную бледность. Глаза округлились, полные панического отрицания.

— Не надо... — он прохрипел, едва шевеля губами. — Я же вам всё рассказал... — Он не смог договорить, запутавшись в собственном страхе. Приговор был очевиден. Спасения не было. — Графиня! —

Элеонора вышла на свежий воздух, следом за ней появился Эдмунд. Какое—то время они стояли в тишине, наслаждаясь прохладой ночного ветра, пока позади, сквозь бетонные стены, доносились приглушённые всхлипы. Графиня глубоко вдохнула, стараясь выветрить из лёгких вонь страха и унижения.

— Отвези его в контору мистера Веббера, — голос Элеоноры снова стал гладким и бесстрастным. — Пусть дожидается там окончания расследования. Под усиленной охраной. И проследи, чтобы с ним обходились по—человечески — он всего лишь пешка, брошенная и трусливая. —

Эдмунд молча кивнул, но не спешил выполнять приказ. Он стоял рядом с девушкой, чуть позади. В его тени читалась не только готовность служить, но и давняя, скрытая боль.

— Рад, что вы наконец обратились ко мне, графиня, — произнёс он негромко, глядя в тёмную гладь Темзы. — Честно говоря, уже не надеялся. Больше года прошло со смерти графа. Я думал... вы предпочли бы действовать без... такой тени, как я.

Элеонора повернулась к нему. Во мраке ночи её изумрудные глаза казались почти чёрными, бездонными, но в них не было страха — лишь холодная признательность.

— Вы ошиблись, сэр Эдмунд, — ответила она ровно. — Времена меняются. Те немногие, кто был верен моему мужу, решили остаться рядом со мной. Рада, что они столь же преданы мне, как и ему когда—то.

— Его светлость был для меня больше, чем работодатель, — тихо согласился помощник. В голосе, несмотря на внешнюю сдержанность, прозвучала странная, почти личная нотка. Он смотрел не на Элеонору, а куда—то в темноту за её плечом, словно видел там давно минувшие дни. — И вы, графиня... — он запнулся, словно слова застревали в горле, — вы заслуживаете уважения и вечной преданности. —

Элеонора уловила эту мимолётную ноту. Что—то тёплое, почти неуместное в голосе этого сурового человека. Но она не стала ничего додумывать, приписав это чувство к одному из многих отголосков его давней преданности графу.

— Я ценю это, — сказала она. — А сейчас, прошу вас, займитесь Блейком. И проследите, чтобы в конторе Веббера его встретили как положено. Никаких послаблений. —

Эдмунд кивнул. Его фигура, огромная, как скала, на мгновение замерла, словно он хотел сказать что—то ещё. Внимательный взгляд на миг задержался на бледном, безупречном профиле, на тени усталости под глазами, на жёсткой линии сжатых губ.

В душе шевельнулось давнее чувство, спрятанное глубоко под коркой профессиональной отстранённости. Он помнил тот день, когда впервые увидел её. Свадебный бал в «Чёрной Магнолии». Ей было девятнадцать. Она стояла рядом с графом, холодная, величественная, с глазами, в которых не было ни капли счастья. И тогда, посреди фальшивого блеска и притворных улыбок, он — солдат, видевший смерть и предательство, — вдруг почувствовал укол чего—то острого, невыносимого. Он понял, что это чувство будет с ним навсегда. И что никогда, ни единым словом, ни единым жестом он не выдаст его. Особенно теперь, когда она стала ещё более неприступной, свободной и желанной.

— Будет исполнено, — только и сказал Эдмунд, подавляя тяжёлый вздох. Затем резко развернулся и грузной походкой направился обратно в «серую комнату», откуда продолжали доноситься приглушённые всхлипывания Блейка.

Элеонора осталась одна. Холодный ночной воздух, пропитанный запахом Темзы и гниющих водорослей, коснулся её лица. Она глубоко вдохнула: *«Верность»*, — подумала она. — *Интересное слово для такого человека, как Эдмунд*. И тут же память, как киноплёнка, прокрученная назад заботливой рукой, выхватила другое лицо. Другое время.

Это был апрель 1850 года. Элеонора пила чай в саду, любуясь зеленеющими мхами. В то время «Черная Магнолия» ещё не была её крепостью. Она была её позолоченной клеткой. Граф Уильям Сент—Клер — суровым партнёром и угрюмым, пожилым тюремщиком. Однако после того странного разговора на балу между ними что—то изменилось. Юная душа чувствовала это по нарастающей — мужчина, купивший её, как дорогую безделушку, прежде равнодушный и хозяйский, становился всё чаще задумчивым, почти изучающим. Иногда, отложив сигару, он подолгу смотрел на неё, когда она читала в кресле у камина. Его голос, обычно грубый и приказной, смягчался при взгляде на девушку.

Странности разнообразили обычное весеннее утро, когда Уильям обратился к супруге: — Идемте, графиня. Хочу показать вам отчёты по шахтам. Надоело обсуждать их с безмозглыми управляющими, которые видят в цифрах только жалованье. Посмотрим, что скажет ваш острый ум. —

Она пошла за ним в кабинет — в ту самую комнату, куда позже сама будет заходить, как полноправная госпожа и хозяйка. Тогда там пахло сигарами, выдержанным коньяком и мужским, властным присутствием. Они сели за стол, где уже были разложены громоздкие фолианты, отчёты и письма. Начался трудоёмкий рабочий процесс. Элеонора, забыв о страхе и неприязни, увлеклась. Показывала мужу нестыковки в объёмах добычи, завышенные расходы на крепёж, подозрительные суммы, уходившие в никуда. Просидели они до полуночи. И всё это время граф слушал её, не перебивая. В его глазах, освещённых пламенем свечей, горел не просто деловой интерес. Там было восхищение. И новое горячее, нетерпеливое чувство, которое он тщательно прятал за маской суровости.

В ту же ночь, когда она собралась уходить, он неожиданно резко произнёс: — Вы в действительности необыкновенная женщина, Элеонора. Редко судьба позволяет встретить подобный талант. —

Внезапная похвала удивила девушку. Больших усилий ей стоило не выдать мужу свои эмоции. На этот словесный выпад она не ответила, лишь слегка склонила голову, вышла. Однако сердце предательски заколотилось где—то у горла — от смеси недоумения и странной, запретной гордости. С тех пор они регулярно работали над бумагами вместе.

Спустя некоторое время Элеонора спешно поднималась по лестнице, направляясь к кабинету мужа. Они много работали, да так, что едва не упустили время обеда. Девушка прервалась, чтобы проверить дела на кухне и в малой столовой. Когда результат её удовлетворил, она поторопилась пригласить его к столу. Дверь оказалась приоткрыта. Элеонору это насторожило, ведь она плотно закрыла её, когда уходила. Судя по голосам, что доносились из помещения, Уильям был не один. Для юной графини спешка обернулась первой встречей с тем, кто позже стал одним из её преданных помощников.

Эдмунд стоял навытяжку. Лицо мужчины было сосредоточенно, как у солдата, получившего приказ. Граф расхаживал перед камином. Его голос, низкий и вибрирующий от сдерживаемой страсти, доносился обрывками:

— ...не доверяю никому из них. Ни её матери, ни этим стервятникам из Сити. Вокруг неё только волки в овечьих шкурах. Я... — он сделал паузу. Голос стал тише, но пронзительнее, — ...хочу, чтобы она была в безопасности. Не как моя собственность, Эдмунд. Как то, что я не могу потерять. Понял? Ты будешь её тенью. Её щитом. Даже если... — он не договорил, махнув рукой.

Элеонора, услышав эти слова, мягко, бесшумно отступила. Она не стала входить. Не из страха, что её увидят, а потому, что вдруг почувствовала острую, незнакомую боль в груди — смесь горечи и запоздалого понимания. Этот угрюмый граф, купивший её как вещь, вдруг оказался человеком, который боялся за неё. Который, возможно, начинал любить её той стран-

ной, собственнической, но всё же подлинной любовью. Возможно, единственной любовью, на которую был способен.

Она быстро развернулась и ушла к себе, так и не пригласив его на обед. Незаметно прошёл день. За окном разразился бурный, весенний ливень. Только услышав стук капель по стеклу, Элеонора вернула себе самообладание. Внимательно посмотрев на себя в зеркало, она направилась к мужу. В ту же ночь она консумировала их брак. А через несколько недель граф Монтегю был мёртв.

«Скоропостижный апоплексический удар», — написали в свидетельстве. Она, стоя тогда в холле и слушая, как сэр Эдгар Форсайт—старший, лицемерно вздыхая, выражает соболезнования, вдруг вспомнила тот разговор в кабинете. И слова мужа: *«Ты будешь её тенью. Даже если я...»* Он знал. Или предчувствовал. И оставил ей защитника. Эдмунда, который с той поры, невидимый, верный, помнящий свою клятву, следил за ней из тени.

Теперь, стоя у склада, Элеонора закрыла глаза на мгновение. Она вновь услышала голос мужа — не грубый и требовательный, а тот, другой, полный почти исповедальной откровенности: *«Я хочу, чтобы она была в безопасности... как то, что я не могу потерять»*. Её пальцы сжались. Граф Уильям Сент—Клер был далеко не святым. Он купил её, использовал, умер, оставив горы угля и крови на своих руках. Но в завещании, которое она прочла уже после похорон, не было ни слова о возврате приданого или опеке со стороны её матери. Был пункт, написанный его собственной рукой, твёрдым, размашистым почерком: *«Все права на управление состоянием и личную свободу переходят к моей супруге, леди Элеоноре Сент—Клер, графине Монтегю, без каких—либо ограничений и условий. Доверяю её уму. Её воле. Её праву быть собой»*.

Она не плакала тогда. Не плачет и сейчас. Но холод в груди, который, казалось, навсегда поселился после смерти отца, вдруг чуть оттаял. Граф дал ей не только титул и богатство. Он дал ей то, чего не мог дать никто другой: свободу.

— Прощайте, милорд, — прошептала она в темноту, открывая глаза. — Я оправдаю ваше доверие. И буду жить. По—настоящему. —

Графиня развернулась и быстрым, бесшумным шагом направилась к ожидавшей её карете, оставляя за спиной склад с «серой комнатой», Блейка, увозимого Эдмундом, и призрак прошлого, который, наконец, перестал быть проклятием.

Булавка 10

— Кора, — Элеонора повернулась к немой горничной, замершей у двери. В голосе ровном и ледяном, впервые за долгие месяцы прозвучала едва уловимая, но от того ещё более острая нота. Кора знала хозяйку с первых дней её замужества. Помня характер покойного хозяина, она сочувствовала юной графине, думая, что та просто сломается под тяжестью договорного брака, но оказалась права. Элеонора не позволяла себе быть слабой. Наблюдая со стороны, старшая горничная прониклась уважением к девушке, а после приняла, как единственную госпожу. Поэтому сейчас она не могла не распознать легкую дрожь. Её госпожа впервые проигрывала своим чувствам. — Ты единственная, кому я могу доверить подобное задание. —

Элеонора сделала паузу, сцепив пальцы в замок, чтобы скрыть эту предательскую дрожь, чтобы вновь стать женщиной, не знающей слабости. Она смотрела в окно, где за тяжёлыми шторами клубился лондонский смог и видела не серое небо, а лицо матери: её притворную улыбку, цепкие глаза и высокомерно вздернутый подбородок.

— Хочу, чтобы ты осмотрела спальню моей матери, — продолжила девушка, и последние слова прозвучали с ледяным, почти хирургическим ударением. — Скоро я предоставлю тебе возможность. Пока мы будем вдвоём бродить по рождественским лавкам, у тебя будет время. Я позабочусь, чтобы никто не вошёл. — Она наконец повернулась к служанке. В изумрудных глазах горел холодный, неумолимый огонь решимости, граничащей с отчаянием. — Найди то, что она привезла с собой. Флакон с серебристым колпачком. —

Кора, обычно непроницаемая, как мраморная маска, на мгновение задержала взгляд на лице хозяйки. В её глазах, тёмных и глубоких, как омуты, мелькнуло понимание — не просто приказа, а мольбы, закованной в сталь. Она не могла говорить, но её ответ был красноречивее любых слов: медленный, глубокий кивок, который означал и принятие, и клятву, и безмолвное *«я сделаю это, даже если мне придётся перевернуть весь дом»*. Кора знала цену молчанию — она сама была его воплощением, и теперь это молчание становилось её оружием. Охота за источником яда началась.

На следующее утро Лондон окутала промозглая, липкая пелена декабрьского тумана, смешанного с дымом из бесчисленных труб. Леди Изабелла Вэнхольм, облачённая в дорожную шубу из чернубурки и шляпку, украшенную перьями, излучала показное рождественское благочестие, смешанное с плохо скрываемым презрением к уличной суеде. Она взяла Элеонору под руку с видом собственницы, которая ведёт на поводке строптивую кобылицу, и увлекла её в вереницу праздничных лавок на Риджент-стрит. Воздух был напоён запахами жареных каштанов, корицы и гвоздики, но для Элеоноры всё это казалось лишь декорацией, за которой разворачивалась настоящая драма.

— Дорогая, неужели ты думаешь, что эти жалкие побрякушки могут сравниться с тем, что мы видели в Париже? — притворно вздыхала леди Изабелла, вертя в пальцах дешёвую стеклянную брошь. — Впрочем, для провинциального Лондона сойдёт. Ты ведь не забыла, что я жду от тебя достойного рождественского подарка? —

Элеонора вежливо кивала, роняя короткие, ничего не значащие фразы, но всё её существо было сосредоточено на одном: Кора сейчас там, в «Черной Магнолии», одна в комнате матери. Она представила, как немая горничная бесшумно скользит по коридорам, как её пальцы, привычные к тончайшей работе, касаются бархата, шёлка и дерева, ощупывая каждый шов, каждую щель. Элеонора мысленно молилась всем богам, которым не молилась уже много лет, чтобы Кора успела, чтобы её не застали врасплох, чтобы доказательство — если оно вообще существовало — не ускользнуло.

В гостевой спальне «Черной Магнолии» царила напряжённая, почти осязаемая тишина. Кора, призрак в собственном доме, проскользнула внутрь, закрыв за собой дверь с едва слышным щелчком. Замок мягко вошёл в паз — она сама смазывала его маслом накануне, зная, что сегодня ей понадобится бесшумность.

Комната дышала чужим присутствием. Воздух был густым от тяжёлого, приторного аромата духов леди Изабеллы — смесь фиалки и пачули, которую Кора ненавидела с первого дня знакомства с этой женщиной. Этот запах вьёлся в портьеры, в ковёр, в подушки, и теперь казалось, что сама комната наблюдает за ней с холодным неодобрением.

Кора действовала методично, с ледяной точностью хирурга, вскрывающего тело в поисках опухоли. Пальцы в тонких чёрных перчатках — специально надетых, чтобы не оставлять следов — ощупывали каждую шкатулку, каждый ящик комода. Она проверяла ложное дно, простукивала стенки туалетного столика, искала тайные пружины, которые могли открыть потайные отделения. Всё было безупречно — слишком безупречно, словно сама леди Изабелла знала, что её будут обыскивать, и подготовилась.

После заглянула в каждый карман дорожных чемоданов, перебрала аккуратные стопки белья — тонкий батист, кружева, шёлк, — но везде царил идеальный порядок. Раздражение, холодное и острое, как игла, начало колоть под рёбрами. Где? Она почти уже решила, что улика либо уничтожена, либо припрятана в другом месте, когда взгляд случайно упал на плинтус у тяжёлого резного изголовья кровати. Там, в месте стыка деревянных панелей, была едва заметная неровность — микроскопический зазор, который мог бы показаться случайным, если бы она не знала, что все плинтусы особняка подгонялись с ювелирной точностью ещё при графе.

Сердце замерло на один удар, а затем забилося с такой бешеной силой, что Кора испугалась, что его стук разнесётся по всему дому. Она присела на корточки, затаив дыхание. Осторожно, кончиками пальцев, поддела край плинтуса. Дерево поддалось с тихим, но отчётливым скрипом — звук показался ей оглушительным, хотя в пустой комнате он был едва слышен. Плинтус отодвинулся в сторону, открыв крошечную, пыльную нишу, забитую паутиной и вековой пылью.

И там, на бархатной пыли, лежал он.

Маленький, изящный, словно игрушечный, стеклянный флакончик — старинной работы, с тонким горлышком и серебряной крышечкой, украшенной филигранным узором, напоминающим переплетённые терновые ветви. Он был почти невесом, когда Кора взяла его в руки, и холод стекла проник сквозь перчатку, вызвав мурашки по спине. Флакон был почти пуст — лишь несколько капель густой, маслянистой жидкости янтарного цвета остались на дне, медленно перекатываясь, словно живое вещество.

Кора поднесла флакон к носу, преодолевая внутреннее отвращение. Сначала ничего — только сладковатый, приторный запах духов, которым леди Изабелла пыталась заглушить истинный аромат. Но затем, из глубины, из самой сути жидкости, пробился тот самый, знакомый до боли горьковатый запах — запах белены, запах, который Кора узнала бы среди многих других. Запах смерти, замаскированный под изысканность.

Ледяная волна триумфа смешалась с жгучей тошнотой. Кора сжала флакон в кулаке так сильно, что костяшки побелели. Доказательство. Оно было у неё в руках. Аккуратно, стараясь не оставить следов, вернула плинтус на место, тщательно стёрла пыль с краёв и проверила, чтобы стык выглядел так же, как прежде. Затем, пряча флакон глубоко в карман передника, она бесшумно выскользнула из комнаты, оставляя за собой лишь тонкий шлейф собственного спокойного дыхания.

В коридоре Кора остановилась на мгновение, прижавшись спиной к холодной стене. Её глаза, всегда такие невозмутимые, сейчас блеснули — не от слёз, а от ослепительной, почти болезненной ясности. Она знала, что это значит. Этот флакон — окончательно связывал леди Изабеллу с покушением на Джулиана.

Внизу, в холле, хлопнула входная дверь — вернулись Элеонора и её мать. Их голоса, приглушённые расстоянием, звучали как далёкий гул. Кора выпрямилась, поправила складки платья, надела на лицо привычную маску невозмутимости и бесшумно скользнула вниз по лестнице, чтобы встретить хозяйку. В её кармане лежало холодное стекло — улика, которая должна была разорвать паутину лжи или, возможно, стать началом конца.

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 25 декабря 1851 год.

Канун Рождества в поместье графини Монтегю, обычно дышавший холодным величием, сегодня был погружён в гнетущую, звенящую тишину. Лишь редкое потрескивание поленьев в камине да приглушённый, словно издали, перезвон колоколов церкви Святого Мартина нарушали мёртвый покой. За высокими окнами кабинета хозяйки дома кружились снежинки, призрачно отражаясь в тёмных стёклах, как воспоминания о прошлых празднествах, отравленных ложью. Воздух был густым, насыщенным запахом горячего воска, свежей хвои от скромной ели в углу и тяжёлым, удушающим напряжением, висевшим невидимой пеленой.

Леди Изабелла Вэнхольм вошла с видом королевы, милостиво снизошедшей до обсуждения прозаических деталей со своей непокорной дочерью. Платье из тёмно—бордового бархата было безупречным языком пламени, волосы уложены со скульптурным совершенством. Она опустила в кресло напротив массивного готического стола Элеоноры, острый взгляд с привычным презрением скользнул по аскетичному интерьеру, лишённому рождественского уюта.

— Ну, Элеонора, — начала она, поправляя кружевную манжету, — надеюсь, этот разговор будет недолгим. А твой подарок, — её губы тронула едва заметная усмешка, — будет достоин моего положения и тех значительных жертв, что я принесла ради твоего благополучия

и статуса. — В бархатном голосе звенела привычная нота упрёка, собственничества и абсолютной уверенности в своей правоте.

Элеонора, облачённая в глубокое траурное платье, казавшееся особенно мрачным и бескомпромиссным в этот сочельник, стояла у камина спиной к матери. Её профиль, резко очерченный языками пламени, напоминал старинную гравюру — прекрасную, бесстрастную и неумолимую. Она медленно повернулась. В изумрудных глазах не было ни праздничного тепла, ни тени дочерней почтительности. Только вековой, полярный лёд.

— Не волнуйтесь, матушка, — произнесла она тихо, но так, чтобы каждое слово падало в тишину, как капля воды, мгновенно застывающая на морозе, — он будет соответствовать всему, что вы совершили, и всему, что вы отняли. —

Она сделала несколько бесшумных шагов к столу. В кабинете воцарилась неестественная тишина. За тяжёлой дверью библиотеки покойного графа, почти сливаясь с тенями, затаился Шерлок Веббер. Его пронизательный взгляд, отточенный годами охоты за лжецами, фиксировал каждую интонацию, каждую дрожь в голосе леди Изабеллы, каждое движение её рук — улики, которые позже лягут в основу обвинения. А в потайной нише за дубовой панелью, скрытой от глаз, но не от ушей, стояли Гривз и инспектор Скотланд—Ярда Родерик Блэйн. Каменное лицо дворецкого было непроницаемо, но в глазах, привыкших к молчанию, читалась готовность действовать по первому знаку.

— Начнём с начала, матушка, — голос Элеоноры был ровным, холодным, методичным, как зачитываемый приговор. — В детстве я не понимала сколь сильно ты презирала «слабость» отца. Презирала его любовь к книгам и науке, а не к интригам и пустому блеску. — Она едва коснулась пожелтевшего листа на рабочем столе. — Незадолго до его смерти, мы читали книги в его кабинете, там я нашла этот документ. — Девушка швырнула лист к ногам матери. — Он узнал правду о твоих долгах. За то время, что отец был в экспедиции, ты успела растратить все фамильные средства, грозя разорением дому Вэнхольмов. —

Изабелла подняла листок — это была выписка из дневника Эдгара. Женщина бесстрастно взглянула на документ. Тем временем Элеонора продолжала: — Скрывая положение нашей семьи, ты начала брачные переговоры с графом. Отец сопротивлялся моему браку с Монтегю. Так ведь? —

Матушка молча наградила Элеонору холодным, пронзительным взглядом. В данный момент, слова дочери она восприняла, как неуместный приступ истерии. Однако девушка не сдавалась: — Он собирался продать второстепенные имения, чтобы спасти родовое гнездо, лишив тебя статуса и контроля надо мной. —

Следом Элеонора взяла заключение доктора Эверарда. — Яд... столь изысканный способ убрать препятствие со своего пути. Как удобно, когда молчание можно легко купить. Ты отравила волю моего отца, а потом — и его жизнь. —

Леди Изабелла фыркнула, но звук вышел резким, неестественным. В её глазах мелькнула искорка панического испуга, быстро подавленная волей.

— Извини, дорогая, но далее я не намерена слушать подобные бредни... Твой отец всегда был слаб здоровьем... Если ненависть не дает тебе трезво мыслить, то Лондон скоро будет зачитываться новостями о несчастной графине, что сошла с ума от потери мужа и одиночества. —

Элеонора проигнорировала выпад, едва сдерживаясь. Чтобы не смять лист в руке, она вернула заключение о смерти отца к другим документам. — Даже не смей упоминать Уильяма, после того, что сделала с ним! —

— Ох... Как грубо! Неужели и в его смерти обвинишь меня? —

— Может и обвиню! Граф был «блестящей» партией для девушки, что из перспективной невесты в одночасье стала бесприданницей! Став моим мужем, он дал мне титул, богатство, власть. Однако стал опасен. — Элеонора посмотрела прямо в глаза матери, — ведь он узнал,

что ты, используя связи с семьей графа, подделывала векселя и отмывала их через его знакомого банкира, Фэрнсворта. —

— С чего бы мне опасаться собственного зятя? После вашей свадьбы мы даже не встречались. —

— Сомневаюсь, матушка... — с особым акцентом Элеонора продемонстрировала ей показания вдовы Фэрнсворта и месье Леблана из салуна «Элизиум». — Когда Ульям прослышал о твоих махинациях, то назначил встречу дабы разрешить всё в мирном порядке. Ты встретила с ним тем же вечером. А на следующий день его не стало! —

— Клевета! — Закричала леди Изабелла. Её лицо исказила неконтролируемая ярость. — Грязные сплетники просто завидуют моему успеху! И ты — моя кровь и плоть! Поверила этой грязи?! Да, как смеешь?! —

Элеонора перебила, словно не слушая визгливый голос матери: — Я знаю, что это ты отравила Джулиана Элмвуда! — Голос девушки стал ниже, холоднее и твёрже. Она подняла со стола маленький, изящный стеклянный флакончик с серебряной крышечкой. Он ловил отсветы каминного пламени, играя зловещими янтарными бликами. — Прости, твоя дочь оказалась такой нетерпеливой. Она нашла «рождественский подарок» раньше времени. —

Зрачки глаз леди Вэнхольм сузились. Тем временем, Элеонора с горечью произнесла: — Отвар в этом флаконе был сделан из порошка белены, что ты купила в аптечной лачуге Уайт-чепела под фальшивым именем. Ты жаловалась на боли в горле и ноющий зуб, верно? Очень убедительно. — Элеонора положила рядом показания старой аптекарши Мэгги, записанные со слов Томми, показания Джонатана Блейка, что до сих пор сидел под стражей, а также заключение Пендлтон о концентрированном экстракте белены (был проведен сразу же после обнаружения флакона). — Я понимаю, что толкнуло тебя на убийство отца! На убийство моего мужа! Но совершенно не понимаю зачем убивать Джулиана!? — В голосе Элеоноры впервые прозвучала едва уловимая хрипотца, мгновенно подавленная. — Что ты не могла снести? —

Леди Изабелла задрожала. Не от холода, а от взрыва ярости и паники. Её бархатная маска благородного негодования и материнской обиды треснула и рассыпалась в прах. Вместо искусственных слёз в глазах зажегся дикий, неконтролируемый огонь патологической ненависти и мании величия. Она больше не играла. Монстр показал своё истинное лицо.

— Эдгар?! — Крик женщины был хриплым, безумным, рвущим тишину. — Слабый, жалкий дурак! Он губил нас своими дешевыми принципами! И разорил бы вконец! Он заслужил свою слабость! Заслужил тихую смерть в кресле! —

Она резко повернулась к столу, сметая документами на пол. Бумаги разлетелись белыми птицами.

— Монтегю?! — Губы женщины скривились в уродливый оскал, обнажая зубы. — Грубая, жадная скотина! Он посмел угрожать мне! И заплатил за это! — Дыхание сбилось. Матушке пришлось остановиться, чтобы вернуть прежнее самообладание.

— А мальчишка... — она выдохнула с бездонным презрением. — Нищий отпрыск баронета! Лишь выскочка, что посмел позариться на тебя! Он покусился на мою власть! Мое влияние! — Она сделала резкий шаг к дочери. Голос сорвался на визгливый, слюнявый шёпот, пропитанный патологической собственнической страстью и безумием: — Ты — моя, Элеонора! Моя собственность! Я создала тебя! Лишь благодаря мне ты стала графиней! А, без меня? Ты бы так и осталась ничем! Пылью под ногами! —

Её слова, дикие, откровенные, чудовищные, повисли в воздухе кабинета, став самым страшным и неопровержимым признанием. Звон рождественских колоколов снаружи, чистый и ликующий, внезапно усилился, заполняя пространство, контрастируя с ледяной пустотой, воцарившейся внутри после этого взрыва безумия. Элеонора едва заметно побледнела. Затем молча, медленно и значительно, перевела взгляд на дверь библиотеки. После печально склонила голову. Война разума и чувств была окончена.

— Гривз. — Потайная панель в стене бесшумно сдвинулась. Дворецкий вышел первым. Следом за ним появился инспектор Родерик Блэйн. Его лицо было строгим и непреклонным. Он слышал каждое слово — этого было достаточно, чтобы вынести приговор без долгих разбирательств.

— Леди Изабелла Вэнхольм, — произнёс инспектор твёрдым голосом, — вы арестованы за холоднокровное убийство Эдгара Вэнхольма, Уильяма Сент—Клера. Также вы обвиняетесь в покушении на мистера Джулиана Элмвуда. Прошу вас проследовать с нами без лишнего шума. —

Женщина замерла. Безумие и ярость в её глазах сменились полным шоком, затем ледяным, бездонным пониманием безвыходности. Она обвела взглядом кабинет, остановившись на дочери. Элеонора смотрела на неё с выражением, напоминающим мраморную маску. *«Поэтому тебя называют «Мраморной Сиреной», дочь моя... Ты красива, как греческая статуя и безжалостна, как боги, которых они изображают...»* — подумала Изабелла.

В следующее мгновение её величественная осанка сломалась, плечи ссутулились, а всегда гордая голова опустилась. Маска испарилась, оставив лишь пустую, злобную старуху в дорогом бархате. Констебли твердо взяли женщину под руки и увели. Её протесты, крики и проклятия быстро затихли, растворившись в длинных, тёмных коридорах. Звон рождественских колоколов, ликующий, чистый и всепобеждающий, заполнил опустевший кабинет.

Элеонора стояла неподвижно, не отрывая взгляда от двери кабинета. Её лицо оставалось безупречной маской. Лишь когда за окном повалил пушистый снег, она молча, но крепко обнял себя за плечи, давая опору. Девушка закрыла глаза, совершая один глубокий, содрогаящийся вдох. Охота закончилась. «Мраморная Сирена», наконец, обрела свою горькую, выстраданную свободу.

На столе, среди остатка разбросанных бумаг, лежал маленький, изящный флакон в серебряной оправе — самый страшный и последний рождественский подарок, который Элеонора получала от своей матери.

Белгрейв—сквер, 44. Поместье «Черная Магнолия». 1 января 1852 год.

Тишина в поместье стала иной. Глубокой и очищающей, как первый снег, что мягко укрыл сад за высокими окнами. Элеонора стояла у стекла, наблюдая, как белые хлопья кружат в мерцающем свете. Она похоронила не просто мать, а призраков прошлого, тяжким грузом лежавших на её душе весь прошлый год. Чувство освобождения, глубокой почти физическая усталость и странной, непривычной легкости, вынули осколок льда из неприступного сердца.

Тихий скрип двери нарушил безмолвие. Кора вошла с подносом. На нем дымился фарфоровый чайник, прелестно ловили блики тонкие чашки и лежала скромная рождественская открытка, украшенная акварельным рисунком от Мэри. С обратной стороны красивым подчерком (стараниями Эллен) была выведена цитата из Ветхого Завета: *«Открывай уста твои для безгласного и для защиты всех... Открывай уста твои для правосудия...»*

Элеонора взяла открытку. Уголки губ дрогнули в подобии улыбки. Ещё при первом знакомстве, она знала, что мистер Веббер по—особому выражает признательность. Точности его слов можно было позавидовать. Правосудие свершилось.

Кора удалилась. Но следом появился тот, кого хозяйка поместья не ожидала увидеть. На пороге стоял Джулиан. Ни тени слабости, ни бледности. Глаза — ясные, серо—голубые чуть приглушенные пережитым. Костюм — безупречной посадки, галстук, как обычно, завязан слегка небрежно.

— Графиня, — осторожный голос мужчины нарушил тишину. — Заглянул убедиться, что вы в порядке... — он сделал паузу. Взгляд скользнул по открытке в её руке, потом вернулся к нежному лицу.

Элеонора внимательно изучала внезапного гостя. Снежная белизна за окном обрамляла её строгий черный силуэт. Она проверяла его состояние, пока не встретила теплый взгляд.

Джулиан смотрел на девушку без сочувствия, скорее с пониманием, не пытаясь жалеть её. Что —то глубокое и молчаливое мелькнуло в изумрудных глазах — признательность.

Джулиан не выдержал этой тишины, этой хрупкой, почти осязаемой боли, что исходила от неё волнами. Он сделал шаг, другой, и прежде чем Элеонора успела что—либо сказать или отстраниться, его руки уже обвили её плечи, притягивая к себе. Она застыла на мгновение — статуя из мрамора, готовая рассыпаться от одного неверного движения. Но тепло мужского тела, надёжность его объятий сломали последнюю преграду. Девушка уткнулась лицом в широкую грудь, и из глаз хлынули слёзы — беззвучные, горячие, выплакивающие годы боли, предательства, одиночества и недавно пережитого ужаса разоблачения матери. Она не рыдала, не сотрясалась в истерике — лишь тихо, надрывно дышала, впиваясь пальцами в ткань его сюртука, как в единственную опору в рухнувшем мире.

Джулиан молча прижимал её к себе, чувствуя, как дрожит хрупкое тело, как бьётся маленькое сердце. Он не говорил пустых утешений, не шептал банальных фраз. В его голове билась только одна мысль, отточенная, как лезвие кинжала: *«Никогда. Никогда больше я не позволю никому причинить тебе боль. Ни матери, ни свету, никому бы то ни было. Клянусь тебе, Элеонора».*

Он гладил девушку по волосам, ощущая прохладу прядей цвета дубовой коры, и смотрел поверх её головы в заснеженное окно, где кружились первые хлопья нового года. На душе было горько и светло одновременно. Она плакала — и это значило, что она жива, что она чувствует, что она доверяет ему настолько, чтобы показать свою слабость. И это доверие было для него дороже любых слов.

Когда слёзы иссякли, Элеонора не отстранилась сразу. Она позволила себе ещё несколько мгновений просто стоять, прижавшись к его груди, слушая ровное биение его сердца. Потом медленно подняла голову. Её глаза покраснели, но в них уже не было той ледяной пустоты — лишь усталая, но спокойная благодарность.

— Спасибо, — прошептала она едва слышно.

Глава 5 Танцующая тень и потерянный кролик

Флит—стрит, 17. Контора Веббера: Консультанты по деликатным вопросам. 12 января 1852 год.

Рождественские огни Лондона погасли, словно уставшие светлячки. Январь вступил в свои владения, окутав город тонким, хрустящим одеялом снега. Он приглушил привычный грохот экипажей, превратил грязные кирпичи в сказочные декорации, а воздух — обычно густой и едкий — сделал холодным, колючим и на удивление чистым. Джулиан Элмвуд стоял у окна в своей лаборатории, наблюдая, как последние багровые отсветы заката умирают на заснеженных крышах. В руке он сжимал короткую записку от Веббера, даровавшую ему две недели неожиданного отпуска. Но мысли неутомимого сыщика витали далеко от перспектив безделья. Они целиком принадлежали ей.

«Она выстояла, — думал Джулиан. — Выстояла в той адской буре, что обрушилась на нее с разоблачением матери. Но какой ценой?»

Он видел Элеонору после ареста Изабеллы Вэнхольм — безупречную, ледяную, будто высеченную из черного мрамора. Ни слезинки, ни трещинки в маске сдержанности. Но Джулиан научился читать боль между строк её стойкой души: тень под глазами глубже обычного, чуть более резкие линии вокруг сжатых губ, едва уловимое напряжение в безупречной осанке. Юная душа графини, несмотря на всю титаническую силу, была изранена и потрясена до основания. Ей нужен был свет. Воздух. Передышка от каменных стен «Черной Магнолии» и призраков прошлого.

Именно этим и было продиктовано его письмо, отправленное на Белгрейв—сквер накануне вечером. Не официальное обращение, а лист плотной бумаги, исписанный быстрым, чуть небрежным почерком. Он предлагал бегство. Короткую поездку за пределы Лондона, в тихий уголок Камберлендских гор, графства Камберленд, где стоял старинный, уютный отель «Олдридж Мэнор», славящийся своим огромным парком с прекрасными озёрами, водопадами, спящими под слоем льда и снега, а также волшебной оранжереей, где даже в разгар зимы буяствовала жизнь.

«Просто сменить декорации, леди Сент—Клер, — писал он. — Увидеть небо без дыма, вдохнуть воздух без гари. Никаких дел, никаких тайн. Только... тишина. И, возможно, приятная компания, если вы не сочтете её обременительной...». В конце привычная подпись в виде инициалов «Д.Э.» — капля неформальности в океане условностей.

В связи с этим в кабинете графини царила привычная гробовая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в камине да тихим шорохом страниц. Элеонора сидела за своим массивным готическим письменным столом, но взгляд её был устремлен не в столбцы финансовых отчетов, а в высокое окно, где снежинки медленно кружили в сером свете зимнего утра. Перед ней, аккуратным квадратом, лежало письмо Джулиана. Пальцы, обычно такие уверенные и точные, слегка касались края листа, как бы проверяя его реальность.

«Передышка...» — мысль звучала непривычно, почти чуждо. Жизнь после ареста Изабеллы Вэнхольм превратилась в череду мрачных формальностей. Девушка методично разбирала и улаживала отвратительные дела матери. Холодные встречи с поверенными, бесконечные поездки в родительский дом, где каждая тень напоминали о лжи, о предательстве и той бездне, в которую чуть не рухнула её собственная жизнь. Осадок горечи, разочарования и глухой, невыплаканной тоски все ещё обжигал изнутри, как морозный ветер, проникающий сквозь самые толстые стены.

«Он прав, — призналась она себе с неохотой, отводя взгляд от заснеженного сада за окном обратно к письму. — Этот камень... он давит. Нужно... выйти из склепа. Хотя бы нена-

долго...». Взгляд упал на строки, написанные его размашистым почерком: *«Только тишина. И, возможно, компания...»*.

Компания Джулиана Элмвуда — человека, что смог подобраться к её душе, увидеть её слабость и боль, поддержать в трудный момент. Последнее отзывалось в сердце едва ощутимым покалыванием, будто в груди из—под снега пробивался хрупкий росток. Незнакомое чувство пугало своей новизной и притягивало одновременно.

Она взяла перо, обмакнула в чернильницу с густыми, черно—синими чернилами. На мгновение задумалась, глядя на чистый лист дорогой бумаги. Затем вывела четкие, безупречно сдержанные строки:

«Мистеру Элмвуду. Ваше предложение принято. «Олдридж Мэнор» представляется подходящим местом для восстановления сил. Прошу сообщить удобное для вас время отъезда. Графиня Монтегю, Элеонора Сент —Клер»

Письмо было предельно кратким, формальным, лишенным каких—либо эмоциональных нот. Внимательно перечитав сообщение, она позвонила в небольшой серебряный колокольчик. Бесшумно, как тень, появилась Кора. Графиня, не глядя, протянула ей запечатанный конверт. В глазах горничной мелькнуло одобрение. Она склонила голову и бесшумно удалилась, чтобы отправить послание с самым быстрым посыльным.

Где—то на окраине Лондона. 15 января 1852 год.

Дормез⁷ мчалась по укатанному снегу загородной дороги, оставляя за собой облако искрящейся снежной пыли. Внутри было тепло и уютно от медных грелок, укрытых толстым шерстяным пледом. Элеонора, с сопровождающей её служанкой, сидела напротив Джулиана, закутанная в роскошную, но не вычурную соболью шубу поверх строгого, теплого дорожного платья глубокого черного цвета с белыми лентами — небольшое, но значимое отступление от всепоглощающего траура. Её лицо было обращено к окну. Девушка наблюдала, как зимний пейзаж Камберленда разворачивался за стеклом: черные скелеты вековых дубов, укрытые белыми шапками, бескрайние холмы, искрящиеся под низким зимним солнцем, редкий дым, поднимающийся над крышами укрытых снегом ферм. В её позе читалось сосредоточенное созерцание.

Джулиан не стал докучать леди разговором. Он наслаждался редкой возможностью просто наблюдать за ней без необходимости поддерживать светскую беседу или анализировать улики. Лишь внимательно смотрел, как морозный румянец слегка тронул её бледные щеки, как взгляд изумрудов, обычно такой аналитически острый, смягчился, созерцая белизну нетронутых полей. Сейчас в этой тишине, наполненной ритмичным стуком копыт, сложилось свое глубокое умиротворение.

Спустя несколько часов езды, когда первые огни усадеб начали мелькать в сумеречных сугробах, Джулиан нарушил молчание. Не громко, так, чтобы не спугнуть царивший покой.

— Нравится вид? — спросил он, непринужденно, без обычной светской игривости или бравады. — Совсем иной мир, правда? —

Элеонора медленно повернула голову. В изумрудных глазах не было привычной ледяной глубины или оценивающей проницательности, лишь легкая задумчивость и отблеск заката.

— Он... чистый, — ответ был тихим, в меру скромным и лишенным привычной металлической твердости. — И дышится... легче. Природа гор совсем не похожа на Лондон. Здесь снег не успевает стать серым и унылым за час. —

— Да, — улыбнулся Джулиан. Серо—голубые глаза отражали последние лучи солнца. — Здесь он успевает просто растаять, уступив место новому. Надеюсь, в «Олдридже» он ещё лежит. Говорят, их парк под снегом выглядит, как иллюстрация к сказке. А оранжерея... — сыщик мечтательно прищурился, — ...там, по слухам, среди орхидей порхают настоящие рай-

⁷ Старинная дорожная карета специально приспособленная для дальних путешествий.

ские птицы. Хотя, — добавил он с легкой самоиронией, — возможно, это лишь рекламная уловка владельца, желающего привлечь скучающих аристократов. —

На тонких губах девушки дрогнуло что-то, отдаленно напоминающее улыбку — мимолетную и настоящую.

— Райские птицы или нет, — поддержала разговор Элеонора. В её голосе, впервые за многие недели, не было привычной тяжести, — но тепло, зелень и отсутствие необходимости анализировать чьи-то скрытые мотивы будут... приятным контрастом. — Она снова посмотрела в окно, на проплывающие мимо заснеженные поля. — Спасибо, мистер Элмвуд... за эту идею. —

Он кивнул, не требуя большего. Эти простые слова, это «спасибо», сказанное без привычной ледяной сдержанности, значили для него больше, чем любая пышная благодарность. Они означали, что её щит, пусть ненамного, но приоткрылся для него. В этом маленьком пространстве кареты, затерянной в зимних полях, они были просто Джулианом и Элеонорой.

Отель встретил их теплым, почти домашним величием. Старинный, безупречно ухоженный особняк из красного кирпича, частично увитый спящим плющом, утопал в пушистых сугробах. Окна светились уютным желтым светом, а дымок из труб вился в морозный воздух, обещая тепло внутри. Парк вокруг действительно казался заколдованным царством: вековые дубы и вязы, одетые в тяжелые снежные шапки, извилистые аллеи, едва угадывающиеся под белым покрывалом, замёрзшее озеро, сверкающее в последних лучах солнца, как гигантский отполированный серебряный поднос. Но истинной жемчужиной была оранжерея — огромный, изящный стеклянный павильон, примыкавший к восточному крылу дома. Даже снаружи было видно буйство зелени за стеклами, а из приоткрытой форточки струился теплый, влажный воздух, пахнувший землей, цветами и жизнью.

Их поселили в смежные номера на втором этаже с видом на спящий парк. Комнаты были обставлены со старинным комфортом: тяжелая, добротная мебель, пышные кровати с балдахинами из плотной ткани, глубокие кресла. Скрамный камин, в котором уже весело потрескивали дрова, наполняя комнаты запахом смолистого дерева. Отсутствие мрачной роскоши и напряженной деловитости действовало успокаивающе. Здесь чувствовался *покой*.

Во время легкого, изысканного ужина в уютной столовой с видом на заснеженный сад, они обменялись немногими, спокойными фразами о красоте места, после чего Джулиан предложил: — Прогуляемся до оранжереи? Говорят, вечером, когда зажигают фонари там особенно... волшебно. —

Элеонора в простом, но безупречно скроенном черном платье со вставками из темно-зеленого шерстяного крепа, подчеркивавшим цвет её глаз, кивнула. Во взгляде проснулся блеск живого интереса, почти детского любопытства.

— Да. С удовольствием. — Так пара медленно пошла по заснеженным тропинкам, пока не достигла маленького южного островка среди зимы.

Переступив порог оранжереи, они попали в иной мир, напоминающий вечное лето. Теплый, влажный воздух, насыщенный густыми, пьянящими ароматами цветов, спелых фруктов и влажной земли, обволакивал, как тропическое покрывало. Высокие пальмы и древовидные папоротники тянулись к стеклянному потолку, сквозь который уже проглядывали первые звезды на темнеющем зимнем небе. Цветущие лианы бугенвиллии, жасмина и пассифлоры свисали пышными гирляндами с арок и решеток. Повсюду буйствовали краски: огненно-алые гибискусы, нежные белые и лиловые орхидеи, причудливые желтые и оранжевые страстоцветы, яркие гроздья геликонии.

Вдоль центральной аллеи, среди зарослей, были расставлены изящные кованые фонари с матовыми стеклами. Их мягкий, теплый свет играл на глянцевых листьях, бархатистых лепестках и влажных камнях дорожек, создавая таинственныедвигающиеся тени. Где-то в гуще зелени журчал небольшой каскад, впадающий в прудик с кувшинками. И да, там были птицы

— не райские, но яркие, как живые цветы, попугайчики, перекликающиеся негромкими, мелодичными трелями.

— Боже... — вырвалось у Элеоноры шепотом, полным искреннего, неподдельного изумления. Она замерла на пороге, впитывая всей душой эту какофонию жизни, красок, запахов и звуков. Привычная сдержанность, её защитная броня растаяла, как снежинки на теплом стекле. Медленно, словно в трансе, девушка пошла по главной дорожке, осторожно касаясь бархатистых лепестков огромной темно—бордовой орхидеи. Она наклонилась, чтобы вдохнуть тонкий, сладковато—пряный аромат белоснежного жасмина. На её лице, освещённом мягким светом фонарей, расцвела настоящая, непритворная улыбка — редкая, как цветок папоротника, и столь же прекрасная. Зимняя скованность, тяжесть утрат и разоблачений, казалось, покидали её с каждым шагом в этом зеленом раю.

Джулиан шел рядом, наблюдая за преображением девушки. Его собственное сердце наполнялось теплом, более сильным и приятным, чем жар, исходящий от труб отопления. Он не говорил, не пытался комментировать, просто наслаждался моментом и редкой беззащитностью Элеоноры перед простой красотой мира.

— Это... — произнесла она, наконец, остановившись у небольшого прудика, где яркие карпы—кои лениво плавали среди кувшинок, а вода тихо плескалась о камни. Спутница повернулась к Джулиану, и в её изумрудных глазах, отражавших пламя фонарей и зелень растений, засветилось что—то новое — мир, покой, глубокая благодарность. — Это по—настоящему исцеляет, мистер Элмвуд. Спасибо, что привез меня сюда. — Он улыбнулся в ответ, отзываясь на восторг графини мягким снопом озорных искорок в глазах.

— Всегда рад быть вам проводником. — Тихий, вежливый ответ. — Особенно если это помогает. — Он сделал паузу, глядя на крупного золотого карпа, вынырнувшего на поверхность и схватившего упавшую травинку. — Вы заслуживаете тишины и всей этой неопишуемой красоты. Без всяких подвохов, тайн и скрытых смыслов. —

Она смотрела на него. Так в тишине оранжереи, под аккомпанемент журчания воды, птичьих трелей и далекого гула ветров, между ними укрепилась незримая, но прочная нить понимания и зарождающегося чувства. Оно было теплым, как воздух вокруг, и хрупким, как лепесток орхидеи. Их бегство от лондонского мрака и душевной стужи стало началом чего—то нового и невероятно ценного. Началом тихого диалога двух душ, нашедших друг друга.

Следующее утро в «Олдридж Мэнор» встретило их хрустальным морозом и ослепительным солнцем, отражавшимся от белоснежных полей. За завтраком в светлой, залитой зимним светом столовой, они обменялись легкими, ни к чему не обязывающими замечаниями о погоде. Сегодня в планах был осмотр окрестностей:

— Что скажете о прогулке по местной деревушке? Всего пару миль отсюда. Говорят, там милые лавочки и настоящий деревенский дух. —

Элеонора, чье лицо все ещё хранило отблеск вчерашнего покоя из оранжереи, кивнула. Легкий румянец играл на её щеках — следствие морозного воздуха и, возможно, внутреннего тепла.

— После вчерашнего лета, среди стекла, зимняя реальность будет кстати. —

На пороге отеля их остановил хозяин, мистер Арчер Локвуд. Мужчина лет сорока, подтянутый, с аккуратно подстриженными седеющими висками и внимательными, доброжелательными карими глазами. Он излучал спокойную уверенность, обращаясь к гостям, демонстративно поправляя твидовый пиджак.

— Доброго утра! Направляетесь в Литтл—Олдридж? Прекрасный выбор для утренней прогулки. Кстати, — добавил хозяин отеля с теплой улыбкой, — вечером в деревне будет небольшое представление для гостей и местных жителей. Акробаты, жонглеры и наша звезда,

Ирис Делан — танец с лентами. На центральной площадке, после захода солнца. Очень атмосферно при свете фонарей. Надеюсь, вы сможете заглянуть? —

— Звучит заманчиво, мистер Локвуд, — ответил Джулиан, чувствуя, как Элеонора, что стояла рядом, явно оживилась при упоминании представления. — Обязательно рассмотрим возможность. —

В этот момент из глубины холла появилась миссис Фиби Локвуд. Женщина, чуть моложе мужа, одетая с безупречной, но несколько холодной элегантностью. Её улыбка, адресованная гостям, была напряженной, словно вырезанной из бумаги. Резкие, светло—серые глаза быстро скользнули по Элеоноре и Джулиану, словно оценивая.

— Арчер, не задерживай гостей, — произнесла она ровным голосом, лишенным теплоты мужа. — У них планы. Наслаждайтесь деревней! — Безразлично кивнув гостям, хозяйка лишь на мгновение задержала взгляд на Элеоноре с едва уловимым выражением не то зависти, не то настороженности. Тут рука Фиби Локвуд поднялась и её осветили лучи утреннего солнца. На безымянном пальце хозяйки гостиницы, чуть ниже изящного сустава, сверкнуло кольцо. Это был красивый, массивный перстень из густого желтого золота, с тяжелым, добротным кастом, свидетельствующим о почтенном возрасте и, возможно, не одной смене владельцев. В его оправу, словно в глазницу хищной птицы, был вставлен крупный, темно—красный камень, цветом напоминающий спелую, наливную ягоду рябины — глубокий, насыщенный, почти черный в тени и вспыхивающий зловещим багрянцем на свету. Казалось, этот камень, словно маленький вампир, вбирал в себя весь свет, а затем отбрасывал его обратно сгустками кроваво—красных, пульсирующих бликов, которые плясали на безупречной коже хозяйки дома, словно крошечные капли свежей крови.

— У вас очень красивый перстень, миссис Локвуд, — произнесла Элеонора. Её голос прозвучал ровно, с легкой, едва уловимой ноткой неподдельного, почти женского восхищения, — это гранат? — Она склонила голову чуть набок, рассматривая украшение с интересом знатка, но в глубине её изумрудных глаз уже заглялась та холодная, аналитическая искра, которая не укрылась от внимательного взгляда её спутника. Хозяйке отеля явно польстил комплимент от столь высокопоставленной дамы, поэтому ледяные черты смягчились тенью довольной улыбки.

— Благодарю вас, графиня! — ответила Фиби. В голосе впервые за этот вечер послышались живые, почти теплые нотки, словно она наслаждалась возможностью похвастаться фамильной драгоценностью, а не просто отбывать роль холодной хозяйки. — Это кольцо перешло ко мне от моей бабушки по материнской линии. У него безупречная огранка. — Она чуть приподняла руку, позволяя свету заиграть на гладкой, отполированной поверхности, — видите, как он переливается? Эта огранка прекрасно подчеркивает глубину и размер камня, не правда ли? — Её глаза на мгновение задержались на перстне с выражением почти любовной нежности, словно она смотрела не на украшение, а на живое, дышащее существо, хранящее тайны её семьи.

— Правда, — ответила Элеонора. Голос был спокоен, как поверхность замерзшего пруда, лишенный малейших признаков волнения. — Этот камень трудно не заметить. Он словно притягивает взгляд. — Ни один мускул не дрогнул на её безупречно—спокойном лице, дыхание оставалось ровным и размеренным, но внутри, в той части сознания, которая была холоднее арктического льда и острее хирургического скальпеля, шестеренки завертелись с бешеной, почти пугающей скоростью. Изумрудные глаза, казалось, не меняя своего задумчиво—бесстрастного выражения, зафиксировали каждую деталь с точностью архивариуса, вносящего решающую запись в секретное досье: форма огранки, глубина цвета, отблески на металле, — каждая мелочь была намертво вписана в её безупречную память.

Джулиан, стоявший чуть левее, тоже не упустил этой детали. Его серо—голубые глаза, привыкшие выхватывать из хаоса мельчайшие улики, скользнули по перстню с острым, заин-

тересованным вниманием, мгновенно оценивая не только его красоту, но и возможное значение в этой запутанной истории. Он заметил, как камень заиграл кровавыми искрами при движении руки Фиби.

— Воистину прекрасная работа, — произнес он, делая шаг вперед и наклоняя голову с видом знатока, — ювелир, должно быть, был настоящим мастером своего дела. — Он смотрел на Фиби с искренним участием. Лицо хозяйки отеля оставалось гладким, непроницаемым, словно вырезанным из светлого мрамора, — ни один мускул не дрогнул, ни одна искра эмоций не промелькнула в её стальных глазах. Она лишь убрала руку медленным, плавным движением.

— Благодарю вас, мистер Элмвуд, — ответила она ровным, бесцветным голосом, в котором не было ни признательности, ни раздражения. После чего чуть склонила голову. В этом жесте было столько ледяного достоинства, что дальнейшие расспросы казались бы откровенной бестактностью.

Дорога в деревушку пролежала через заснеженные поля. Воздух был колючим и чистым, пахнувшим хвоей, дымком и снегом. Они шли в комфортном молчании, наслаждаясь простором и тишиной, нарушаемой хрустом снега под ногами да редким криком пролетающей птицы. Джулиан ловил себя на мысли, как естественно и спокойно ему рядом с ней, без необходимости заполнять тишину пустыми словами.

Литтл—Олдридж оказался очаровательным скоплением старинных коттеджей с соломенными крышами, укрытых снежными шапками. Дымок вился из труб, а на окнах красовались гирлянды из сушеных ягод и вечнозеленых веток. Пара заглянула в несколько лавочек: в одной пахло свежим хлебом и воском, в другой же — сушеными травами и кожей. В небольшой мастерской резчика по дереву Элеонора задержалась у витрины, рассматривая искусные фигурки. Особенно её внимание привлекла простая, но удивительно живая статуэтка малиновки, вырезанная из светлого ясеня. Мастерски переданное движение, легкий наклон головки, тонкие перышки — будто птица вот—вот вспорхнет.

— Она... полна жизни, — тихо произнесла Элеонора, беря статуэтку в руки. Дерево было теплым и гладким под пальцами. Джулиан видел, как смягчился её взгляд. Девушка заплатила старику—резчику, который сидел в углу за верстаком, и бережно завернула птичку в мягкую бумагу.

Когда они вышли из мастерской на залитую зимним солнцем улочку, произошло неожиданное. Из—за угла ближайшего коттеджа метнулся белый комочек — кролик с розовыми ушками. Он пронесся буквально в нескольких сантиметрах от ног Элеоноры, оставив на снегу цепочку мелких следов, и юркнул за угол магазинчика. Вслед за ним, едва переводя дух, примчалась маленькая девочка лет семи. Румяная от мороза и бега, в ярко—красной шапочке и варежках, она растерянно огляделась. Её большие, синие, как васильки, глаза остановились на Элеоноре и Джулиане.

— Извините! — выпалила девочка, запыхавшись. — Вы не видели белого кролика? Он снова сбежал! Его зовут Снежок! —

Элеонора, обычно столь сдержанная с незнакомцами, наклонилась к малышке. В изумрудных глазах пропала привычная отстраненность, осталось лишь понимание и легкая тень улыбки.

— Видела, — голос графини звучал неожиданно мягко. — Он только что промчался мимо нас и скрылся вот за этим углом, — направление, куда скрылась пропажа, она указала тонким пальчиком в перчатке. Лицо девочки осветилось радостью и надеждой.

— О, спасибо вам огромное! — Она всплеснула ручками. — Я сразу же за ним! — И, не теряя ни секунды, помчалась в указанном направлении. Только красная шапочка мелькнула и скрылась за углом.

Джулиан наблюдал за этой сценой, и сердце его сильно сжалось от чувства тепла, заботы и того, как естественно, без тени высокомерия или неловкости, Элеонора отнеслась к ребенку.

— Вы... удивительно находите общий язык с юной публикой, — заметил сыщик, когда они пошли дальше. В голосе мужчины звучало искреннее восхищение. — Кажется, маленькая мисс была вам безмерно благодарна. —

Элеонора слегка опустила глаза, рассматривая снег под ногами. Небольшое смущение смешалось с чем-то новым — с легкой, почти забытой нежностью.

— Она просто искала своего друга, — последовал тихий ответ. — И я лишь указала направление. Дети... они такие... непосредственные. В их мире ещё нет необходимости в сложных маневрах. —

Вечером, после раннего ужина, они вышли под уже темнеющее небо, усыпанное первыми звездами. Морозный воздух освежающе щипал щеки. Деревня преобразилась: окна светились уютными огнями, а вдоль главной улицы и на центральной площадке горели керосиновые фонари, отбрасывая на снег теплые, дрожащие круги света. Звуки живой музыки — скрипка, аккордеон и бубен — вели их, как магнит, к центру деревни.

На небольшой, импровизированной сцене, сооруженной из деревянных щитов и украшенной гирляндами из еловых веток и красных лент, уже шло представление. Акробаты лихо кувыркались под одобрительные возгласы зрителей. Жонглеры ловко управлялись с горящими факелами, рисуя в морозном воздухе огненные круги. Однако истинным центром внимания стала Ирис Делан. Женщина лет тридцати, с темными, как смоль, волосами, собранными в строгий узел, и лицом, на котором читалась глубокая, сдержанная печаль. Она вышла на сцену, когда заиграла медленная, проникновенная мелодия. В руках артистка держала длинные, шелковые ленты цвета темного вина и ночного неба. Танец начался.

Плавные движения в сочетании с музыкой складывались в прекрасную историю. Ленты дополняли образ, то обвивая стройное тело, как цепи, то взмывая вверх, как освобожденные птицы, струясь вокруг, подобно рекам печали. Фигуры были исполнены скрытой силы и невероятной грации, где каждый изгиб, каждый взгляд был устремлен куда-то поверх голов зрителей, с чувством глубокой, затаенной страсти и горечи. Она танцевала под мерцающими фонарями, и свет играл на её бледном лице и темных одеждах, создавая ощущение чего-то мистического и бесконечно грустного.

Наши герои стояли чуть в стороне от основной толпы, замороженные представлением. Джулиан чувствовал, как Элеонора рядом с ним замерла. Дыхание девушки стало чуть глубже, глаза неотрывно следили за движениями танцовщицы. В этом представлении была особая магия, захватывающая даже её, привыкшую наблюдать и анализировать, а не чувствовать.

И тут внимание графини, всего на секунду, привлекла знакомая фигурка. Рядом со сценой, прижав к груди белого кролика, стояла та самая девочка в красной шапочке. Васильковые глаза, широко раскрытые, были прикованы к Ирис, полные восхищения и мечты.

В миг, когда танец достиг своей кульминации, прямо посреди особенно страстного па, под шорох лент, что взвились высоко вверх, сверкая в свете фонарей, Снежок в руках девочки вдруг дернулся и выпрыгнул! Испуганный, вероятно, внезапным всплеском музыки, он рванул прочь, скользя по снегу. Девочка вскрикнула и бросилась за ним, мгновенно растворившись в темноте между домами.

Музыка взлетела к высшей ноте, ленты замерли в сложном, красивом переплетении над головой Ирис. Сама она застыла в эффектной позе — одна рука вытянута к небу, голова гордо поднята. Луч фонаря выхватил её из полумрака, как драгоценную статуэтку. Казалось, время остановилось в этом мгновении совершенной красоты и печали.

Внезапно раздался хлопок! Звук был резким и глухим — совсем не похожим на праздничную хлопушку. Он прозвучал, как плевок в тишину, наступившую после кульминации музыки.

Сверкнул крошечный осколок. Блестящая шпилька, скреплявшая темные волосы Ирис, была сбита. Она со звоном упала на деревянный настил сцены. На виске танцовщицы, чуть выше скулы, проступила тонкая, алая царапина. Капля крови сверкнула рубином в свете фонарей. Женщина вскрикнула — коротко, отрывисто, больше от шока и неожиданности, чем от боли. Её застывшая поза рухнула. Женщина пошатнулась и упала на колени, инстинктивно схватившись рукой за поцарапанный висок. Глаза, широко раскрытые, метались по толпе, полные животного страха и непонимания. Волосы рассыпались по плечам темным каскадом.

Тишина, царившая мгновение назад, взорвалась. Повсюду разносился женский визг. Гости шарахались назад, создавая давку. Кто-то закричал: «*Выстрел! Стреляли!*». Паника, дикая и неконтролируемая, начала растекаться по площади, как масляное пятно.

Джулиан инстинктивно шагнул вперед, прикрывая собой Элеонору, его рука уже тянулась к карману, где всегда лежал револьвер. Взгляд, острый и холодный, сканировал крыши ближайших домов, темные проулки, толпу — ища источник выстрела. Профессиональные инстинкты проснулись мгновенно, отбросив покой отпуса.

Элеонора стояла неподвижно рядом с ним. Лицо графини было бледным, но абсолютно собранным. Весь её мягкий, расслабленный вид исчез, сменившись привычной ледяной концентрацией. Изумрудные глаза, суженные до щелочек, были прикованы к сцене — к упавшей шпильке, к капле крови на виске Ирис. Она безошибочно определила направление откуда прилетел выстрел. В её позе не было страха, только холодная ярость наблюдателя, чей островок покоя был так грубо нарушен. Отдых закончился. Тени Лондона, казалось, настигли их и здесь, в этой заснеженной деревне, под мерцающими фонарями, только что дарившими иллюзию волшебства.

Глухой хлопок повисший в морозном воздухе, смешался с криками паники, когда Джулиан Элмвуд пришел в движение. Профессиональные инстинкты, усыпленные деревенской идиллией, проснулись мгновенно, сокрушительной волной. Его серо-голубые глаза, острые как бритва, также вычислили траекторию за долю секунды — кусты рядом со сценой, густые, покрытые снежными шапками и тенью от старого дуба.

— Прочь с дороги! — рявкнул Джулиан, и его голос, подобно бичу, рассек нарастающий гул паники. В этом властном окрике слышалась не просто просьба — стальной приказ, не терпящий возражений. Он ринулся вперед, решительно расталкивая остолбеневших, мечущихся зрителей, его плечи работали как таран, прокладывая путь сквозь плотную стену человеческих тел. Движения сыщика были резкими, отточенными, полными сдерживаемой ярости оттого, что идиллия их камберлендского уединения была столь грубо и жестоко нарушена.

Снег жалобно хрустел под тяжёлыми подошвами ботинок, когда он устремился к тёмному, зловещему массиву кустов, откуда, по его расчётам, был произведен выстрел. В висках пульсировала тревога, а в груди kloкотал холодный, сосредоточенный гнев.

Пока Джулиан пробивался сквозь толпу, Элеонора действовала с ледяной, почти механической эффективностью. Разум, словно отточенный скальпель, мгновенно отсекал лишнее. Она подошла к Ирис и, не тратя времени на пустые утешения, твёрдым, но бережным движением помогла дрожащей танцовщице подняться. Пальцы графини, скрытые тонкими перчатками, были уверены и холодны, как у хирурга, приступающего к операции.

— Спокойно, — произнесла она. Низкий, властный голос, лишённый излишней эмоциональности, но пронизанный стальной уверенностью, заставил Ирис на миг задержать дыхание. — Это всего лишь царапина. — Одной рукой она поддерживала ослабевшую артистку, а другой, с быстротой фокусника, извлекла из складок своего траурного платья маленький, безукоризненно чистый льняной платок, пахнувший лавандой. Аккуратным, выверенным движением она прижала его к тонкой алой полоске на виске танцовщицы, останавливая кровь. — Дышите глубже. Шок скоро пройдёт. — В голосе графини не было обычной отстранённости, а звучала странная, обнадеживающая сила, способная удержать человека на грани обморока.

Но Ирис, казалось, не слышала слов. Её глаза, широко раскрытые от ужаса и боли, судорожно шарили по искажённым страхом лицам в толпе, пытаясь найти единственно важное для неё. Не найдя его, танцовщица издала пронзительный, полный животного ужаса крик, разрезавший морозный воздух острее любого свистка:

— Алиса! Алиса, где ты?! Где моя девочка?! — Голос её сорвался на истеричный фальцет, и она рванулась вперёд, забыв о боли и своей ране.

Элеонора, убедившись, что рана не представляет серьёзной угрозы, также перевела взгляд на обезумевшую от страха толпу. Проницательные изумрудные глаза, словно два холодных прожектора, скользили по мелькающим лицам, фиксируя искажённые страхом маски, панические жесты, отчаянные крики — они видели всё. Однако остановились они на том, чего не ожидали увидеть.

Джулиан, не теряя ни секунды, продолжал шарить в колючих ветвях. Руки в перчатках лихорадочно ощупывали мёрзлую землю под кустами — он искал следы ног, оружие, любую зацепку. Удалось обнаружить лишь пару сломанных веток да несколько вмятин от колена и приклада — едва заметные, но красноречивые метки, оставленные человеком, который здесь затаился.

Зарисовывая находки, он услышал шорох. Резко обернувшись, взгляделся в темноту, затем бесшумно двинулся вдоль кромки кустарника. Снег жалобно скрипел под ногами, но звук тонул в общем гуле паники, доносившемся с площади. Джулиан почти добрался до старого сарая, когда из темноты, прямо под ноги, вылетел белый комок — перепуганный до смерти Снежок. Кролик дрожал всем телом, его розовые уши были плотно прижаты к спине.

— Чёрт... — выдохнул сыщик, опуская руку. — Откуда ты взялся? — Кролик, услышав незнакомый голос, метнулся в сторону и мгновенно исчез в ночи. Джулиан, подчиняясь тревожному предчувствию, направился туда, откуда примчался перепуганный зверёк, стараясь ступать как можно тише. Снег здесь был плотнее, нетронутый, и на нём чётко отпечатались маленькие детские следы.

Сердце молодого сыщика сжалось. Он ускорил шаг, завернул за угол сарая — и замер. Под стеной, скорчившись, лежала Алиса. Её ярко-алая шапочка сбилась набок, лицо было бледным, как снег, глаза закрыты, а ресницы неподвижны.

— Малышка! — Джулиан опустил на колено, осторожно приподнял девочку за плечи. Голова безжизненно откинулась назад. Он быстро приложил пальцы к её шее — кожа холодная, но пульс прощупывался, слабый и ровный. На виске, у самой линии роста волос, темнела припухлость — след сильного удара.

Немедля ни секунды, он подхватил девочку на руки, прижал к груди и быстрым шагом, почти бегом, направился обратно к площади. Когда Джулиан вышел из мрака в дрожащий свет фонарей, на сцене стояли Элеонора и Ирис. Танцовщица, всё ещё бледная, с запёкшейся кровью на виске, повернулась на звук шагов и замерла.

— Алиса! — Ирис рванулась вперёд, но ноги подкосились, и она рухнула бы, не подхвати её Элеонора под локоть. — Что с ней?! Что вы с ней сделали?! —

— Она жива, — быстро сказал Джулиан, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто-то ударил её по голове. Потеряла сознание, но дышит ровно. —

— Ударил?! — голос Ирис сорвался на истеричный крик. — Кто?! Зачем?! Она же ребёнок! Алиса, милая... — Она схватила дочь за руки, покрывая их поцелуями и слезами. — Проснись... прошу тебя... —

Элеонора, сохраняя ледяное спокойствие, положила руку на плечо Ирис: — Мисс Делан, — сказала она тихо, но в голосе звучала та стальная нота, что заставляла слушаться даже самых отчаявшихся. — Вашей дочери нужен покой и тепло. Её нужно отнести в комнату и осмотреть.

—

Ирис подняла на неё заплаканные глаза. В них металась боль, страх и робкая надежда. Она судорожно кивнула, вытирая лицо рукавом: — Да... да... вы правы, — прошептала она. — Идемте. —

Элеонора плавно, но властно взяла Ирис за руку. Джулиан, удобнее перехватив бесчувственную Алису, пошёл следом, чувствуя, как хрупкое детское тело доверчиво прижимается к нему, и как тяжело бьётся сердце — от гнева, тревоги и той холодной решимости, что рождалась в нём всякий раз, когда в опасности оказывался ребёнок. Вокруг всё ещё гудела, перешёптывалась и вздрагивала паническая толпа, но им было уже не до неё.

За сценой царило царство тесноты и духоты — резкий контраст с морозной свежестью площади, оставшейся за тонкой деревянной стеной. Воздух здесь, пропитанный потом, гримом и древесной пылью, казался осязаемым, тяжелым, как влажная вата. Бутафорский реквизит: коробки с лентами, потрепанные сундуки, груды костюмов и погасшие факелы — валялись в беспорядке по углам, словно после набега мародеров. Единственным источником света служила керосиновая лампа на грубо сколоченном столе. Колеблющееся пламя отбрасывало на голые стены гигантские, пляшущие тени, превращая убогое пространство в декорацию к мрачной сказке. В этом хаосе ютилась гримёрка Ирис Делан.

Пока Элеонора осматривала Алису, сама танцовщица съежилась на жёстком походном стуле, вжавшись в спинку, словно пытаясь стать невидимкой. Ещё час назад её стройная фигура излучала грацию и силу, теперь казалась сломленной, неестественно маленькой, почти детской. Лицо Ирис было мертвенно-бледным — фарфоровая маска, сквозь которую проступали разводы плохо смытого грима. Тёмные волосы, ещё недавно собранные в безупречный узел, рассыпались беспорядочными прядями по плечам и спине, кое-где поблёскивая остатками сценической пудры. Руки дрожали так сильно, что вода в простом глиняном стакане, который ей сунула одна из акробатов, ходила мелкой рябью, грозя выплеснуться на пол. На фоне строгого тёмно-серого шерстяного платья эта дрожь казалась ещё более пугающей, а восковая бледность кожи — почти неестественной. На левом виске, чуть выше изящно очерченной скулы, алела тонкая, но зловеющая царапина — кровь запеклась по краям, но центр ранки ещё пульсировал слабым румянцем под чистым льняным платком графини, который Ирис прижимала к виску. Глаза, что на сцене могли рассказать целую историю, сейчас были пусты, затуманены шоком и парализующей растерянностью. Она не плакала. Она просто замерла, словно время для неё остановилось.

Завершив осмотр и первую помощь, Элеонора выпрямилась и повернулась к Ирис. Её чёрный силуэт казался ещё более монументальным в тесноте комнаты, почти поглощая скудный свет лампы. В дверном проёме, заполняя его плечами, стоял Джулиан. Серо-голубые глаза мгновенно охватили помещение, оценив состояние танцовщицы. Не обращая внимания на хаос, графиня плавно приблизилась к Ирис — движения её были неторопливы, лишены резкости, способной испугать и без того потрясённую женщину. Слегка наклонившись, Элеонора присела на корточки, чтобы глаза оказались на одном уровне с глазами артистки — безмолвный жест уважения, признания её достоинства даже в этом унижительном положении.

— Мисс Делан, — голос Элеоноры зазвучал в тишине гримёрки, точно аккорд камертона — тихий, но удивительно чёткий, пробивающийся сквозь тяжёлое дыхание потерпевшей. Каждое слово падало ясно, без лишних вибраций, словно отточенные льдинки. — Как вы себя чувствуете? Голова ещё кружится? —

Артистка медленно подняла взгляд, будто пробуждаясь от затяжного кошмара. Её глаза с трудом сфокусировались на лице графини.

— Я... — голос сорвался в хриплый, почти беззвучный шёпот. Ирис кашлянула, судорожно сжала стакан так, что костяшки пальцев побелели, и попыталась снова: — Не понимаю... за что? — Она бессильно покачала головой, и прядь волос упала на платок, оставив

тёмный след на белой ткани. — Я просто танцевала... И в этом городке лишь по приглашению мистера Локвуда... — Сделав глоток воды, дрожь немного утихла, но в глазах по-прежнему бушевал ужас — первобытный, не знающий пощады.

Женщина нервно провела свободной рукой по лицу, размазывая остатки грима, словно пыталась стереть не только румяна и пудру, но и сами воспоминания, въевшиеся в память глубже любого театрального состава. Её пальцы дрожали — и эта дрожь, почти незаметная в полумраке, не укрылась от цепкого взгляда Элеоноры. Именно в этот миг, когда танцовщица, запинаясь, упомянула имя мистера Локвуда, графиня уловила нечто мимолётное, почти эфемерное — тень, скользнувшую по лицу Ирис с быстротой испуганной птицы.

Лёгкое, едва заметное напряжение в уголках губ, дрожь век, будто она моргнула слишком быстро, пытаясь скрыть предательский блеск в глазах, и взгляд — быстрый, как взмах крыла, — метнувшийся в сторону, где за портьерой угадывалась тень выхода. Каждая деталь выдавала: у танцовщицы есть тайна, и, возможно, именно она стала причиной сегодняшнего инцидента. Элеонора продолжала спокойно смотреть на женщину, не отводя глаз, но в глубине изумрудного зора уже зажглась искра холодного, аналитического интереса. *«Нет, — подумала она, — это не вина. Скорее... глубокая, затаённая тревога. Что-то, что она отчаянно пытается скрыть. Что же гложет её изнутри сильнее, чем страх за собственную жизнь?»*

— Прошу простить меня за нескромный вопрос, — произнесла Элеонора, — но какие между вами и мистером Локвудом отношения? Вы давно знакомы? —

— Мы дружим! — выпалила Ирис, внезапно повысив голос и выдав отчаянную попытку убедить в сказанном не только собеседницу, но и саму себя. Она вложила в это слово всю свою энергию, словно заклиная реальность. — Мы дружим с детства! И никогда... никогда не ссорились! — Она содрогнулась всем телом. — Он не мог желать мне... такого. — Последние слова сорвались с губ почти шёпотом, полным невысказанной мольбы. Её взгляд, огромный, влажный, заметался от спокойного, непроницаемого лица Элеоноры к фигуре Джулиана, застывшей в тени у двери, и обратно — словно она искала в них спасения или, наоборот, подтверждения своих самых страшных догадок.

Леди Сент-Клер не шелохнулась, сохраняя безупречную, почти статуарную позу. Ни один мускул не дрогнул на её бледном лице; лишь в глубине изумрудных глаз продолжал тлеть холодный огонь наблюдателя, привыкшего читать между строк. Джулиан стоял чуть позади, почти сливаясь с полумраком комнаты, но его присутствие было плотным, осязаемым — молчаливым обещанием поддержки и готовности действовать в любой момент.

Они не обменивались взглядами, не общались жестами, но их мысли, словно два встречных течения, слились в едином, безмолвном потоке понимания. В этой тишине, нарушаемой лишь прерывистым дыханием Ирис и далёким гулом голосов за стеной, они оказались ближе, чем любая кровная родня, — два острых ума, соединённые невидимой нитью общего замысла.

«Друзья... — мысленно перебирала Элеонора факты, словно бусины четок. — Если это так, реакция Ирис и её отчаянная попытка защитить мистера Локвуда становятся понятны. Но в этом деле есть нечто большее, нечто, что лежит глубже простой дружбы. Её страх — подлинный, первобытный, он не притворен. Однако направлен он не на сам выстрел, а на неизвестного стрелка. На того, кто пытается нарушить её покой. Ирис, возможно, и не знает имени стрелявшего, но догадки... о, они у неё точно есть. И эти догадки терзают её сильнее, чем любая рана».

Джулиан, стоявший в тени, едва заметно кивнул, принимая к сведению слова Ирис, но в его серо-голубых глазах читалось то же понимание, что и у его спутницы. Затем он мягко, почти незаметно коснулся плеча Элеоноры — лёгкое, едва ощутимое прикосновение, красноречивее любых слов: *«Пора уходить. Здесь мы больше ничего не узнаем. Нужно искать ответы в другом месте».* Его рука по привычке скользнула к внутреннему карману сюртука, где под тканью угадывался холодный, успокаивающий контур револьвера — хотя в тесной,

пропахшей гримом и страхом комнатке явной угрозы не было. Жест был скорее инстинктивным, рефлекторным, возвращающим его в привычное состояние боевой готовности. Сыщик и его леди снова были в своей стихии — в мире полутонов, невысказанных истин и скрытых угроз. Отдых, тот недолгий, хрупкий покой, что они обрели среди заснеженных склонов Камберленда, мелькнул в их памяти горьким, обжигающим воспоминанием, прежде чем раствориться в ледяной реальности происходящего. Они вышли из гримёрной, и холодный воздух коридора, смешанный с запахом воска и старого дерева, ударил в лицо, отрезвляя.

Холл «Олдридж Мэнор», ещё недавно дышавший уютом старинных дубовых панелей и тонким ароматом пчелиного воска теперь казался сдавленным, напряжённым, словно сама гостиница затаила дыхание в ожидании нового удара. Тиканье маятника напольных часов с медным циферблатом звучало зловеще, как отсчёт времени до неминуемого взрыва, как бой барабана перед казнью. И в центре этого напряжённого пространства, у подножия широкой лестницы, стоял Арчер Локвуд, и его преображение было поистине шокирующим.

Исчезли привычная подтянутость, та спокойная уверенность, что так импонировала гостям. Он выглядел постаревшим на добрых десять лет. Его лицо, обычно румяное и ухоженное, теперь было пепельно—бледным, а под глазами залегли глубокие, синюшные тени, похожие на провалы, в которых утонула вся его жизненная энергия. Пальцы его, длинные и тонкие, беспорядочно мяти ткань твидового пиджака у бедра, не находя покоя, словно он пытался ухватиться за что—то невидимое, что могло бы его удержать. Каждый нерв в его теле был натянут до предела, и казалось, что малейший звук способен разорвать эту струну.

— С возвращением! — вырвалось у него при виде гостей, и в этом возгласе слышалась не столько радость, сколько отчаянная хватка утопающего за соломинку. Он шагнул навстречу порывисто, почти неуклюже — казалось, ещё миг, и ноги подкосятся. Голос, обычно бархатистый и размеренный, дрожал, срываясь на хрип. — Ужасный... неслыханный инцидент! В нашей тихой, мирной деревне! — Он провёл дрожащей ладонью по лицу, словно пытаясь стереть гримасу ужаса, но жест лишь подчеркнул его беспомощность. — Я уже отправил весть констеблю. — Он сглотнул, кадык судорожно дёрнулся. — Но ответа ждать не раньше чем через несколько дней. Неделя... может, больше. — Он умолк, тяжело дыша, и вдруг в его глазах, обычно таких мягких и участливых, вспыхнула искра — яростная, отчаянная, почти безумная. — Клянусь, мы найдём этого негодяя! Я лично переверну каждый камень в округе! — Гнев его был неподдельным, пугающим по силе. Но под ним, как под тонким льдом была бездонная, леденящая тревога, выдававшая его с головой.

Короткий, но многозначительный разговор с Ирис в гримёрной убедил Элеонору и Джулиана в одном: между артисткой и хозяином гостиницы таилось нечто гораздо более сложное, чем простая связь работодателя и наёмной танцовщицы. В каждом жесте Ирис, в каждом нервном слове Локвуда угадывалась глубокая, запутанная история — клубок невысказанных обид, тайных сожалений и давних уз, о которых не говорят вслух. Реакция мистера Локвуда на случившееся была понятна: любой перепугался бы до полусмерти, если бы на его глазах едва не убили человека. Но его волнение, паника, эта истеричная клятва — всё выдавало нечто большее, чем простой испуг. Это был страх за неё, за Ирис, — слишком личный, слишком глубокий, слишком болезненный, чтобы быть лишь дружеским участием. Тень тайны, окутывавшая их отношения, лишь добавляла новые, мрачные штрихи в уже запутанную картину камберлендского вечера.

Джулиан сохранял внешнее спокойствие. Его серо—голубые глаза, холодные и цепкие, не отрывались от Локвуда. Он замер, слегка отведя плечо — инстинктивный жест, которым он прикрывал Элеонору, создавая пространство между ней и возможной угрозой.

— Мы разделяем ваше возмущение, мистер Локвуд, — голос его прозвучал ровно, сухо, как скрип снега под сапогом. — Особенно с учётом того, что намерения нападавшего могли

быть куда более... фатальными. Мисс Делан, к счастью, серьёзно не пострадала, но потрясена до глубины души. Сейчас ей крайне нужны уход и поддержка. Хорошо, что она может рассчитывать на вас в этой ситуации.

Локвуд закивал — слишком часто, слишком резко, словно голова его была на пружине: — Да, да, конечно! Мы с детства знакомы, буквально выросли вместе. Когда я узнал, что Ирис осуществила мечту и стала актрисой, я был так рад за неё. Не раздумывая, предложил их труппе, и ей в особенности, работу здесь. Ирис стала местной любимицей. Она так популярна среди жителей — и неудивительно, ведь она невероятно талантлива... — Он запнулся, глотнул воздух, словно ему не хватало кислорода, и его взгляд внезапно потерял фокус, устремившись куда-то в темноту за портьерой у лестницы. Графиня расценила этот уход в себя как возвращение в случайное воспоминание из прошлого — или как предвестие пугающего будущего.

Тишина, павшая на холл, была гуще лондонского смога в безветренный день, когда город задыхается от собственного дыма. Она заполнила каждую трещину в каменных плитах, каждый закуток старинного вестибюля, придавив к полу даже потрескивание дров в камине. Казалось, старые напольные часы — верные стражи времени — на миг затаили дыхание, их маятник замер в нерешительности, боясь нарушить эту звенящую, хрупкую тишину.

Элеонора не шелохнулась. Ни один мускул не дрогнул на её безупречном лице, но вся фигура сжалась, подобно стальной пружине перед броском. Изумрудные глаза, сузившись до опасных щелочек, неотрывно впились в Локвуда. Медленно, с подчеркнутой, почти церемониальной грацией, она приподняла одну безупречно очерченную бровь — тонкую дугу, подобную лезвию, — и в этом жесте было больше вопроса, чем в любых словах.

— Мистер Локвуд? — Голос девушки прозвучал тихо, почти шёпотом, но в этой тишине он ударил, как хрустальный колокол, — чистый, резкий, неумолимый. — С вами всё в порядке? Вы выглядите... взволнованным. — Вопрос был подан с ледяной вежливостью, но под ней таилась стальная острота, заставляющая собеседника чувствовать себя выставленным на всеобщее обозрение.

Хозяин гостиницы вздрогнул, будто его пронзили током: нервный спазм пробежал по телу, плечи дёрнулись, лицо исказила паническая гримаса — смесь ужаса и отчаянной попытки взять себя в руки. Он буквально отшатнулся на полшага, словно их близость обжигала, словно он пытался выстроить хоть какую-то дистанцию между собой и их пронизательными взглядами. Кровь, секунду назад отхлынувшая, теперь резко, нездорово прилила к щекам, окрашивая их пятнистым, лихорадочным румянцем — слишком ярким, слишком неравномерным, чтобы быть естественным. Это был румянец страха.

— Я... я просто... — забормотал он, срываясь на высокий, почти истеричный фальцет. Слова вылетали с неестественной скоростью, торопливо, спотыкаясь, будто он пытался загнать их обратно в глотку, но не мог. — Этот ужасный... этот кошмарный инцидент! Случившийся именно сейчас! Когда навалилось столько работы! Столько неотложных дел! — Он судорожно взмахнул рукой, отмахиваясь от невидимой угрозы, жест был резким, неестественным, лишённым грации. — Простите, я... я совершенно не владею собой! Шок... Это просто шок! — Он запнулся, сглотнул, — кадык судорожно дёрнулся, словно утопающий, хватающийся за последнюю соломинку. После чего хозяин отеля резко обернулся к лестнице, выкрикнув в отчаянии: — Фиби! Дорогая! Ты не видела... где мой портсигар? — Он засмеялся, но смех был пустым и натянутым, как бумага на барабане. — Совершенно из головы вылетело! Прямо сквозь землю провалился! — Его попытка сменить тему была отчаянной, неуклюжей, почти жалкой — человек, пытающийся спрятаться за банальностью, когда его мир рушится на глазах.

На верхней площадке лестницы, словно по волшебству, возникла Фиби Локвуд. Она замерла на последней ступени. Вся её фигура, строгая и величественная в платье цвета морской волны, казалась высеченной из глыбы льда, нетронутой и недостижимой для человеческих эмоций. Светлые, почти бесцветные глаза, холодные, как сталь, медленно, с ледяной неспеш-

ностью, скользнули по лицу мужа. Затем взгляд, не меняя выражения, перешёл к Элеоноре. Пронзительный изумрудный взгляд всё ещё был прикован к Арчеру. И, наконец, остановился на Джулиане, чья напряжённая поза, с рукой, лежащей на кармане сюртука, излучала сдержанную профессиональную настороженность. На лице Фиби не дрогнул ни один мускул. Она не спешила на помощь мужу, не пыталась сгладить неловкость, не бросила ему спасательного круга слов. Она просто стояла, наблюдая, оценивая, — безмолвный судья, ожидающий приговора.

— Твой портсигар, Арчер, — произнесла она ровным, бесстрастным голосом, лишённым даже тени беспокойства, — лежит на бюро в кабинете. Там, где ты оставляешь его каждый вечер.

Затем её взгляд снова вернулся к Элеоноре — теперь уже открыто оценивающий: насколько глубоко лондонская гостья потрясена происходящим в их беспокойных водах. Тишина в холле сгустилась ещё больше, пронизанная не только тревогой, но и явной, невысказанной напряжённостью между хозяевами дома. Фиби начала спускаться по лестнице с медлительностью ледяной сосульки, скользящей по скале: каждый шаг отмерен, осанка безупречна, подбородок чуть приподнят. Лицо, лишённое румянца, казалось каменным и холодным.

— Ужасная история с Ирис, — произнесла она тем же бесцветным тоном, словно констатировала поломку кареты. — Надеюсь, констебль быстро внесёт ясность. Деревня, кажется, взбудоражена до неприличия. — Подойдя к мужу, который всё ещё походил на загнанного зверя, она протянула к нему руку с тонкими, почти прозрачными пальцами и поправила воображаемую складку на отвороте его твидового пиджака. Жест был быстрым, точным, лишённым теплоты, словно у собственника, поправляющего пошатнувшийся экспонат: *«Ты мой. Держись»*.

— Мистер Локвуд, — внезапно обратилась Элеонора, её голос, до этого тихий и ровный, зазвучал с новой, стальной ноткой, не терпящей возражений, — насчёт мисс Делан... Меня крайне беспокоит, что после произошедшего они с дочерью остались без защиты. — Она сделала шаг вперёд, сокращая расстояние, и её изумрудные глаза впились прямо в глаза Арчера. — Учитывая серьёзность случившегося, возможно, разумнее всего будет поселить их здесь, в «Олдридж—Мэнор», на время, пока констебль не завершит расследование. Я, разумеется, с удовольствием покрою все расходы.

Она перевела взгляд на Фиби. Их глаза встретились, словно два лезвия — стрела, выпущенная «Мраморной Сиреной», достигла цели, встретив ледяную стену взгляда соперницы.

— Здесь, под вашей крышей, мисс Делан и её дочь будут в безопасности. Мы сможем присматривать за ними, пока констебль не прибудет и не выяснит все обстоятельства. — Голос её звучал ровно, но в нём слышалась не просьба, а скорее предложение, от которого трудно отказаться, — удар, разрывающий тишину, приглашение к танцу, который мог закончиться для кого-то из них финальным падением.

Арчер Локвуд заметно наклонил голову: — Прекрасная идея. Как я сам не додумался! Конечно, графиня. Я прослежу, чтобы мисс Делан ни в чём не нуждалась. Я сейчас же приведу её! Фиби, дорогая, ты позаботишься о комнате? — Получив от жены сдержанный кивок, он бросился к коридору, ведущему к оранжерее, его твидовый пиджак мелькнул и скрылся в полумраке.

Фиби Локвуд осталась стоять в холле — одинокая, невероятно жёсткая фигура посреди тревожной тишины. Она смотрела на Элеонору, и в её холодных глазах читался немой вызов. Девушка уловила мельчайшее напряжение в уголках её губ — признак явного раздражения. Выстрел прозвучал, камень блеснул, и тень накрыла уютный «Олдридж—Мэнор».

Миссис Локвуд пошла готовить комнату для новой гостьи, и вскоре её шаги затихли где-то в глубине коридора, оставив после себя лишь легкий шлейф духов и недосказанность.

Джулиан, проводив взглядом удаляющуюся фигуру хозяйки «Олдридж Мэнор», предложил Элеоноре руку. Они двинулись по широкой, устланной ковром лестнице вверх, к комнатам гостей. Ступени мелодично поскрипывали под ногами, а стены старинного особняка словно впитывали в себя их шепот, чтобы потом хранить его в своей каменной памяти. Вокруг царила та особенная тишина, которая бывает только в старых домах, наполненных запахами дерева и времени.

— Вы ведь не просто так подбросили мистеру Локвуду идею о переселении Ирис? — спросил Джулиан, понизив голос, когда они остановились у окна на лестничной площадке. Сквозь запотевшее стекло врвался холодный свет сумерек, выхватывая из полумрака её бледный профиль.

Элеонора медленно повернулась к нему. На губах заиграла та самая едва уловимая полуулыбка, которая появлялась лишь тогда, когда кто-то понимал её замысел. Однако отступить ещё рано. Лунный свет скользил по линии её скул, делая их ещё более острыми, а изумрудные глаза почти прозрачными.

— Что же... раз вы раскрыли моё коварство, то, может быть, предположите, для чего? — Графиня чуть склонила голову набок, позволяя ему заглянуть в глубину своей игры.

— Предположу, — Джулиан нахмурился. Взгляд сыщика стал острым, профессионально—цепким. — Вы подозреваете Локвуда и хотите проверить его. Возможно, считаете, что он замешан в этом покушении или, по крайней мере, что-то знает. Поместив Ирис под его крышу, вы спровоцируете его на неосторожный шаг. —

Элеонора покачала головой, и в этом движении была та самая мягкая укоризна, которую он научился распознавать.

— Неплохой вариант, но нет. — Она помолчала, собираясь с мыслями, а затем её голос стал тише, серьёзнее. — Судя по реакции мисс Делан, я склоняюсь к иному выводу. Человек, который стрелял в неё сегодня, не остановится. Он пытался убить её. И попытка провалилась. Такой тип не успокоится, пока не доведёт дело до конца. В деревне слишком много лишних глаз, соседи, любопытные актёры из труппы, которые постоянно рядом. Здесь же, в «Олдридж Мэнор», мы сможем контролировать каждый шаг, каждый вход и выход. Ирис будет под защитой — настоящей защитой, а не иллюзией безопасности.

Джулиан на мгновение замер, переваривая услышанное. Его серо—голубые глаза расширились, а затем в них вспыхнуло понимание, смешанное с неприятным холодком.

— Графиня... — начал он медленно, словно пробуя слова на вкус, — Только не говорите, что вы намеренно превратили мисс Делан в приманку. Что вы специально подстроили это переселение, чтобы... —

— Именно так, дорогой друг, — перебила она. В голосе её не было и капли сомнения, только стальная уверенность. — Если мы оставим её в деревне, преступник будет скрываться в тени, нанося удары исподтишка. Но если мы поместим её сюда, в центр событий, под наше постоянное наблюдение, то рано или поздно он будет вынужден действовать. И когда он сделает свой ход, мы будем готовы. —

— Но это же невероятно опасно! — Воскликнул Джулиан, шагнув ближе к ней, так что между ними осталось лишь несколько дюймов. В его голосе слышалась искренняя тревога. — Вы играете с жизнью этой женщины, графиня. И с жизнью её дочери. Если что-то пойдёт не по плану... —

— Опасно, — подтвердила Элеонора, встречая его взгляд с той же непоколебимой твёрдостью. Её рука на мгновение коснулась его запястья — короткое, почти незаметное прикосновение, которое, однако, заставило его замереть. — Но это единственный способ взять стрелка прямо на месте преступления. Или вы предпочитаете ждать, пока он нанесёт следующий удар, когда мы будем меньше всего этого ожидать? Когда жертвой окажется кто-то другой? —

В её голосе не было упрёка, только холодная логика, от которой у Джулиана по спине пробежал мороз. Он понял, что она права — как бы ни было тяжело это признать.

— Вы действительно не боитесь? — Спросил он тихо, глядя в её глаза. В этом вопросе было не только профессиональное любопытство, но и личное беспокойство.

— Боюсь, — ответила Элеонора, и в этом признании не было слабости. — Боюсь, что не смогу защитить их. Но этот страх — именно то, что заставляет меня действовать. И я не позволю ему парализовать меня. Я сделаю всё, чтобы остановить этого человека, даже если для этого мне придётся превратить жертву в приманку. —

Джулиан смотрел на неё, и в его груди разливалось странное тепло, смешанное с уважением. Эта женщина, которая казалась высеченной из льда, вновь доказывала, что под её броней бьётся сердце, готовое на всё ради тех, кто находится под её защитой.

— Хорошо, — сказал он наконец, тяжело вздохнув. — Но тогда позвольте мне быть рядом. Если эта игра идёт на таких высоких ставках, я должен быть уверен, что смогу защитить вас. —

Элеонора слегка кивнула, принимая его предложение, и в этом жесте было что-то большее, чем просто согласие на сотрудничество. Они стояли у окна, глядя на заснеженный сад, и в тишине, повисшей между ними, чувствовалось зарождающееся понимание — не просто партнёров по расследованию, но чего-то более глубокого. Чего-то, что в этом опасном мире становилось их якорем.

— Тогда решено, — тихо произнесла она, отворачиваясь к лестнице. — Идёмте, мне нужно обсудить с вами ещё несколько деталей нашего плана. —

Джулиан молча последовал за ней, чувствуя, как в груди разливается странное спокойствие, смешанное с тревогой. Кажется, игра начиналась, и ставки в ней были выше, чем он мог себе представить.

Графство Камберленд. Гостиница «Олдридж Мэнор». 19 января 1852 год.

Прошло три дня с того злополучного вечера, когда дробь выстрела расколола тишину деревенского праздника. За это время «Олдридж Мэнор» успел преобразиться — не внешне, а внутренне, став для Элеоноры и Ирис местом странного, почти хрупкого перемирия с реальностью. Графиня, обычно замкнутая в ледяном величии своей скорби, проводила с танцовщицей и её маленькой дочерью всё свободное время. Девушки на удивление быстро нашли общий язык.

Ирис, чья душа была изранена годами молчания и страха, ощутила в холодной аристократке не судью, а союзницу. Элеонора же, в свою очередь, находила в обществе этой простой, но сильной женщины нечто такое, чего ей так не хватало в мрачных залах «Черной Магнолии» — живую, настоящую теплоту, не отягощённую титулами и расчётами.

Однако за беззаботными прогулками по заснеженным аллеям и тихими беседами у камина скрывалось напряжение, которое с каждым днём становилось всё более ощутимым, как тугая струна перед разрывом. «Олдридж Мэнор» больше не был убежищем. Он стал ареной.

Каждое утро, выходя из своей комнаты, Элеонора и Джулиан чувствовали, как невидимый противник наблюдает за ними из тени, выжидая момента для нового удара. Они готовились, прокручивая в умах возможные сценарии, обсуждая пути отхода и сигналы тревоги. Но никто не мог предугадать, когда и откуда придёт беда.

Это утро выдалось ясным, почти обманчиво безмятежным. Снег, выпавший за ночь, лежал нетронутым, искрясь на солнце, словно миллионы крошечных алмазов. Воздух был колючим, чистым, с лёгким привкусом хвои из леса, что темнел на горизонте. Ирис, укутанная в тёплую шаль, отправилась в деревню вместе с Джулианом.

Сыщик надеялся разговорить местных жителей, вытянуть из них крупинцы информации о таинственном стрелке. Танцовщице же предстояло несколько часов изнурительных репетиций в местном театральном сарае. Элеонора осталась с Алисой.

Девочка, несмотря на пережитую травму, была невероятно жизнерадостной. Её звонкий смех разносился по заснеженному саду, когда они решили поиграть в снежки. Элеонора, обычно такая сдержанная и царственная, впервые за долгое время позволила себе забыть о графском титуле, о трауре, об обязанностях. Она смеялась, уворачиваясь от летящих снежных комочков, и сама лепила их с неуклюжей, но искренней радостью. Алиса визжала от восторга, её щёки покраснелись, а глаза горели азартом. В какой—то момент они, обессиленные и счастливые, рухнули прямо в снег, глядя в высокое голубое небо, где медленно плыли редкие облака.

— Алиса, — начала Элеонора, переводя дыхание и поворачивая голову к девочке, — прости за вопрос... Ты правда ничего не помнишь о том вечере, когда на тебя напали? О том, что случилось с тобой? —

Алиса задумалась, нахмутив свой маленький лобик. Её взгляд стал отсутствующим, будто она пыталась разглядеть что—то в туманной глубине своей памяти.

— Нет, не помню... — сказала она с детской искренностью. — Там было темно и страшно. А потом я проснулась уже у вас на руках. Помню только, как что—то красное мерцало в темноте... как огонёк. И всё. —

Эти простые слова упали в сознание Элеоноры, как камень в спокойную воду, расходясь кругами ледяного понимания. «*Красное мерцало в темноте...*» — мысль метнулась, как испуганная птица. Графиня замерла, и перед её внутренним взором всплыл образ, чёткий и неумолимый: массивный гранатовый перстень на пальце Фиби Локвуд, тот самый, что кроваво вспыхивал при каждом движении хозяйки отеля. «*Неужели... неужели в Ирис стреляла сама Фиби?!*» — эта догадка ударила с такой силой, что Элеонора на мгновение перестала дышать. Все нити, все сомнения, все странные совпадения вдруг складывались в единую, зловещую картину.

И в тот же миг, словно сама судьба подтверждала её подозрения, совсем рядом, у самой опушки леса, грянул выстрел. Сухой, резкий, пронзительный звук расколол зимнюю тишину, как нож, вонзившийся в шёлк. Алиса взвизгнула, инстинктивно прижавшись к Элеоноре. Пуля, выпущенная неизвестно откуда, с глухим *чвяк* вонзилась в сугроб, в каких—то пяти шагах от них, взметнув облачко снежной пыли. Элеонора действовала мгновенно — её тело, закалённое опасностями, сработало быстрее разума. Она рванулась вперёд, схватив девочку за руку, и, пригибаясь, побежала к гостинице. Снег хрустел под ногами, сердце колотилось где—то в горле, а в ушах всё ещё звенел выстрел. Вторая пуля просвистела совсем рядом, едва не задев край её длинной юбки, и вонзилась в деревянный столб у крыльца.

Элеонора, не сбавляя скорости, влетела на крыльцо, прикрывая Алису своим телом. В этот момент из распахнувшихся дверей гостиницы на ступени выскочил Арчер Локвуд. Его лицо было бледным, как простыня, глаза расширены от ужаса. Он не спрашивал, что случилось — он видел всё: испуганную девочку, запыхавшуюся графиню, вторую пулю, торчащую из дерева. Выстрелы мгновенно прекратились, как будто стрелок, увидев свидетеля, предпочёл скрыться.

— Графиня! Вы не пострадали?! — выдохнул он, хватая её за локоть и втягивая в тёплый полумрак холла.

— Нет... Всё в порядке, — ответила Элеонора, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от напряжения и холодной ярости. Она прижала к себе всхлипывающую Алису, которая вцепилась в юбку маленькими, дрожащими пальцами.

Когда Арчер увел Алису, Элеонора вышла на пороге, пытаясь рассмотреть, откуда стреляли. Лес — чёрный, молчаливый, настороженный — казался идеальным укрытием. Никаких следов, никакого движения. Только тишина, нарушаемая лишь быстрым биением её собственного сердца.

— Кто бы это ни был, — прошептала Элеонора, не сводя взгляда с деревьев, — он сделал свою ошибку. Теперь я знаю, куда смотреть —

Пока Элеонора оставалась в отеле, прикрывая собой перепуганную Алису и пытаясь разглядеть в чёрной чаще тень стрелка, Джулиан Элмвуд методично обходил дома и лавки Литтл — Олдридж. В сложившейся ситуации его главным оружием стало не острое лезвие отмычек и не холодный расчёт детектива, а обаяние — лёгкое, ненавязчивое, почти небрежное, но от того не менее эффективное. Он умел слушать, умел смотреть в глаза так, что собеседник чувствовал себя единственным человеком в мире, умел задавать вопросы, в которых не было и тени допроса. Эта маска непринуждённого джентльмена, слегка взлохмаченного и уставшего от городской суеты, открывала перед ним двери, которые полицейским пришлось бы выбивать с боем.

Цель его обаяния нашлась в небольшой пекарне на углу главной улицы, где пахло дрожжами, корицей и свежим хлебом — тем самым домашним, уютным запахом, который, казалось, проникал в самую душу. За прилавком суетилась Бетти — молодая, румяная девушка с добрыми, чуть испуганными глазами, которые, впрочем, быстро загорались любопытством при виде нового лица. Она часто доставляла свежую выпечку в «Олдридж Мэнор» и знала о его постояльцах больше, чем сама хозяйка. Пара тёплых слов, искренне обеспокоенный вид и блестящая гинья, которую Джулиан, словно невзначай, покатал в пальцах, а затем небрежно положил на прилавок — и Бетти растаяла, как масло на горячем хлебе. Она оглянулась на шорох фартука другого пекаря, а затем, прижавшись спиной к прохладному дверному косяку, понизила голос до доверительного шепота, в котором слышалась и гордость за обладание тайной, и страх перед её тяжестью.

— Между нами говоря, — прошептала она с блеском в глазах, который бывает только у тех, кто решается поделиться самым сокровенным, — удивляюсь, как Фиби вообще сдерживается. Вся деревня на ушах стояла, когда они с Арчером поругались. —

Джулиан наклонился чуть ближе, давая ей понять, что он — надёжный хранитель секретов. Его серо—голубые глаза, такие пронизательные, сейчас светились искренним участием.

— Поругались? — Мягкий вопрос, будто речь шла о чём—то пустяковом, но в глубине души профессиональное чутьё уже насторожилось. — Из—за чего же? —

Бетти, словно под гипнозом, продолжила: — Да из—за плясуньи этой. Из—за Ирис... На прошлой неделе, аккуратно перед тем вечером, и было. — Бетти снова нервно оглянулась на шорох за спиной, но в пекарне было тихо. — Вся деревня только о том и шепталась, что Локвуд опять за старое взялся. —

— За старое? — Джулиан с лёгкой улыбкой покачал головой, изображая непонимание. — Я слышал, что мисс Делан и мистер Локвуд лишь друзья детства. Разве это не так? —

— Так—то оно так, — согласилась Бетти, но в её голосе послышалась особая интонация, когда человек знает больше, чем говорит. — Они и правда с пелёнок вместе, как брат с сестрой. Да только каждый в деревне знал, что Арчер хотел сделать ей предложение. Он любил её, понимаете? До беспамятства любил, и все это видели. Глаза у него горели, как у пса на кость. Простите за грубость, сэр, но правда она такая. —

— И что же помешало? — Джулиан чуть приподнял бровь, с профессиональным интересом впитывая каждое слово.

— Никто не знает, — Бетти пожала плечами, и в этом жесте было столько деревенской мудрости, сколько не встретишь в самых умных книгах. — Ирис уехала в город, учиться танцевать. А Арчер... он тогда сильно пил, неделю, а потом вдруг женился на Фиби. У них, говорят, была договорённость с детства, но никто не знает наверняка. И жили они тихо—мирно, пока наша артистка не вернулась. —

— Да, тот вечер всех напугал, — заметил Джулиан, имея в виду покушение на площади.

— Ох, не про стрельбу я, — перебила его Бетти, замахав руками. — Не про стрельбу. А про ссору ту, что перед ней была. Фиби у нас обычно сдержанная, тихая, как мышь. Никто и не знал, что в ней столько злобы. А как про прошлое Арчера и Ирис услышала... Она как с ума сошла! — Бетти содрогнулась, и в её глазах мелькнул настоящий страх. — Говорят, что это Арчер девочку Ирис заделал. Похожа она на него, как две капли воды, только волосы светлые, как у матери. Вот с тех пор Фиби и смотрит на Ирис волком. Как лед стала, аж холодом от неё веет. —

Эти слова повисли в воздухе пекарни, тяжёлые, как камень. Джулиан на мгновение задумался, и перед его мысленным взором пронеслись все отрывки этого пазла: ревность Фиби, её ледяное спокойствие, выстрел, едва не оборвавший жизнь Ирис на площади, и вот — новая, жуткая деталь. Алиса может быть дочерью Арчера. Если так, то мотив Фиби — не просто ревность. Это страх потерять мужа, статус, свою жизнь. Это ненависть, способная на убийство.

Джулиан мягко улыбнулся Бетти, и в этой улыбке было столько тепла, что девушка даже покраснела. Он взял руку пекарши, вложил в ладонь гинею, которая до этого лежала на прилавке, и сжал её пальцы поверх монеты.

— Ты — само очарование, Бетти, — сказал он тихо. В его голосе слышалась искренняя благодарность. — Спасибо тебе за доверие. И ни слова больше. Никому. Даже если кто-то будет очень настойчиво спрашивать. Обещаешь? —

Бетти закивала, прижимая монету к груди, словно талисман. В её глазах светились одновременно страх и гордость от причастности к чему-то важному.

Джулиан вышел из пекарни в холодный, колючий воздух, и его мысли, словно шестерёнки сложного механизма, закрутились с бешеной скоростью. *«Если Фиби подозревает мужа в измене, если она уверена, что Алиса — его дочь, то у неё не просто мотив, у неё — кровавый ультиматум. Она уже стреляла один раз. И она не остановится, пока не уничтожит то, что считает угрозой своему счастью»*. Он почти бегом направился к отелю, чувствуя, как время сжимается, как каждая секунда промедления может стоить Ирис жизни. Едва дождавшись, когда танцовщица закончит репетицию, он схватил её за руку и, не тратя слов на объяснения, потащил обратно в «Олдридж Мэнор», к Элеоноре и Алисе. В груди горело холодное, яростное пламя. Он нашёл мотив. Теперь оставалось лишь поймать убийцу с поличным.

Когда Ирис и Джулиан возвращались в «Олдридж Мэнор», небо, ещё час назад такое ясное и безмятежное, вдруг сжалось в свинцовый кулак. Снег пошёл стеной — не крупными, пушистыми хлопьями, а мелкими, колючими иглами, которые ветер, сорвавшийся с горных вершин, гнал в лицо с такой яростью, будто сама природа решила напомнить людям, насколько они ничтожны перед её мощью. Метель налетела стремительно, накрыв мир белой, непроницаемой пеленой. Дорогу замело за считанные минуты, а мир сузился до нескольких шагов вперёд, где лишь смутно угадывались очертания деревьев и далёких крыш. Они едва успели добраться до гостиницы — Джулиан, прикрывая Ирис своим плечом от ледяного ветра, чувствовал, как пальцы немеют от холода, как снег набивается в сапоги и тает, превращаясь в ледяную воду. Когда они, наконец, перешагнули порог, ворвавшись в тёплый полумрак холла с громким стуком двери, метель за их спинами разбушевалась в полную силу, завывая в трубах и хлестая стёкла, словно осаждая крепость.

Услышав о стрельбе — о том, что в Элеонору и Алису стреляли на садовой дорожке, — Джулиан и Ирис, не снимая одежды, бросились наверх. Их ноги гулко топали по лестнице, дыхание сбивалось от волнения. Они нашли Элеонору в холле второго этажа, у высокого стрельчатого окна, за которым бушевала снежная стихия. Она стояла неподвижно, как мраморное изваяние, её силуэт чётко вырисовывался на фоне серого, беснующегося неба. Изумрудные глаза были устремлены вдаль, словно она пыталась разглядеть сквозь метель того,

кто посмел нацелиться на неё. В позе чувствовалась не просто усталость — глубокая, почти хищная сосредоточенность, как у охотника, затаившегося в засаде.

Джулиан подошёл чуть ближе, стараясь ступать как можно тише, чтобы не нарушить ту звенящую тишину, что воцарилась вокруг. Ему казалось, что он боится спугнуть эту хрупкую гармонию, в которой она пребывала. Но Элеонора, ощутив его присутствие за спиной, мгновенно повернулась. Во взгляде девушки мелькнула тень облегчения — едва уловимая, почти невесомая, но Джулиан, научившийся читать её, как открытую книгу, заметил это.

— Мисс Делан, — произнесла графиня, и голос её, лишённый привычной ледяной остроты, был ровен, но мягок. — С Алисой всё в порядке. Она спит. Вы можете забрать её, как согреетесь и отдохнёте. —

Ирис выдохнула — долго и судорожно, будто в этом смешались облегчение и всё ещё не отпускающий страх. Она благодарно кивнула. Бросив короткий, полный тревоги взгляд на Джулиана, артистка, не сказав ни слова, быстро скользнула вниз по лестнице. Как только шаги затихли, Элеонора перевела взгляд на Джулиана. В изумрудных глазах мелькнула нежность, почти сразу же сменившаяся холодным упрёком.

— Мистер Элмвуд, — начала она, заставляя мужчину чувствовать себя нашкодившим мальчишкой, — как можно столь халатно относиться к собственному здоровью? Вы промокли до нитки, дрожите, как осиновый лист, и, кажется, даже не замечаете этого. Вам нужно согреться и просохнуть. Сейчас же. —

Она не ждала возражений. Не обращая внимания на его запоздалый протест, графиня решительно взяла его за руку — ледяную, дрожащую — и завела в свою комнату. Внутри царил полумрак, разбавленный лишь мягким золотистым светом от камина, где весело потрескивали и шипели дрова, разгоняя холод. Воздух был напоён запахом сушёной лаванды и старого дерева, уютным теплом, которое так резко контрастировало с ледяной бурей за окном. На софе, укрытая толстым шерстяным пледом, спала Алиса. Щёки девочки были румяными, во сне она улыбалась чему-то своему, и к ней, свернувшись калачиком и довольно похрапывая, прижимался белый кролик Снежок — живой комочек, уютно вжавшийся в бок хозяйки. Картина была настолько мирной, что на мгновение Джулиану показалось, будто всё это — лишь дурной сон, а они просто отдыхают в тихом горном убежище.

Элеонора, действуя с той непринуждённой властью, которая была присуща только ей, принялась раздевать Джулиана, как нашкодившего ребёнка. Её пальцы, ловкие и уверенные, расстёгивали пуговицы мокрого, тяжёлого пальто, после снимали промокший насквозь сюртук. Он хотел было возразить, сказать, что сам справится, но слова застряли в горле. Такой заботы, такой бесцеремонной, почти материнской и в то же время невероятно интимной близости он не ожидал. Очаровательный денди, привыкший всё контролировать, на мгновение растерялся, позволив ей усадить себя на пол у огня. Пламя камина отражалось в её волосах, отбрасывая тёплые багряные блики на бледное лицо.

Пока никто не видел, графиня, через свою служанку, передала мокрые вещи в сушку. Когда суэта улеглась, Элеонора налила в большую фаянсовую кружку крепкого травяного чая — настой, пахнущий мятой, ромашкой и горным чабрецом, — и присела рядом, на маленький пуфик у камина. Она протянула кружку Джулиану. Его пальцы, коснувшись её, ощутили приятное тепло.

— Итак, — начала она, глядя на него поверх кружки. В голосе графини вновь появилась знакомая, острая нотка, — что такого важного вы собирались мне сообщить, даже не беспокоившись собственным состоянием? Что заставило вас мчаться сквозь метель, забыв о холоде и опасности? —

Джулиан сделал глоток обжигающего настоя, чувствуя, как тепло разливается по телу, согревая пальцы и прогоняя холод изнутри.

— Сегодня, — тихо начал он, — я узнал, что миссис Локвуд очень сильно приревновала мужа к Ирис Делан. В округе говорят, что Алиса — на самом деле его дочь. —

Элеонора задумалась. В её глазах, отражающих пламя камина, промелькнула тень понимания. Она едва заметно кивнула, словно в пазл, который долго складывался, наконец, встала последняя деталь.

— Вот как... — послышалась особая, ледяная решимость, которая появляется только тогда, когда все точки были расставлены. — Что ж, тогда это многое объясняет. Ревность, страх потерять мужа, боязнь, что её место займут... и ненависть, способная на всё. Даже на убийство. —

Пока она говорила, Джулиан, не в силах отвести взгляда, залюбовался ею. Изумрудные глаза, подобные осколкам драгоценных камней, казалось, сами светились изнутри и горели холодным, живым огнём. Несмотря на все тревоги расследования, опасности, что поджидали их, на страх за Ирис и Алису, она сумела расслабиться. Её движения, обычно точные и властные, стали мягче. Она подогнула ноги. Сидя на полу, в такой позе, Элеонора смотрелась необычно, с каплей женственной уязвимости. Боль из—за дела с матерью, всё ещё терзавшая её, наконец, начала отступать, уступая место чему—то новому — теплу, которое она позволяла себе чувствовать рядом с ним. И в этот момент, когда она повернула голову, чтобы что—то сказать, он не выдержал.

Он наклонился, и в этом движении не было прежней лёгкой дерзости — лишь трепетная, почти благоговейная решимость. Губы Джулиана коснулись её губ вначале с неуверенностью человека, впервые ступающего на тонкий лёд: мягко, вопросительно, словно боясь спугнуть само это мгновение. Но едва ощутив ответное тепло, почти незаметную дрожь её губ, всё его сдерживаемое напряжение, вся тоска долгих недель и немого ожидания хлынули наружу.

Поцелуй углубился, потеряв робость, став жадным и требовательным. Одна его рука скользнула по её спине, притягивая ближе, вторая — коснулась затылка, пальцы запутались в прохладных прядях волос, придерживая, не давая отстраниться. Он чувствовал, как бьётся её сердце — часто, сбивчиво — через тонкую ткань платья, и это только подхлёстывало его собственное желание продлить мгновение. Он целовал её так, будто хотел вобрать в себя весь её холод, всю её усталость, растопить жаром собственного тела. Его дыхание смешалось с её. Губы разбежались, чтобы коснуться уголка её рта, скулы, виска, — и снова вернулись, властные и нежные.

Элеонора, ошеломлённая силой этого порыва, на миг замерла, но лишь на миг. Её руки поднялись и сжали ворот его рубашки, пальцы впились в плотную ткань, словно ища опору. Она ответила на поцелуй — сначала неуверенно, затем с той же страстью, которая вдруг прорвалась сквозь ледяную броню. Её губы раскрылись. В этом движении было столько же отчаяния, сколько и желания: желания забыться, поверить, что этот миг — не иллюзия, не мираж.

Когда он наконец медленно, почти нехотя отстранился, их дыхание стало сбивчивым и горячим. Его лоб коснулся её лба, глаза оставались закрытыми, словно они боялись разомкнуть веки и увидеть, что это сон. В это миг оба были сбиты с толку нахлынувшим чувством.

— Джулиан... я... — Она запнулась, не находя слов, и лишь прижалась ладонью к его щеке. Он перехватил её руку, повернул и поцеловал запястье, туда, где билась тонкая голубая жилка.

Элмвуд был не в силах произнести и слова, лишь покачал головой. В этом жесте была смесь изумления, страха перед силой этого чувства и тихого, смиренного принятия. Он позволил себе прижаться к её плечу, чувствуя, как впервые за долгое время её ледяное сердце начинает оттаивать в его тепле.

— Мне нужно поговорить с Ирис, — произнесла она, стараясь держать голос. Однако тихое произношение, как шелест снега за окном, выдавало волнение. — Я чувствую, что она

готова довериться мне. — Взгляд графини скользнул в сторону спящей Алисы, такой беззащитной в свете угасающего камина. — Мистер Элмвуд, прошу, присмотрите за девочкой.

Джулиан кивнул, боясь показывать раскрасневшееся лицо.

— Я буду здесь до вашего возвращения. Ступайте и раскройте эту тайну, госпожа. —

Элеонора одобрительно хмыкнула, и в этом коротком звуке слышалась глубокая благодарность. Она встала. Простое чёрное платье, облегающее стройную фигуру, бесшумно скользнуло по ковровой дорожке. Правда скрывалась где—то за стеной молчания скромной артистки, и пора было вытащить её на свет.

Комната Ирис была скромной и светлой, но сейчас этот свет казался обманчивым. Она была подобна капсуле тишины, где можно было услышать лишь прерывистое дыхание танцовщицы. Из—за метели репетиция закончилась раньше, и молодая артистка, быстро попрощавшись с коллегами, поспешила укрыться в своих покоях. Одиночество никогда не тяготило её, но теперь этот покой, вместо того чтобы успокаивать, лишь давил на душу, усугубляя тревогу, что грызла её изнутри. Мисс Делан сидела на краю кровати, сгорбившись, как сломленный тростник, — её плечи были опущены, пальцы судорожно перебирали край платья, а взгляд, пустой и невидящий, был прикован к сучку на бревенчатой стене, будто она искала в нём ответы на вопросы, которые боялась задать вслух.

Эти три дня она почти не спала, мучаясь от переживаний. Только беззаботность Алисы, её детский смех, и неожиданная, тёплая поддержка графини Монтегю, которая, несмотря на свою ледяную репутацию, оказалась невероятно чуткой, не давали ей окончательно сломаться. Но сейчас, когда девочка спала в комнате графини, а вокруг бушевала метель, Ирис осталась наедине с самыми тёмными страхами.

Тень, бесшумно скользнувшая в комнату, заставила её вздрогнуть. Ирис резко вскинула голову. Её глаза, огромные от внезапно накатившего страха, встретились с изумрудными глазами леди Сент—Клер. В них не было ни осуждения, ни жалости — только та спокойная, ледяная уверенность, которая внушала уважение даже в самые тяжёлые минуты.

— Здравствуй, Ирис... —

В сложившихся обстоятельствах между ними уже не осталось места для лжи или полуправды. Элеонора присела на свободный стул, не вторгаясь в личное пространство собеседницы, но и не позволяя той отстраниться. Несколько долгих, томительных мгновений они молча рассматривали друг друга — графиня давала Ирис время привыкнуть к её присутствию, почувствовать, что она не враг.

— Мне не понять всей глубины твоего страха, — начала Элеонора мягко, без излишней сентиментальности. — Оттого и утешить тебя я не могу. Но могу выслушать. —

Ирис опустила взгляд, её пальцы сжались на краешке платья так сильно, что костяшки побелели.

— Вы не знали материнской любви? — Спросила она почти шёпотом, и в этом вопросе слышалась не столько любопытство, сколько желание найти общий язык. Элеонора помедлила с ответом, и в этом молчании была глубокая, многолетняя печаль.

— Не знала, — призналась она наконец. Голос, обычно такой ровный, дрогнул едва заметно. — Высший свет стремится быть идеальным. Кто бы мог подумать, что в этом идеальном, сверкающем мире, где всё подчинено приличиям и статусу, любовь окажется недостижимой роскошью. Самым редким из сокровищ. —

— Сочувствую вам... — прошептала Ирис, и в этих словах слышалась искренняя, хоть и робкая, попытка утешить ту, кто пришла утешать её.

— Моя матушка была непростым человеком, — продолжила графиня. Вопреки всему, в голосе звучала мягкость. — Самое трудное — признавать, что какой бы чудовищный поступок она ни совершила, я всё ещё считаю её своей матерью. Видишь ли, Ирис, связь между матерью

и дочь — она не разывается от злодеяний. И это делает её одновременно и самым ценным даром, и самым тяжёлым проклятием. —

— Говорят, нет чувств сильнее, чем те, что связывают мать и дочь, — прошептала Ирис, и в её глазах вновь блеснули слёзы.

— Алиса — очаровательный ребёнок, — мягко сказала Элеонора, словно пытаюсь отвлечь собеседницу от мрачных мыслей, направить беседу в другое русло. — Несколько дней с ней помогли мне позабыть о рабочей суе и проблемах. В её смехе есть что-то такое... очищающее, что ли. —

Ирис вздрогнула. В глазах вновь промелькнула тень того самого страха, от которого она так отчаянно пыталась спрятаться.

— Госпожа, мне страшно... — вырвалось у неё вдруг, и по щекам потекли беззвучные слёзы. — Все эти дни я думала про тот выстрел. Переживала, что этот неизвестный... что он попробует навредить Алисе, если не смог добраться до меня. Вдруг она пострадает? Вдруг он придёт за ней? —

Элеонора подалась вперёд. Рука, тонкая и сильная, легла поверх руки Ирис, сжимая её в знак поддержки.

— Ирис, понимаю, что это тяжело, — сказала она, не выдавая и тени колебаний, — но я должна спросить. Возможно, только так нам удастся найти преступника и остановить его. — Она сделала микроскопическую паузу, давая имени пронзить защиту, которую танцовщица так долго выстраивала. — Кто отец Алисы? —

Ирис вжалась в стену, словно пытаясь раствориться в ней, стать невидимой. Её лицо исказила гримаса чистого, животного ужаса, смешанного с отчаянием.

— Отец Алисы... — Голос женщины предательски дрогнул, но Элеонора не отступила, глядя на неё с той ледяной настойчивостью, которая не оставляла места для уловок.

— Алиса сказала, что ничего не помнит о том, кто на неё напал, — продолжила графиня. В комнате холоднее, а время помчалось методичнее, как в кабинете у хирурга, вскрывающего гнойник. — Но тот, кто стрелял, явно так не считает. Он или она думают, что девочка видела слишком много. А значит, она в опасности, Ирис. —

Воцарилась пауза — долгая, тяжёлая, наполненная грохотом падающих бастонов лжи, которые Ирис возводила годами.

— Ты же давно поняла, кто погрузил вас в пучину страха и безысходности, — тихо, но безжалостно закончила Элеонора. — Ты просто не решалась признаться в этом. —

Последний выпад заставил танцовщицу сдаться. Соппротивление рухнуло. Ирис зажмурилась, будто пытаясь стереть ужасную реальность, но слёзы, горячие и горькие, пробились сквозь сомкнутые ресницы, проложив мокрые дорожки по бледным щекам. Её рука, всё ещё зажатая в ладони Элеоноры, судорожно сжала пальцы графини, ища опору.

— Арчер... — выдохнула Ирис шёпотом, полным отчаяния и сдерживаемых рыданий. Слова вырывались с трудом, прерываясь всхлипами. — Мы были друзьями с самого детства. Трудно сказать, когда именно один полюбил другого. Наш роман... он вспыхнул на фоне юношеской страсти — бурной, мимолётной, будто случайное воспоминание давно минувших лет. Я не хотела выходить за Арчера. Я мечтала о другом, о сцене... Поэтому уехала, как только представился шанс. Мне удалось найти прекрасную работу. Коллектив принял меня, и казалось, всё идёт своим чередом. Но тут... —

— Ты поняла, что беременна, — мягко закончила за неё Элеонора.

Ирис кивнула, и этот кивок был таким тяжёлым, будто она соглашалась взвалить на себя гору камней.

— Я решила не говорить Арчеру о ребёнке. К тому моменту он уже женился на Фиби. Труппа поддерживала меня, помогала. Я не хотела разрушать сразу три жизни. — Она бес- сильно махнула рукой, жест был полон отчаяния.

— Прошло несколько лет. Я работала, растила Алису, жила спокойной, размеренной жизнью, вдали от той бури. Покой был нарушен, когда театру прислали весьма выгодное предложение выступить здесь, в «Олдридж Мэнор». Случайная встреча. Старая любовь. Когда Арчер увидел Алису, он сразу всё понял. Да что там! Вся деревня поняла, ведь она так на него похожа. Мы долго говорили. Он хотел официально признать её, чтобы обеспечить... — Ирис снова всхлипнула, плечи её затряслись.

— Я отказала ему, — выдохнула она, глотая слёзы. — Все эти годы мы жили только вдвоём. И большего нам не надо было. Я не хотела возвращаться в прошлое. —

— Но Фиби узнала о слухах, — тихо уточнила Элеонора. — И решила, что ты займёшь её место. —

Ирис содрогнулась. На лице женщины отразился весь ужас, который она так долго таила в себе.

— Вдруг она снова что-то сделает с Алисой? Вдруг она придёт за моей девочкой? — Она не выдержала и, разрыдавшись, обняла Элеонору, уткнувшись лицом в её плечо. Тело танцовщицы содрогнулось от беззвучных, раздирающих рыданий — скорбь, страх и годы молчания вырвались наружу, наконец — то обретая голос. Элеонора осторожно обняла её в ответ, чувствуя, как бьётся сердце Ирис. В глубине изумрудных глаз бушевал шторм сочувствия и ледяной решимости. Картина сложилась окончательно. Каждый фрагмент действительно встал на своё место. Мотивом была ледяная, собственническая ревность, перешедшая в патологическую ненависть. Жертвами — женщина, чья вина заключалась лишь в любви прошлого, и её ребёнок, не ведающий о буре взрослых страстей. Виновницей же — дама с глазами хищной кошки и кроваво-красным камнем на руке, чьё показное спокойствие было страшнее любой истерики.

Рыдания Ирис постепенно стихли, сменившись истощённой дрожью. Она подняла заплаканное лицо. В её взгляде, мутном от слёз, мелькнуло что-то похожее на робкую надежду.

— Убьёт... — прошептала она хрипло. — Если не меня... то Алису. Она не остановится. Она придёт за нами. —

Элеонора медленно поднялась, и в этом движении было столько величия и непоколебимой силы, что Ирис невольно выпрямилась, глядя на неё снизу — вверх, как на защитницу.

— Она не притронется ни к тебе, ни к Алисе. — Сказала графиня, и голос её, низкий и металлический, прозвучал как приговор, не допускающий сомнений. Она повернулась к двери, но на пороге остановилась, бросив короткий взгляд на Ирис.

Первым делом надо было вернуться к Джулиану — он, наверняка, уже извёлся от волнения. Затем найти доказательства против Фиби Локвуд, отыскать оружие, из которого она стреляла. И, самое главное, обезопасить Алису. Двери в спальню, ночная стража, тишина, в которой не было места случайностям — всё должно было быть продумано до мельчайших деталей.

Покой заснеженных Камберлендских гор был растоптан ядом ревности, но Элеонора знала: на этом яде она вырастит оружие, которое обратит против самой отравительницы.

Кабинет мистера Локвуда замер в гнетущей тишине. Воздух, пропитанный запахом старого дерева, воска и пыльных книг, вибрировал от невысказанной вины, словно каждая вещь в этой комнате знала больше, чем могла поведать. Ирис, бледная, с покрасневшими от бессонницы глазами, сидела в кресле, её руки судорожно сжимали кружевной платок. Элеонора стояла у окна. Чёрный силуэт вырисовывался на фоне заснеженного сада, а Джулиан, прислонившись к книжному шкафу, внимательно наблюдал за хозяином кабинета.

Арчер Локвуд выглядел сломленным. Он сидел за своим массивным дубовым столом, опустив голову, пальцы нервно перебирали край столешницы. Когда Элеонора закончила излагать факты — осторожно, но безжалостно — он поднял на неё глаза. В них читалась такая глу-

бокая, такая невыносимая мука, что даже непроницаемое лицо графини на мгновение дрогнуло.

— Фиби... — голос его звучал хрипло и надломленно. — Вы уверены? Это ведь... это не может быть правдой... —

— Мистер Локвуд, — мягко, но твёрдо ответила Элеонора, — я понимаю, как вам тяжело. Но улики неумолимы. И если мы не действуем сейчас, следующая жертва может оказаться... — она сделала паузу, давая словам осесть, — ...вашей дочерью. —

Арчер вздрогнул, услышав это слово — «дочь». Он посмотрел на Ирис взглядом полным боли и запоздалого раскаяния, скрывая отблеск той давней, юношеской любви, которую так и не смог забыть. Ирис, встретив его взгляд, лишь отвернулась, сжимая платок так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Я помогу, — наконец сказал Локвуд, и голос его обрёл стальную твёрдость. — Что нужно делать? —

Они действовали с синхронностью отточенного механизма. Оставались лишь последние штрихи, последние детали, которые должны были превратить паутину подозрений в неопровержимую сеть улик.

Первый штрих

Локвуд, пересилив себя, позволил Элеоноре и Джулиану тайно осмотреть комнату супруги. Графиня понимала: стрелок не расстанется с оружием, пока не убедится, что цель уничтожена. А пальба рядом с отелем в день нападения на Алису только подтверждала это мрачное предположение.

Комната Фиби была образцом холодной, почти стерильной элегантности. Ничего лишнего, всё на своих местах — каждый флакон на туалетном столике, каждая книга на полке, каждая складка на тяжёлых портьерах цвета морской волны. Идеальный порядок, за которым так часто прячутся хаос и отчаяние. Элеонора, скользя взглядом по интерьеру, отметила болезненную привязанность хозяйки к контролю — каждая вещь стояла под идеальным углом, словно Фиби боялась, что малейший сдвиг обрушит её хрупкий мир.

Воздух в комнате был густым, почти осязаемым. Джулиан, войдя следом за Элеонорой, сразу же нахмурился. Он втянул воздух носом, прикрыв глаза, словно прислушиваясь к невидимому аромату.

— Сильный запах мяты, — тихо сказал он, и в его голосе послышалась напряжённая нота. — Но не только. Порох. —

Он двинулся вдоль стены, его движения были бесшумными, почти кошачьими — привычка, выработанная за время работы в тёмных переулках Ист—Энда. Кивком головы он указал на небольшую щель за массивным гардеробом. Элеонора подошла ближе. Запах пороха становился отчётливее — резкий, металлический, смешанный с приторным ароматом мяты.

Джулиан, не говоря ни слова, ловко отодвинул гардероб. В щели, завернутый в старую фланелевую тряпку, лежал свёрток. Он развернул его — и в тусклом свете комнаты блеснул воронённый ствол охотничьего ружья. Тонкий, изящный, женский — но вполне смертоносный.

— Легкий... — прокомментировал Джулиан, поднимая оружие. Он осторожно понюхал дуло. — Стреляли недавно. Запах свежий. И... —

Он перевернул ружьё, показывая Элеоноре приклад, где чернели едва заметные капли засохшей крови. Их взгляды встретились. Никаких слов не требовалось.

Когда Арчер Локвуд увидел оружие, от его лица отхлынула вся краска. Он пошатнулся, опершись о дверной косяк, и его глаза, широко раскрытые, смотрели на ружьё так, будто видели перед собой не просто оружие, а само воплощение предательства.

— Боже... — выдохнул он. — Это же её ружьё. Я думал, оно потерялось ещё прошлой зимой... Она сказала, что его украли... —

Джулиан молча продолжал осмотр. За гардеробом, в маленькой деревянной коробочке, он нашёл свинцовые дробинки и флакон с остатками дымного пороха. Всё было аккуратно упаковано, как в аптечке — смертоносная аптечка, приготовленная для одной—единственной цели.

— Улики, — тихо сказал Джулиан, — говорят громче любых оправданий.

Второй штрих

После обыска, когда вещи были аккуратно упакованы и спрятаны в сейф Арчера, Джулиан, под предлогом «осмотра места происшествия для констебля», вернулся к тем самым кустам у сцены. Снег уже начал подтаивать, открывая следы, оставленные стрелком. Теперь можно было разглядеть глубокие вмятины на замёрзшей земле, сломанные ветки и следы, ведущие обратно к гостинице. Джулиан проследил путь, по которому стрелок пришёл из отеля в деревню, и нашёл тайную тропу — едва заметную, прикрытую зарослями шиповника. Тропа, которую знал только тот, кто годами жил в этих местах.

Третий штрих

Неоспоримым доказательством, конечно, оставался перстень. Элеонора не стала его изымать — камушек должен был сыграть особую роль при разоблачении. Слишком яркая, слишком узнаваемая деталь. Фиби Локвуд, в своей одержимости, не смогла расстаться с ним даже в момент убийства. И теперь этот кроваво—красный камень должен был стать её приговором.

На следующее утро, в кабинете мистера Локвуда, собрались все действующие лица трагедии графства Камберленда. Арчер Локвуд — осунувшийся, постаревший на десять лет за одну ночь. Ирис — бледная, но собранная, заряженная странной, болезненной решимостью, которая появляется у людей, переживших худшее. Джулиан Элмвуд, который заранее сообщил, что Алиса под надёжной охраной в комнате Элеоноры. И сама Элеонора Сент—Клер — спокойная, как поверхность застывшего озера, и такая же холодная.

— Она не должна знать, — сказала Элеонора, обращаясь к Арчеру. — Если она почувствует ловушку, всё рухнет. Вы должны сделать вид, что ничего не произошло. Скажите, что прибыл констебль. Она пойдёт за вами. —

Арчер кивнул, сглотнув ком в горле. Его руки дрожали, когда он поправлял галстук — жест, который он повторял всякий раз, когда был на пределе. — Я сделаю, — сказал он, и голос его, на удивление, прозвучал твёрдо. — Ради Алисы. —

Апартаменты миссис Локвуд дышали холодным, стерильным величием — музейная чистота, за которой не было жизни. Антикварная мебель, тяжёлые портьеры цвета морской волны, картины в золочёных рамах — всё кричало о статусе и безупречном вкусе, но в воздухе витал тот особый, неуловимый запах, который бывает в домах, где давно не звучал искренний смех.

Госпожа Фиби стояла у камина, где слабо потрескивали угли — последнее тепло в этом ледяном царстве. В её руке, сжатой в кулак, был тот самый перстень. Кроваво—красный камень мерцал в свете камина, отбрасывая на стены багровые блики, словно застывшая капля вины, терзающая душу. Она смотрела на огонь. В глазах холодных и пустых, мелькал странный, лихорадочный блеск.

Тихий стук в дверь заставил женщину вздрогнуть. Прежде чем она успела ответить, дверь открылась. На пороге стоял Арчер.

— Фиби, — голос мужа был гладким, как полированный лёд, — прибыл констебль. Он проясняет детали происшествия у меня в кабинете. Он хотел бы поговорить с тобой. —

Фиби замерла. Её лицо оставалось непроницаемой маской. Арчер знал её и без труда увидел, как зрачки в холодных глазах резко сузились. Как пальцы с перстнем инстинктивно сжались сильнее, спрятавшись в складках платья.

— О чём? —

— Есть свидетель, который видел стрелявшего. —

— И кто же свидетель? — Фиби усмехнулась. В этой усмешке было столько ядовитого презрения, что Арчер невольно сжал кулаки. — Твоя ненаглядная плясунья? —

— Дорогая, при чём тут Ирис? —

— Да, при том, что все беды в нашем доме начались из—за неё! — Голос жены сорвался на визгливый фальцет. — Ещё додумался притащить её сюда! В мой дом! Позорить меня на глазах у всей деревни! —

— Фиби! — Арчер повысил голос, но в нём слышалась скорее мольба, чем гнев. — Как только преступник будет пойман, она уедет! Ты слышишь? Она уедет! —

— Правда?! — Фиби рассмеялась, и смех её был похож на треск сухой ветки. — Это после того, как выяснилось, что её соплечка — твоя дочь?! Твоя незаконнорожденная, грязная выблядка, которой ты хочешь оставить своё состояние?! —

Арчер застыл в дверях, как вкопанный. Его лицо исказила гримаса боли и ярости: — Не смей так говорить про Алису! — В его голосе впервые за этот разговор прозвучала сталь. Фиби лишь презрительно фыркнула, отворачиваясь к камину.

— Передай констеблю, что я скоро буду, — бросила она через плечо. В тоне слышалась такая уверенность, будто она была уверена, что игра ещё продолжается.

Выходила из спальни миссис Локвуд крайне самоуверенно — её походка была плавной, почти танцующей, как у человека, который считает, что все нити в его руках. Путь к кабинету мужа проходил через малую гостиную — уютную, но сейчас пустую комнату, где лишь камин отбрасывал жар на тяжёлые бархатные кресла.

Фиби остановилась у камина, поднесла перстень к свету. Кроваво—красный камень заиграл яркими бликами, отражая пламя огня, и на мгновение ей показалось, что она видит в нём не просто украшение, а источник всей своей силы, всей своей ярости. Она замахнулась, готовая бросить его в огонь — уничтожить последнюю улику, как уже уничтожила всё остальное.

— Вы же были на площади во время выстрела. —

Голос, внезапный и холодный, как зимний ветер, заставил её замереть. Фиби резко обернулась. В дверях стояла Элеонора — неподвижная, как мраморная статуя, с выражением лица, которое не сулило ничего хорошего.

— Нет, — ответила Фиби, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я была здесь в отеле. Было много работы. Я никуда не выходила. —

— Любопытно, — Элеонора сделала шаг вперёд. В её движении чувствовалась та же грация, как у хищника, приближающегося к добыче. — Ваше присутствие на площади действительно оказалось столь... незаметным. Вы так стремились скрыться после промаха, что даже следы не убрали. Совершенно растерялись. —

Фиби побледнела, но быстро взяла себя в руки. Её голос стал ледяным.

— Графиня, я совершенно не понимаю, о чём вы говорите. —

— Не понимаете? — Элеонора приблизилась почти вплотную. На её губах играла едва заметная, но от этого ещё более зловещая улыбка. — Маленькая девочка... она же была там. Конечно, запомнить лицо человека во тьме сложно, но был другой элемент, который вы забыли скрыть. —

Фиби нервно сглотнула. Элеонора наклонилась к её уху и прошептала так тихо, что слова прозвучали как шипение змеи: — Граната блеск кровавый... —

Она отступила на шаг, развернулась и бесшумно вышла из комнаты, оставив Фиби в полной растерянности. Миссис Локвуд замерла на месте. В голове металась мысль: *«Она знает! Она знает! Она всё знает!!! Нужно что—то делать! Срочно! Что делать?!»*. Женщина снова посмотрела на перстень. Камень в золотой оправе заиграл яркими бликами, отражая пламя

камина, и этот блеск показался ей насмешкой. Она уже занесла руку, чтобы бросить его в огонь, как за спиной вновь раздался голос.

— На вашем месте, я бы не стал этого делать. —

Фиби резко обернулась. В гостиную вошёл Джулиан. Он смотрел на неё с той спокойной, почти ленивой уверенностью, которая была ему так свойственна и которая в этот момент казалась ей невыносимой.

— Исчезновение кольца не исправит вашего положения, — продолжил он, делая шаг вперёд.

— Да что вы знаете?! — выкрикнула Фиби. В голосе, наконец, послышалась истерическая нота, которую она так долго сдерживала.

— Знаю, что вы оказались очень ревнивой женой, — Джулиан говорил спокойно, почти лениво, но каждое его слово было точно выверенным ударом. — Которая узнала, что её муж спонсирует гастроли своей давней возлюбленной, и что ещё хуже — хочет признать свою незаконнорожденную дочь. —

Фиби дёрнулась всем телом, будто получила пощёчину. Её лицо исказила гримаса ярости и боли. Она резко выпрямилась, нервно одернув край платья, и сорвалась в истерику.

— Это ложь! Грязная ложь! Арчер никогда... Он не посмел бы! Эта... эта безродная девка! Она втерлась ему в доверие! Она и её выродок! —

— Выродок? — Джулиан сделал ещё один шаг вперёд. — Неужели вы имеете в виду свою падчерицу? Девочку, которая будет носить фамилию Локвуд? Которая унаследует часть состояния вашего мужа? Это, должно быть, невыносимо. И достаточно, чтобы взять в руки ружьё? —

Фиби сломалась. Всё, что она так долго сдерживала, всё, что копилось годами ревности и ненависти, выплеснулось наружу в одном оглушительном крике.

— Она разрушила всё! — Голос женщины разорвал тишину, как выстрел. — Она осмелилась претендовать на моё место! На мою жизнь! На мой дом! И Арчер... даже он... он предал меня! —

Слёзы отчаяния и унижения хлынули, растекаясь по её щекам — грязные, отчаянные слёзы, которые она так долго не позволяла себе. Она метнула яростный взгляд на перстень в руке, словно видела в нём источник всех своих бед.

— Я хотела лишь напугать эту уличную потаскуху. Чтобы она убралась подальше со своим подкидышем! —

После столь резкого признания тело Фиби пробила нервная дрожь. Она стояла, сторбившись, только плечи сотрясались от судорожных рыданий. Последние её слова повисли в воздухе — гулкие и страшные в своей откровенности. И только после всей бравады она увидела, что в дверях, бледный как смерть, стоит Арчер Локвуд. Рядом с ним — коренастый, потрясённый констебль из Уэверли, явно услышавший достаточно, чтобы составить обвинительное заключение.

— Фиби... — прошептал Арчер, и его лицо было маской страдания и ужаса. — Боже... что же ты наделала? —

Истерика женщины сменилась леденящим пониманием. Она вновь посмотрела на перстень — на кроваво-красный камень, который теперь был не украшением, а уликой и прямым доказательством её вины. Беззвучно, словно подкошенная, Фиби Локвуд опустилась на колени. Присутствие мужа окончательно потрясло её.

— Миссис Локвуд, — тяжело прогремел констебль, шагнув вперёд. Его лицо стало суровым, голос — неумолимым. — Вы только что признались в покушении на убийство. Вам следует пройти со мной. Сейчас же.

Он осторожно, но твёрдо взял женщину под локоть. Жест вырвал её из оцепенения, и Фиби задергалась в попытках освободиться, но истощённое стрессом тело почти не слуша-

лось. Так несостоявшуюся преступницу увели мимо ошеломлённого, раздавленного мистера Локвуда, который не нашёл в себе сил даже посмотреть супруге вслед. Он стоял, опершись о дверной косяк, и его взгляд был устремлён в пустоту.

В тот же вечер, собрав все свои немногочисленные вещи, Ирис решила покинуть отель «Олдридж Мэнор». Лицо танцовщицы было бледным, но решительным. Страх, терзавший её долгие недели, сменился жгучей необходимостью вернуть жизнь в привычное русло — туда, где не будет теней с кровавыми камнями и ревнивых взглядов из—за угла.

Арчер не стал её отговаривать. Он лишь стоял у дверей, наблюдая, как та, кого он когда —то любил, и, возможно, любил до сих пор, заботливо держит за руку их дочь. Алиса, ещё не до конца понимающая происходящее, смотрела на отца с тем детским любопытством, которое не знает обид и предательств. В сложившихся обстоятельствах только она радовалась долгожданному спокойствию.

— Мы уезжаем со следующим дилижансом, — сказала Ирис Элеоноре, и в её голосе звучала странная смесь горечи и облегчения.

Графиня на это заявление лишь кивнула. Она подошла ближе, якобы поправить воротник на платье Алисы. В этом жесте, быстром и незаметном, в руку Ирис скользнул плотный конверт и маленький, аккуратно сложенный листок бумаги.

— Отправляйтесь в Лондон, — прошептала Элеонора так тихо, чтобы слышать могла только Ирис, — на этот адрес. Человек надёжный. Он поможет с жильём и работой. Идите и не останавливайтесь. —

Ирис сжала конверт и бумажку, как талисман. В её глазах заблестели слёзы благодарности и облегчения — первые слёзы, которые она позволила себе после того ужасного дня на площади.

— Спасибо, — прошептала она, и в этом слове было больше, чем благодарность. Там была надежда. — За всё. —

Она крепче сжала руку Алисы, которая смотрела на Элеонору большими, дружелюбными глазами, и решительно направилась к выходу. Снег за окном сверкал в лучах заката, обещая новое начало. Тень с кровавым камнем больше не висела над ними. Правда восторжествовала, оставив после себя горечь разбитых жизней и искрящийся, безразличный снег Камберлендских гор.

В корзинке, которую несла Алиса, мирно спал Снежок — белый кролик, который когда —то стал невольным свидетелем чужой трагедии, а теперь увозил с собой в Лондон лишь детские воспоминания о тихой деревне, злой тёте с красным камнем и о той удивительной леди в чёрном, которая подарила им надежду на новую жизнь.

Лунный свет, пробивавшийся сквозь заиндевевшие стеклянные своды оранжереи, заливал тропический мир призрачным серебром. Воздух был густ, влажен и насыщен пьянящим ароматом орхидей, влажной земли и чего—то неуловимо экзотического — запаха, который, казалось, вбирал в себя все тайны этого места. Тишину нарушал размеренный плеск воды в небольшом каскаде, да редкие капли, падающие с широких листьев на каменные плиты дорожек, словно отсчитывая минуты, украденные у времени.

После ледяной жестокости и разоблачения Фиби Локвуд, после рыданий Ирис и раздавленного взгляда Арчера Локвуда, эта тёплая, живая тишина показалась бальзамом. Джулиан и Элеонора стояли среди гигантских папоротников, чьи ажурные листья отбрасывали кружевные тени на их лица. Сквозь задумчивость проступали следы усталости — это была не физическая слабость, а глубокое душевное самоочищение после столкновения с человеческой низостью.

— Всё сходится, — голос Джулиана, обычно такой лёгкий и ироничный, звучал сейчас с непривычной тяжестью. Он смотрел в гущу зелени, словно вновь перебирая факты. — Рев-

ность, слухи, угрозы положению и статусу... Этот проклятый перстень. Бедная девочка, она и не догадывалась, в какой опасности находилась. — Он покачал головой, вспоминая безжизненное тело Алисы.

— Но именно страх за ребёнка и помог раскрыть дело, — тихо отозвалась Элеонора, не отрывая взгляда от огромного тёмно—бордового цветка, на бархатистом лепестке которого дрожала капля воды, переливаясь в лунном свете, как слеза. — Фиби думала, что ружьё решит все её проблемы, но она не учла одного: Ирис готова была умереть, лишь бы защитить дочь. Это и сделало её сильнее.

Джулиан кивнул, в его серо—голубых глазах мелькнуло понимание.

— Да, улики были неопровержимы. Ружьё, порох, следы в снегу — всё указывало на неё. Но если бы не ваша проницательность, мы бы так и остались гадать, кто же стрелял в ту ночь. Вы заметили перстень, вы связали его с кровавым отблеском в темноте, который видела Алиса. Без этого камушка дело могло бы зайти в тупик. —

Элеонора слегка покачала головой, и в этом жесте была вся горечь пережитого.

— Фиби была не просто ревнива. Она боялась потерять всё — мужа, дом, статус. Страх заставил её пойти на преступление, но именно страх и погубил её. Она не смогла скрыть следы до конца. —

— А Ирис... — Джулиан перевёл взгляд на стеклянную стену, за которой медленно кружились снежинки, — она выбрала жизнь. Для себя и для Алисы. Это требует куда большего мужества, чем ненависть. —

Наступила пауза, наполненная лишь плеском воды и тихим дыханием ночи. Джулиан медленно повернулся к Элеоноре, делая шаг, в попытке сократить расстояние между ними до минимума. Шум каскада внезапно стал громче, заполняя пространство, но в этом звуке было что—то успокаивающее, словно сама природа давала им право на этот миг.

— Мы много говорим о них, — начал он. Голос его, потерявший деловую интонацию, стал глубже, мягче, обнажая то, что обычно скрывалось за маской сыщика. — Мы разбираем их страхи, их боль, их ошибки. — Он сделал ещё один шаг, почти касаясь её плеча. — Но ни слова о нас. Ни слова о том, что произошло в той комнате. —

Элеонора вздрогнула, но не отстранилась. Её изумрудные глаза встретились с его взглядом, и в них мелькнула тень той самой уязвимости, которую она так тщательно прятала.

— Случившееся... — начала она, но он мягко перебил.

— Я помню каждое мгновение, — его рука, сильная и нежная, коснулась её запястья. — Как пальцы дрожали, когда вы коснулись моей щеки. Как губы, прохладные и мягкие, ответили на мой поцелуй. Я не могу забыть этого, и, честно говоря, не хочу. — Он сделал паузу, позволяя словам осесть в тёплом воздухе оранжереи. — Скажите мне, что это было взаимно... Скажите, что не я один оказался слаб перед чувствами... —

Элеонора медленно перевела взгляд с его лица на падающий за стеклом снег. Белый и холодный, он резко контрастировал с буйством жизни внутри, но в этом контрасте было что — то притягательное, как и в их отношениях — смесь льда и огня.

— Это не было слабостью, — произнесла она, наконец. Голос дрогнул от честности, которую девушка до последнего боялась себе позволить. — Это было... признанием. Тем, чего я боялась больше всего. Вы один из немногих, кто увидел меня настоящую, без масок. И вы не отвернулись. — Она повернулась к нему, и в её изумрудных глубинах не было привычного льда, только усталость, обнажающая уязвимость, и абсолютное доверие. — Это испугало меня. И до сих пор пугает. Но я не хочу, чтобы это заканчивалось. —

Джулиан замер, услышав её слова. Его сердце забилося быстрее, и он почувствовал, как та лёгкая тревога, что жила в нём все эти дни, наконец уступает место надежде. Он осторожно, почти благоговейно, провёл пальцами по её щеке, убирая выбившуюся прядь волос.

— Тогда позвольте мне быть рядом, — прошептал он. — Не только как вашему другу и сыщику. А как мужчине, который искренне любит вас. Не знаю, какие события нас ждут впереди, но знаю, что более не хочу прятать свои чувства за разговорами о чужих судьбах. —

Она не ответила словами. Вместо этого она сама сделала шаг вперёд, сократив последнее расстояние между ними. Её пальцы, тонкие и прохладные, скользнули к его скуле, задержавшись на том самом тонком шраме, который всегда привлекал её внимание.

— Тогда не прячьте их... Не сейчас... —

Джулиан наклонился к ней, медленно, давая ей время отступить. Но она не отступала. Их губы встретились — сначала осторожно, почти невесомо, как прикосновение крыльев бабочки, но в этом первом, робком соприкосновении была вся их общая борьба, вся боль и робкая, яркая надежда. Поцелуй длился мгновение, но вместил в себя целую вечность.

Элеонора ответила с той же страстью. Охваченная жаром, она почувствовала, как его рука скользнула по её спине, прижимая ближе, разрушая последние барьеры. Шум воды в каскаде, казалось, стих, уступая место лишь биению их сердец, слившихся в едином ритме.

Когда он наконец отстранился, их дыхание смешалось — сбитое, неровное. Они смотрели друг другу в глаза, и в этом взгляде было всё: потрясение, невысказанные вопросы и тихое сияние искренней радости. Снег за стеклом теперь казался не символом холода, а волшебным покрывалом, окутывающим их внезапно изменившийся мир.

— Элеонора... — имя на его устах прозвучало как молитва, как самое прекрасное и любимое слово на свете. Голос слегка охрип от нахлынувших чувств, но в нём не было сомнений. Она продолжала смотреть ему в глаза, чувствуя бешеный стук собственного сердца. Во взгляде не было сожаления, только глубокая, сосредоточенная серьёзность.

— Это было неизбежно? — В голосе её звучал упрёк, скрытый в желании понять саму себя. Понять этот внезапный всплеск чувств. В мире, где царил расчёт. Джулиан же улыбнулся — улыбкой, что озарила всё его лицо, достигла глаз, заставив их сиять в лунном свете, как драгоценные камни.

— Да, — сказал он твёрдо, сжимая её руку. — Пусть самый неразумный, но самый необходимый поступок. —

Так они и стояли в тёплой, влажной тишине оранжереи, среди шёпота листьев и мерцания лунного света, отделённые от мира, что за стеклом. Теперь этот мир казался далёким и неважным. Остались только они — два человека, нашедших друг друга. Друзья, верные союзники и родственные души, отныне готовые идти вместе, несмотря ни на что.

Графство Камберленд. Гостиница «Олдридж Мэнор». 21 января 1852 год.

Дормез, что привез их в «Олдридж Мэнор» несколько дней назад, мягко покачивался на укатанной зимней дороге, увозя их прочь от гостиницы, где остались горечь разоблачения и призрак кроваво—красного камня. За окном проплывали бескрайние лесистые склоны Камберлендских гор, искрящиеся миллионами алмазных блесков, словно сама природа решила подарить им прощальный подарок — напоминание о том, что даже в самые тёмные времена есть место красоте.

Элеонора сидела рядом с Джулианом, вопреки всем правилам этикета, которые требовали, чтобы леди и джентльмен занимали отдельные места. Но после всего пережитого — после ледяного холода, оранжереи и тепла их первого поцелуя, после слёз Ирис и раздавленного взгляда Арчера — формальности казались чем—то далёким и неважным. Она слегка откинулась на спинку сиденья, позволив себе ту редкую роскошь — расслабиться, зная, что рядом есть тот, кому можно доверить эту усталость.

Перед отъездом, ещё на рассвете, она отправила служанку вперёд. Девочка, немая и преданная, как тень, получила чёткие указания: багаж, документы, личные вещи — всё должно быть доставлено в «Чёрную Магнолию» до её возвращения. Элеонора не хотела, чтобы их

сопровождали лишние глаза и уши. Этот путь, короткий и долгий одновременно, принадлежал только им двоим.

— Она справится, — тихо сказала Элеонора, словно отвечая на невысказанный вопрос Джулиана. — Мои слуги знают своё дело. И они достаточно мудры, чтобы не задавать лишних вопросов. —

Джулиан улыбнулся, и в этой улыбке было что-то тёплое, почти мальчишеское.

— Я и не сомневался. Но признаюсь, я немного удивлён. Обычно вы предпочитаете держать всё под контролем. —

— Иногда контроль — это иллюзия, — сказала Элеонора, и в её голосе послышалась та самая спокойная мудрость, которая так восхищала его. — Я поняла это за последние дни. Мы не можем контролировать всё. И... — она сделала паузу, глядя на него, — порой стоит довериться судьбе. —

Он не ответил. Вместо этого его рука, лежавшая на сиденье между ними, слегка шевельнулась, и мизинец коснулся её ладони. Лёгкое, вопросительное касание. Элеонора не отдернула руку. Наоборот, её мизинец ответил едва уловимым движением — молчаливое разрешение. Нежно и уверенно пальцы, привыкшие к реактивам и оружию, осторожно вплелись между её пальцами — тонкими, изящными, привыкшими к перу и чернилам, — сомкнувшись в тёплый, крепкий замок.

Сплетённые руки лежали на сиденье, став островком тепла и связи в качающемся пространстве кареты. Никаких слов. Никаких объяснений. Только это сплетение, передающее всё: обретенное доверие, тихую радость от близости, успокоение после бури и обещание чего-то большего, чего-то, что только начиналось.

Внутри царила тишина, но не пустая, а глубокая, тёплая, насыщенная. Она была наполнена их дыханием, чуть слышным скрипом сидений, мерным стуком копыт и памятью — памятью о тепле оранжереи, влажном воздухе, серебристом лунном свете на тропических листьях и том невероятно важном мгновении, когда их губы встретились в тихом, но таком красноречивом поцелуе. Это воспоминание витало в воздухе кареты, осязаемое, как бархат, согревая их изнутри даже в этом холодном зимнем путешествии.

Джулиан, наблюдая за сменой зимних пейзажей, про себя запоминал все те прекрасные мгновения, что они с Элеонорой провели в этом чарующем, холодном краю. Между ними не было слов. Всё, что нужно было сказано взглядами, прикосновениями и поцелуями, навсегда изменив их отношения, стерев тонкие нити невидимых границ.

— Как удивительно, порой сплетение судеб, — произнес он наконец, не отрывая взгляда от проплывающих за окном заснеженных холмов, — Сколько факторов должно было сойтись, чтобы мы встретились. —

Элеонора слегка повернула голову, вопросительно приподняв бровь. Она не ответила, но уголки её губ дрогнули в той редкой, едва уловимой улыбке, которую он научился ценить больше любых слов. В этом молчаливом признании было больше смысла, чем в долгих речах.

За окном медленно проплывали заснеженные поля, тёмные скелеты деревьев и редкие домики, из труб которых вился уютный дымок. Всё это казалось далёким, почти нереальным — частью другого мира, в котором они были просто зрителями, а не участниками. Здесь, внутри кареты, существовал только их собственный мир — тёплый, хрупкий и бесконечно ценный. Когда на горизонте начали проступать первые очертания Лондона — серые, размытые, окутанные зимней дымкой и вездесущим смогом, — они оба почувствовали, как что-то меняется. Город ждал их. Со своими новыми лабиринтами улиц, новыми тенями в переулках, новыми происшествиями, жаждащими разгадки. Но сейчас, в этот короткий миг, они везли с собой не только улики и воспоминания о раскрытом деле. Они везли с собой маленький, хрупкий, но невероятно ценный островок мира и понимания, завоеванный в огне расследования и расцветший под стеклянным небом зимнего сада.